

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Сборник научных трудов
по материалам
VII Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 января 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
Т 33

Теоретические и прикладные аспекты современной науки :
Т 33 сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции 31 января 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. М.Г. Петровой. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2015. – Часть V. – 164 с.

ISBN 978-5-9906141-8-5

ISBN 978-5-9906355-3-1 (Часть V)

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам VII Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты современной науки» (г. Белгород, 31 января 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по искусствоведению и культурологии, социологии, юриспруденции, политологии.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 690-11/2014 от 05.11.2014 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-5-9906141-8-5
ISBN 978-5-9906355-3-1 (Часть V)

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Петрова М.Г. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	6
<i>Боева О.А.</i> НАРОДНАЯ КУКЛА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	6
<i>Городова М.Н.</i> ЗНАЧЕНИЕ КАНОНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ.....	8
<i>Грушко Г.И.</i> СИНЕРГЕТИКА В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МУЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ	12
<i>Клепикова Е.К.</i> КОНТЕКСТНАЯ РЕКЛАМА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА	19
<i>Личман Е.Ю.</i> РАЗВИТИЕ МУЗЕЕВ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	21
<i>Личман Е.Ю.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАВЛОДАРСКОГО РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	24
<i>Покачалов М.В.</i> ИДЕЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ	27
<i>Устинова Я.А., Мармилова М.А.</i> ФЕНОМЕН ИДЕАЛИЗАЦИИ ВАМПИРИЗМА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ.....	31
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	35
<i>Айвазян Ш.Г.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ВРАЧЕЙ-ТЕРАПЕВТОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОГЕНЕЗА.....	35
<i>Антипова А.А., Овчинникова Т.М.</i> РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	37
<i>Богданова А.Д.</i> ИЗУЧЕНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПИЩЕВОЙ ОТРАСЛИ В РАМКАХ ТЕОРИИ СТРУКТУРНОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА.....	41
<i>Звонкина О.П.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СООБЩЕСТВЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ – НИВЕЛИР КОНФЛИКТА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА	45
<i>Коновалов А.П.</i> ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА И СЕЛЬСКОГО РАЙОНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	49
<i>Коркия Э.Д., Мамедов А.К.</i> СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ОТЧУЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО «URBAN-SOCIETY».....	58
<i>Мазнев С.Ф.</i> СУБКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА	63
<i>Мочалин А.В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТАРООСКОЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА)	66
<i>Пашаева М.Р.</i> УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИЗМЕ ТЕОРИИ СТРУКТУРИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	71
<i>Репина Е.И.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В РАМКАХ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА.....	73
<i>Щанина Е.В.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	77

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	80
<i>Братчиков Д.А.</i> ЧАСТНОЕ НАЧАЛО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	80
<i>Бунегин А.К.</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНФЛИКТУ ИНТЕРЕСОВ	87
<i>Зверьянская Л.П.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИБЕРМОЩНОСТЕЙ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ.....	89
<i>Иванников А.И.</i> ВИДЫ И ФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ	91
<i>Игнатушина М.В.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ АВТОРАМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	95
<i>Карданов Р.Р.</i> СЛЕДЫ РУК В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ	97
<i>Корнилова У.В.</i> РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ ОБОРОТСПОСОБНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ	100
<i>Котельникова О.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ САМОСУДУ	104
<i>Лукьянчикова Е.Ф., Криволапов Д.М.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	106
<i>Примак К.Ю.</i> ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ И КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО.....	111
<i>Санайлов Т.А.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	112
<i>Старченко Е.В.</i> РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	118
<i>Сэруа В.С.</i> ПРОЦЕДУРА ОТКРЫТИЯ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	120
<i>Усанова М.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ПРАВА СТОРОНАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ	124
<i>Ханина А.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	127
<i>Хрипушин Э.Н., Кочедыков С.С.</i> ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЕЙ 285 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	132
<i>Яковлев Н.А., Раманова О.И.</i> ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	134
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	137
<i>Кунец М.С.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	137

Панова Е.С. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ДИАЛОГА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ.....	143
Порывкин В.Н. ПАРТИИ РФ: ВЫРАЗИТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ИЛИ ПОСТАВЩИКИ УСЛУГ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК?	145
Стариков Н.В. БЕЛГОРОДСКИЙ ИМИДЖ: «ФЕНОМЕН» ПРОТИВ ОБРАЗОВ ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО.....	150
Фролов В.Е. ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ	153
Элибегова А.Г. К ПРОБЛЕМЕ ГЕРОЕВ ВОВ ОТ АЗССР – ЭТНИЧЕСКИХ АРМЯН	158

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

НАРОДНАЯ КУКЛА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Боева О.А.

доцент кафедры дизайн Государственного педагогического университета,
канд. ист. наук, доцент,
Россия, г. Воронеж

В статье рассматривается вопрос о значении народной куклы в аспекте сохранения традиций и культуры. Дается характеристика некоторым обрядовым, обереговым и игровым куклам, рассказывается о видах, назначении кукол.

Ключевые слова: обереговые, обрядовые куклы, социально-культурная среда, материальная культура.

Большее века привлекает внимание ученых народная кукла. Историки, и этнографы, педагоги и художники исследуют традиции народной куклы, изучают творчество мастеров. В конце 19 века народную игрушку и куклу начинают активно коллекционировать. Крупнейшая коллекция находится в Художественно-педагогическом музее игрушки Российской академии образования (г. Сергиев-Посад). Этот музей оказался одним из первых музеев открытых при Советской власти. Основателем и директором стал Николай Дмитриевич Бартрам. В настоящее время в современном обществе наблюдается повышенный интерес к народной традиционной кукле. Выставки кукол стали популярными и ежегодными. Появилось огромное количество книг и периодических изданий, повествующих об истории создания кукол, мастерах-кукольниках. Куклой заинтересовались и увлеклись. Кукла – знаковый образ человека. Она предстаёт перед нами как древнейшая форма игрушки, связанная не только игрой детей, но и с обрядовой стороной жизни взрослых. Известно, что у многих народов, вплоть до последнего времени, куклы использовались при исполнении некоторых религиозных обрядов. В этой роли она фокусирует время, историю культуры, историю народа, отражая их движение и развитие. Кукла – способ познания жизни и для тех, кто её создает, и для тех, кто с ней общается. Она (кукла), устойчивая и неизменная частица материальной культуры, органично вливается в подвижное русло художественного стиля каждой эпохи с его временными и национальными различиями, а также индивидуальными проявлениями. В настоящее время народная кукла, выполняет новую коммуникативную функцию: приобщение к народному культурному опыту. В ней концентрируется весь предыдущий философский и художественно – практический опыт народа.

Среди народных кукол можно выделить три основные группы: обрядовые, обереговые, игровые.

Обрядовые куклы использовались в переходных ритуалах жизненного цикла отдельного человека и также при смене природных циклов и были обязательным атрибутом основных семейных обрядов: родильного, свадебного и

погребального. Основной функцией таких кукол – помощь в переходе от одного периода жизни к другому. В родинном обряде участвовали: Пеленашка, Куватка, закрутки. В свадебном обряде – Свадебная, Неразлучники, Зольная, Утишительница, Пеленашка, в погребальном – закрутки.

Ко второй группе народных кукол относятся куклы – обереги или обережные. Они служили для защиты дома и детей. Считалось, что они охраняют от сглаза, приносят удачу, забирают болезни. По народным поверьям оберегающие куклы несли в себе доброе начало, охраняли от темных сил, ссор. Обережные куклы можно разделить по функциям: продуцирующие (десятиручка, столбушка с детками), защитные (куватка, берегиня, бессонница), очистительные (кубышка, масленица), заместительные (пеленашка). Куклы-обереги были в каждой избе, их ставили в красный угол или носили с собой. Изготовление куколки-оберега очень символично. Каждый лоскутик ткани, нитка или бусина имеет свой особый смысл. Для создания обереговой куклы не использовались иглы и ножницы. Куклы-обереги обычно делала женщина, так как она в семье считалась хранительницей традиций. Женщина делала такие куклы, соблюдая все правила их изготовления, обязательно веря в магическую силу куклы.

Игровые тряпичные куклы были в каждом доме и в большом количестве. Куклу Кулему делали из платка, складывая его особым образом так, чтобы получался мешочек, в который ребенок мог что-нибудь положить. Руки оформлялись узелкам, а голова представляла собой клубок, мелкую луковичу или ветошь, завернутые в угол платка. Кулема является однокоренным словом глаголу «кулёмать», то есть делать, что-то небрежно. Так за несколько секунд, даже без использования ниток, головной платок мамы превращался в куклу, и столь же быстро происходило обратное превращение. Еще одной типичной игровой куклой был зайчик на пальчик. В народе примечали, если дети усердно играют в куклы, то значит, в семье будет достаток, а если небрежно обращаются с куклами, то быть в доме неприятностям. В каждой семье были свои куклы, их бережно хранили и передавались по наследству.

Народная кукла, так или иначе, отражает эпоху и ее эстетический идеал. Она – одно из тех отобранных веками средств информации, с помощью которого человечество передает новому поколению свой жизненный, в том числе и художественный опыт. В настоящее время в России народная кукла переживает подлинное возрождение. Она становится живым средством общения и приобщения к народному культурному опыту.

Список литературы

1. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. Издательство «Культура и традиции». Москва, 2007.
2. Данковская Р.С., Редин Н.Е. Об изучении народных детских игрушек // Воронежский историко – археологический вестник.1921. №2.
3. Зимина З.И. Текстильные обрядовые куклы. – М.: Издательство «Ладога-100». 2007. – 67 с.
4. Шайдунов Н.В., Традиционная тряпичная кукла: учебно-методическое пособие. – СПб.: ООО «Издательство «Детство-пресс»), 2012. – 176с.

ЗНАЧЕНИЕ КАНОНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Городова М.Н.

старший научный сотрудник Отдела исследований русской архитектуры
Института русской живописи, канд. искусствоведения,
Россия, г. Москва

Проблема канона в культовом зодчестве является ключевым вопросом архитектуры и церковного искусства в целом, поскольку именно канон отделяет *священное от мирского*. Размышление о каноне – это водораздел мыслей о традиции и наследовании знаний, о методе трансляции сакрального и самом языке этого метода. И в этой связи возникает целый ряд важнейших вопросов, связанных с проблемой наследия.

Ключевые слова: каноны в архитектуре, традиции храмостроения, теория пропорций в архитектуре, сакральное пространство.

Творения зодческого искусства были призваны отражать через систему пропорций ряд кардинальных идей, определили канонический строй древнерусского зодчества. Каноническим библейским образцом служил Иерусалимский Храм, новозаветным образцом стал храм Софии Цареградской – дом вселенской Премудрости, наследие царствующего града восточно-христианской церкви – Константинополя, выразившееся в идее соборного единства, гармонии, красоты. Для Древнерусской духовной и эстетической культуры в чуде явления Божией Матери был дарован уникальный новый образец храма в облике Великой Успенской Церкви Киево-Печерского монастыря. Весьма важным для концепции данной диссертации явилось замечание К. Н. Афанасьева о «необычайности» событий, связанных со строительством Великой Успенской церкви в Киеве. Он отмечает, что *«указанные размеры явились своего рода заданием, с которым зодчие не могли не считаться»*. В силу этого *был нарушен обычный для храмозодчества метод построения соразмерностей»* [1, с. 73]. Однако, к вопросу о каноне К. Н. Афанасьев не относит сам этот факт появления нового метода соразмерностей. С каноничностью он связывает четырехстолпность и трехапсидность храмов. Взаимосвязь появления нового метода соразмерностей, новой меры, прецедента упоминания об этом событии в летописи, серьезность отношения зодчих к появлению *«нового задания»* – все это послужило поводом рассматривать данную совокупность фактов и смыслов, как явление *канона* для древнерусской архитектурной традиции.

По замечанию М. Элиаде «Священные места высшего ранга — алтари и святилища строились, разумеется, по традиционным канонам. Но в конечном счете эти каноны дала выработка *in illo tempore* архетипа святого места, архетипа, который с тех пор при возведении каждого нового храма, святилища или алтаря воспроизводился снова и снова. Примеры священных мест, построенных по архетипической модели, бесчисленны» [5, с. 225]. Памятью такие глубинные корни, определяющие проблемы канона пропорций обратимся к эпохе древней Руси, поскольку этот период дает нам официальную

каноническую духовную доктрину в действии. Именно *старые правила* предстают пред нами в качестве универсального метода для зодчих всех времен.

Поднимаемая тема важна сейчас, когда современное храмостроительство находится в состоянии возрождения, в поиске новых решений. Теория канона донныне не сформулированная в должной мере, несмотря на разработанные Лосевым А. Ф. эстетико-философские определения термина «канон», который он определяет как «числовые схемы, которые обладают абсолютной значимостью» [4, с. 338]. А. Ф. Лосев очень близко подошел к определению канонов искусства в целом, он глубочайшим образом осмыслил проблему художественного канона и дал определение канону как начальной структурно-числовой схеме произведения, однако напрямую не связал это понимание канона с пропорционированием в зодчестве. Если же размышлять о структуре и пропорциях зодческого искусства, то становится неизбежен вывод, что именно пропорция представляет собой основу канона, как *структурно-числовая схема*, которая определяет общий гармонический и образный строй произведения. Канон пропорций представляет собой весьма удобную общекомпозиционную модель, которая может быть наполнена адекватным времени чертами, художественными и строительными приемами. Дать понять это современному архитектору достаточно сложно, т.к. он заражен вирусом самореализации, модернизации искусства любой ценой. Тогда как в искусстве храмостроения одним из главных компонентов всегда должны быть вопросы вечности, неизменности.

Каноны церковные находятся в воле и ведении церковных догматов, поэтому и Священное Писание и Предание предстают с точки зрения художественного творчества абсолютным и авторитетным материалом для определения канонических правил. Таким образом, каноны церковного зодчества имеют свое основание «метафизике», там, где имеют свои основания многие науки: это физика, математика, астрономия, поэтому становится понятно, что принципы и теоретические основы наук и искусств пересекаются. Это основание позволило нам провести параллели и аналогии от одной дисциплины к другой в тех случаях, когда того требовал поиск решения.

Символике декоративно-прикладного убранства, видимых структур и форм уделено достаточно внимания в теории архитектуры и искусствоведении, тогда как символика пропорций всегда остается периферийным направлением. И это еще потому, что требует необходимо выхода за пределы предмета исследования, каковым является архитектура как искусство и строительное дело. Предмет пропорционирования в архитектуре требует рассматривать архитектуру как мудрое делание. А это влечет за собой сведение во едино мифы и научно-теоретические представления о мироустроении как в прошлом, так и сейчас.

Главная опора используемого в этом проекте метода исследования коренится в универсальной синергической парадигме сознания, фиксирующей единство научного и мифологического миропонимания. Наука со своей стороны, также широко использует мифы – *научные парадигмы*, а свойство ми-

фологического, метафорического отражения действительности – едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции и обобщения. *Мифо-метафорический тип постижения мира* позволяет сводить воедино научные представления, задавать аналогии и ассоциации между разными системами понятий, формировать общее познавательное «поле» науки, выступая в качестве «эпистемологического деступа» научного понятия.

Принцип «золотого сечения» или *Божественной пропорции*, «принцип гармонического ряда Фибоначчи», принцип воспроизведения сакрального числа в культовом зодчестве – представляют вариации *канона пропорций, которые имеют свой язык, соответствующий каждый раз определенной эпохе, но представленный в какой-либо приемлемой для своего времени форме*. В этом ряду – Предания – занимают почетное место, как форма сохранения метафизических знаний и принципов, которая сберегается и транслируется подобно святыни.

Активная роль математических дисциплин в средневековом зодчестве позволяет трактовать архитектурные памятники с позиции духовного опыта, догматики христианского учения и естественно-научного знания Древней Руси. Подобная реконструкция творческого мышления средневекового зодчего Древней Руси приводит к раскрытию смысла и значения метрической системы древнерусской архитектуры. Современные тенденции архитектурного творчества в области церковной архитектуры столкнулись с необходимостью реализации древнейших законов построения сакрального пространства. Не секрет, что базовые знания в этой области основаны в большинстве случаев на индивидуальном опыте архитектора. В настоящее время программа культового строительства испытывает дефицит информации в материалах носящих характер популяризации фундаментальных принципов построения пространства.

Что такое *каноны* с точки зрения архитектурной практики? – Это *прикладная в современном понимании область духовной традиции, напрямую позиционирующая метафизическую компоненту откровения*. Именно такое качество священного канона содержит, хранит и транслирует предание Киево-Печерского Патерика о чуде строительства Великой Успенской Церкви.

В Древней Руси именно церковное Предание стало хранилищем *правил и законов зодчества*. Это высочайший статус, который можно предать такому явлению как священный канон церковного зодчества. Обращение к каноническим принципам формообразования церковного пространства, оставленных в Предании и церковном Писании может стать одним из методов сохранения и реконструкции исторической традиции, необходимой для развития современного культового зодчества.

Уникальность и знаковость откровения о строительстве Великой Успенской церкви равнозначно библейским сказаниям о Ноевом Ковчеге, откровению о Скинии Завета, видению пророка Иезекииля. Факт фиксации в летописи соответствует признанию его *меморандумом древнерусского архи-*

тектора, что подтверждено последующим отношением к этому явлению как к богооткровенному ОБРАЗЦУ древнерусской архитектуры [2, с. 19].

Священный образец, который отражает логику построения пространства на базе традиционных методов интерпретации смысла пропорций и мер – это основа *узнаваемости и родства* языка архитектуры, которую не дерзали прерывать наши предки, поскольку иного *откровения образа храма* дано не было.

Знаковая система пропорциональных соотношений – наиболее глубокая форма архитектурного символа, потому как требует дешифровки смысла пространства с позиции скрытого смысла числа [3, с. 54] и меры, владения сугубо архитектурным мастерством, навыками ряда инженерных и художественных ремесел, и комплексного взгляда на объект исследования. Это почти *эзотерика в архитектурном делании* еще и потому, что соответствует этапу наиболее таинственному и глубинному в творчестве архитектора – а именно этапу формирования концепции. Это замысел и реализация исповеди главных догматов веры, состоявших в стремлении воплотить в знаках и символах Мира Земного знания о законах Мира Небесного.

Поэтому анализируя пропорции храма мы используем универсалии символического языка геометрии пространства [5, с. 257], языка числовых символов, аналогию микрокосма и макрокосма, семантику «круга как образа Неба» и «квадрата-креста» как образа Земли и многие другие образы и аналогии. Это осмысление закономерностей формирования сакральной традиции храмостроения может быть интерпретировано как *система принципов, представляющих опору для творческих вариаций художественного языка древнерусского храмового зодчества*.

Канон пропорций, со своей стороны, в качестве внутреннего стержня произведения участвует в структурировании как «прамодель» и составляет основной принцип искусства храмостроения, обеспечивая создаваемый объект гармонизированной структурой, сформированной так же в соответствии с основными принципами и законами мироустройства.

В целом, процесс канонического структурирования пространства в древнерусском зодчестве носит характер, позволяющий свободно моделировать мерой, строить композицию на основе гармонии числового канона и гармонии мерной системы.

Символизм числа в науке пропорционирования представляет инструмент, способствующий выражению идеи образа, напрямую транслируемой через число. *Мера – это инструмент переменной исторической рефлексии*, в отличие от числа – *категории метафизической, абсолютной и вечной*. Неслучайно, в священных преданиях говорится *исключительно о числах*, поскольку это последняя универсальная константа, не подверженная трансформации.

Творение *в каноне* представляет иллюстрацию применения закона аналогии как удобного и гибкого творческого метода. Древнерусское зодческое искусство адаптировало в своих образцах этот универсальный творческий принцип, показав примеры внутреннего единства замысла при всем разнообразии и неповторимости отдельных памятников зодческого искусства. Соот-

ветственно канону, каждый возникающий новый храм воплощал собой представлявшую его доктрину, всякий раз, от храма к храму, творчески совершенствуя накопленный опыт.

Символика пропорций может выражаться через разнообразную комбинацию систем, сохраняя при этом свою изначальную сущность. Пропорциональная схема в качестве внутреннего стержня произведения участвует в структурировании создаваемого как его «прамодель», идеальный или иконографический образец. Иконографическая модель символа способна средствами формообразования разворачиваться соответственно историческим и культурно-духовным требованиям времени, сохраняя при этом свою начальную исходную образцовую структуру. Для древнерусского храмостроения определен термин «канон», в основу которых входит структурирование пространства на основе универсальных принципов гармонии.

В заключении следует подчеркнуть, что мера – это средство, обладающее внутренним гармонизирующим характером в силу антропоморфности своего происхождения. Традиционная система мер наделена априори всеми свойствами совершенства, как созданная по подобию совершенного человеческого тела и его сочленений. Соответственно, традиционная саженая система в купе с каноническими правилами таят в себе математическую гармонию вселенной, построенной по законам Золотой Божественной пропорции, в соответствии с музыкальным гармонический рядом, гармоническим числовым рядом Фибоначчи и Киево-Печерским каноном.

Именно поэтому система пропорционирования в архитектуре, сохранившая в своей основе священные установки в методах построения церковного пространства, может пониматься как принципиальная позиция, основанная на древних мировоззренческих моделях.

Список литературы

1. Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М. 1961. С. 73.
2. Городова М.Н. «Меры» и «правила» архитектуры древнерусского храма» / АСADEMIA. Архитектура и строительство. – М., 2011.
3. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVII века). – СПб., 2000.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000.
5. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М., 1999.

СИНЕРГЕТИКА В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МУЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Грушко Г.И.

преподаватель музыкально-теоретических дисциплин ГБОУ СПО
«Воронежского музыкального колледжа имени Ростроповичей»,
кандидат искусствоведения,
Россия, г. Воронеж

В центре внимания – проблемы теории и истории музыки с точки зрения синергетики. С помощью эволюционно-синергетического подхода можно по-новому осмыслить

явления и процессы музыкального искусства: осуществить анализ жизни и творчества музыкального гения, оценить специфику бытия и становления музыкального стиля, представить музыкальную форму нелинейным процессом. Возможно, такой путь исследования станет одним из важнейших направлений музыкальной науки XXI века.

Ключевые слова: история и теория музыки, музыкальный стиль, синергетика, самоорганизация, нелинейная динамика, порядок и хаос.

Сегодня синергетика становится методологическим и мировоззренческим основанием не только естественнонаучно, но и гуманитарного знания. С помощью междисциплинарных технологий известные явления и процессы природы, культуры и искусства предстают в новом свете. Рассматривая проблемы естественных и гуманитарных наук под общим углом зрения, современные ученые приходят к выводу о *единстве научного знания*.

Однако «мода» на синергетику поднимает «обильную пену». Появляется множество поверхностных и искажающих ее сущность выступлений и публикаций. Из-за отсутствия критики «инициативные гуманитарии» стремятся приложить ее идеи и методы «почти ко всему на свете» [5]. Заставляет задуматься, например, высказывание такого рода: «...физика в той же степени сводима к гуманитарным наукам, как и гуманитарные науки – к физике».

Ученые, озабоченные профанацией идей и методов синергетики, часто задают вопрос: не происходит ли, зачастую, «безосновательная экстраполяция» ее законов, принципов и понятий в гуманитарные науки? Не возникает ли при этом иллюзии принципиально нового подхода? Может быть, перенос их в гуманитарную сферу, в частности, в искусствоведение, совсем и не нужен?

Обсуждая проблемы философии науки, некоторые из них заявляют: «Как часто даже выдающимся ученым не удается подняться над горизонтом методологической сумятицы» [9, с.264]. Не боясь преувеличений, они констатируют, что современное искусствоведение является «центральной обителью антинаучного синдрома», так как отсутствие «концептуального мышления» все сводит на нет [9, с. 309].

В последние десятилетия XX столетия представления о мире и человеке существенно изменяются. «Пропасть» между естественными и гуманитарными науками сокращается – внимание ученых переключается на изучение сложных систем самого различного происхождения и выработку междисциплинарных подходов в русле *синергетики*, что, в свою очередь, означает смену теоретико-методологических ориентиров в искусствоведении и музыковедении [2, 4, 21].

Обратим внимание на то, что особенностью современного научного познания является восприятие мира как целостности, что ведет к необходимости исследования отдельных явлений и процессов в глобальном контексте. Эволюционные представления, первоначально получившие обоснование в биологии, астрономии и геологии, переносятся на все сферы действительности и воплощаются в концепции глобального эволюционизма.

Создание вероятностных моделей систем самого различного происхождения на основе эволюционно-синергетического подхода является прерогативой современного научного познания. Неисчерпаемость моделируемых объектов наводит на мысль об *Универсальной модели* всего существующего – самоорганизующегося Универсума во всех его проявлениях.

В качестве такой модели, по мнению А.А. Коблякова, может выступить Творчество и его продукт – произведение искусства [15]. Синергетическая методология эклектична, в таком случае, моделировать действительность необходимо на базе эстетических феноменов что «удовлетворяет принципу соответствия». С точки зрения будущего Единого знания о Мире в Человеке и о Человеке в Мире общей мембраной являются Творчество и Гармония.

С появлением неравновесной термодинамики и введением понятия *открытая система* становится понятно, что ключ к пониманию эволюции содержится во взаимодействии системы с окружающей средой. С таких позиций можно охарактеризовать *открытые неравновесные нелинейные системы*, определить общие тенденции и универсальные алгоритмы их развития, объяснить генезис новых структур, а также моделировать эти процессы [6, 7, 13, 17, 18].

С точки зрения синергетики, каждая из них есть сетевое образование – *фрактал*, существующий среди подобных объектов и взаимодействующий с ними. Любой фрактал тотален – он отражает как в зеркале свойства мира, что конкретизирует древний философский принцип *все в одном и одно во всем*. Поэтому, весь мир представляется самоорганизующимся Универсумом, построенным по фрактальному принципу.

Взаимодействуя со своим окружением, такие системы постоянно балансируют на грани хаоса, оценивают свои эволюционные возможности и принимают ответные действия – адаптируются к окружающей среде. Развитие их проходит через состояния неустойчивости, периоды кризисов, бифуркаций и *хаоса*, поскольку одно лишь устойчивое состояние, *порядок*, по существу, является гибельным. Именно хаос обладает творческой силой, рождает новый порядок и служит стимулом эволюции [14].

Между тем, вопрос о статусе синергетики слишком запутан: она выступает и как физико-математическая дисциплина, и как междисциплинарное направление в исследовании систем, что обусловлено «многоликостью» различных школ, направлений и дисциплин.

Согласно В. Г. Буданову синергетика приобретает общий статус теории систем, описывающей незамкнутые, нелинейные, неустойчивые, иерархические системы. Это наука о становящемся Бытии, о самом Становлении, его механизмах и их представлении.

Синергетика трактуется и в более узком смысле, как своеобразный синтез математики и информатики, где используются нелинейные математические уравнения. Синергетика рассматривается и как научная дисциплина, предметом которой является определенный класс математических уравнений, используемых в целях моделирования.

Главное – синергетическая модель эволюции обнаруживает новые перспективы в понимании насущных проблем современности. Описание сложных систем такого масштаба, как Вселенная, Метагалактика или Земная биосфера, позволяет по-новому осмыслить проблемы выживания Человека и Человечества, самоорганизации биологических и социальных систем [3, 10, 21].

Эволюционно-синергетический подход оказывается весьма плодотворным в исследовании явлений и процессов культуры и искусства, в частности, музыкального искусства [4, 12, 20]. С новых позиций и в новом ракурсе можно осуществить анализ жизни и творчества музыкального гения, исполнительских интерпретаций, а также – музыкальной формы как нелинейного процесса [7]. Возможно, этот путь исследования станет одним из важнейших направлений музыкальной науки XXI века.

Такой подход можно применить и в исследовании *музыкального стиля* как самоорганизующейся целостности [6]. Возможно, научные поиски приведут к созданию новой стилевой концепции, которая синтезирует различные, даже противоположные, точки зрения, не вступающие в конфронтацию с идеями и методами синергетики (синергетика и новое мировидение, самоорганизация в природе и обществе, синергетический историзм, социальная самоорганизация, социокультурная динамика, самоорганизация и информация, универсальный эволюционизм).

Напомним, что в центре внимания синергетики находится изучение открытых неравновесных нелинейных систем, в процессе развития которых возникают пространственные, временные, пространственно-временные, функциональные, упорядоченные или хаотичные структуры [2, 11, 13]. Такие системы имеют многоуровневую структуру и *иерархичны*. Их развитие происходит через неустойчивость – в точках бифуркации совершается переход в качественно иное состояние, то есть обнаруживаются эмерджентные (ранее отсутствующие) свойства. Всякое новое появляется как непредсказуемое, однако имеющееся в спектре возможных состояний системы, настоящее которой формируется как из прошлого, так и из будущего.

Подобные системы попадают в конус *аттрактора*, который притягивает их к себе, концентрируя стохастические элементы, и участвует в создании нового порядка. Неравновесные условия вызывают эффекты корпоративного поведения элементов системы, спонтанного возникновения порядка из хаоса и свидетельствуют о нелинейности и альтернативности ее эволюции. Парадоксальным кажется то, что при переходе от хаоса к порядку все системы ведут себя схожим образом.

Любая открытая неравновесная нелинейная система отличается способностью к *самоорганизации*. От высших уровней к низшим уровням иерархии поступают сигналы, указывающие на возможность ее перехода от одного состояния к другому, к спонтанному образованию и развитию сложных упорядоченных структур. Существующие в потоке энергии, вещества и информации, такие системы активно взаимодействуют с окружающей средой, что приводит к их дезорганизации и возрастанию энтропии (степени беспорядка). Эти процессы лежат в основе неустойчивости и спонтанного появления по-

рядка из хаоса, столь характерного для самоорганизации. Таким образом, самоорганизация объясняется такими факторами, как открытость системы, ее удаленность от точки термодинамического равновесия, наличие флуктуаций, действие случайности, нарушение симметрии.

Однако открытые неравновесные нелинейные системы не только допускают хаос, но и всегда балансируют на краю хаоса, поскольку сама жизнь есть эмерджентный феномен. Процесс развития таких систем определяется как взаимодействие их элементов, протекающий во времени, то есть, как закономерное чередование фаз или стадий *порядка* и *хаоса*.

Как показывает проведенное исследование, к таким системам относятся и музыкальный стиль, для описания явлений и процессов которого используем метод аналогий и синергетическую терминологию – иерархичность, открытость, нелинейность, порядок, хаос, самоорганизация, аттрактор, бифуркация, фрактал и так далее.

Для того чтобы осмыслить музыкальный стиль с новых позиций и в новом ракурсе, потребуется:

1. Рассмотреть музыкальный стиль как сложную систему, включающую целостное множество взаимодействующих и взаимосвязанных единым порядком стилей (иерархические уровни: мега-, макро-, микро);

2. Выявить ее взаимодействие с системой более высокого порядка (музыкальный стиль – музыкальное искусство – культура) и охарактеризовать как открытую неравновесную нелинейную систему, обладающую эмерджентными свойствами;

3. Определить особенности ее функционирования и развития в контексте культуры и искусства;

4. Оценить возможности «динамической иерархичности» – особенности взаимодействий ее иерархических уровней (мега-, макро-, микро-), в результате которых и зарождается новая система стиля;

5. Изучить особенности стилевой динамики (цикличность, необратимость, альтернативность, определенная направленность, ускорение), сравнить с базовыми принципами синергетики и универсальными алгоритмами развития других самоорганизующихся систем;

6. Приложить понятия «порядок» и «хаос» к системе музыкального стиля, стремящейся к самосохранению и адаптирующей к изменяющимся условиям своего существования;

7. Построить эволюционные модели и запечатлеть их графически.

8. На основе полученных данных представить музыкальный стиль самоорганизующейся системой, стремящейся к достижению информационного максимума, а его историческое развитие – синергетическим процессом.

9. Сформулировать положение о музыкальном стиле как о самоорганизующейся целостности.

В таком случае, можно оценить специфику бытия и становления системы музыкального стиля как *структуры / процесса* в их неразрывной целостности. Познать сущность смены музыкальных стилей, определить значение каждого из них, будь то главенствующий или второстепенный стиль, в соот-

ветствии с особыми стилистическими приемами, свойственными творческой личности, и шире – композиторской школе, художественному направлению и музыкально-стилевой эпохе.

Кроме того, с новых позиций и в новом ракурсе можно осмыслить особенности стилевой динамики:

Первая фаза развития (...VI–VII века – третья четверть XIX столетия) основывается на чередовании музыкально-стилевых систем, следующих друг за другом в установленном порядке: ...*Средневековье – Возрождение – Барокко – Классицизм – Романтизм*.

В этот период происходит отбор и накопление ценной информации, что осуществляется в ускоренном темпе. Достижение информационного максимума и переломного момента приводит к хаосу – поиску эволюционных альтернатив, после чего система переходит в иное состояние – к новому порядку.

Вторая фаза развития (середина – третья четверть XIX–XXI века...) включает музыкально-стилевые системы: *Модернизм – Постмодернизм...*

В это время, наряду с рождением нового, активизируются процессы возврата к прошлому, что связано с глобальным рассеиванием или диссипацией накопленной информации и с усилением тяготения к стилевому синтезу.

Основными фазами развития системы музыкального стиля становятся: *порядок* (1 фаза); переломный момент – *хаос*; рождение нового *порядка* (2 фаза). Однако четкие грани между отдельными фазами и стадиями этого процесса, как и точные временные параметры, реально обнаружить не удастся. Речь идет не столько об идеальных соотношениях между ними, сколько об особенностях стилевой динамики, что проявляется в господстве двух диаметрально противоположных тенденций – *первой*, связанной с генерацией и накоплением информации, и *второй*, отделяемой глобальной бифуркацией, с рецепцией и рассеиванием информации.

Как и любая другая, система музыкального стиля постоянно оказывается перед выбором: точки бифуркаций на ее мега-, макро- и микро-уровнях сигнализируют об альтернативах эволюционного процесса. Так, в конце XIX века между основными фазами эволюции возникает глобальная бифуркация; бифуркации образуются и при переходе от одной музыкально-стилевой системы к другой, а также на других уровнях.

Можно говорить об *общих* тенденциях развития системы музыкального стиля – об усложнении и увеличении разнообразия в ней, изменении масштабов роста, ускорении, стремлении к достижению информационного максимума, что свойственно и другим самоорганизующимся системам.

Развитие системы музыкального стиля основывается на сочетании цикличности, определенной направленности и необратимости. Сосуществование различных стилей и множественность путей эволюции указывают на нелинейность этого процесса, детерминируемого извне и изнутри. Целостность ее можно рассматривать с точки зрения единства многообразия, которое возникает процессуально. При эволюционно-синергетическом подходе исследование частей системы, которые входят в целое, и наоборот (часть – целое, целое – часть), обязательно сопрягается с ее представлением самоорганизую-

щейся целостностью, что конкретизирует древний философский принцип: *нет ни первого, ни второго, ибо все Едино.*

Однако синергетические законы, принципы и понятия «...могут быть применены в данной ситуации, а могут и не быть... могут стать основой построения новой нелинейной познавательной парадигмы, а могут остаться отдельными находками в различных дисциплинах». Особенно «корректно» требуется решить проблему их экспликации в музыкознание, что, как мы видим, вполне осуществимо.

Кроме того, необходимо использовать плодотворные контакты с философией, эстетикой, семиотикой, социологией, информатикой, лингвистикой, психологией, акустикой, а также апробировать самые различные подходы, в том числе, эволюционно-синергетический подход, органично сочетая их с традиционными подходами [1, 6, 7, 8, 12, 16, 19].

Методологическое «достоинство» синергетики состоит в направленности на *целое*, что дает «существенный прирост знаний». Поскольку синергетические законы, принципы и понятия имеют «действительную всеобщность» и потому «философско-онтологический характер», они оказываются «востребованными» в различных областях научных знаний. Безусловно, их следует «задействовать» и в музыкознании – тогда ориентация на традиции и преемственность сменится признанием ценности различных инноваций и гармонией «междисциплинарных согласований».

Список литературы

1. Акопян Л.О. Теория музыки в поисках научности: методология и философия [Текст] / Л.О. Акопян // Музыкальная Академия. – 1997. – № 1. – С. 125–129.
2. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Текст] / В.И. Аршинов. – М.: ИФРАН, 1999. – 203 с.
3. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Основы общей теории социальной самоорганизации [Текст] / В.П. Бранский // Синергетическая философия истории. – Рязань: «Копи-принт», 2009. – 314 с.
4. Буданов В.Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании [Текст] / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – с. 174–210.
5. Вершков А.В. Синергетика: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А.В. Вершков. – Режим доступа: <http://cyberlenika.ru/article/n/-probiemy-i-sinergetika-i->
6. Грушко Г.И. Музыкальный стиль в истории европейской культуры [Текст] / Г.И. Грушко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 177 с.
7. Грушко Г.И. Музыкальная форма как нелинейный процесс [Текст] / Г.И. Грушко // Музыковедение. – 2013. – № 11. – с. 3–10.
8. Гуляницкая Н.С. Методы науки о музыке [Текст] / Н.С. Гуляницкая. – М.: Музыка, 2009. – 256 с.
9. Канке В.А. Философия науки [Текст] // В.А. Канке. – М.: «Омега-Л», 2008. – 328 с.
10. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего [Текст] / С. П. Капица. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с. 1997, с.61
11. Капра Ф. Паутина жизни [Текст] / Ф. Капра – Киев: «София», 2003. – 336 с.
12. Клюев А. С. Что такое музыка с точки зрения синергетики [Текст] / А.С. Клюев // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 1. – с. 125–129.
13. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе [Текст] / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 1998. – № 49. – с. 138–143.

14. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
15. Кобляков А.А. Синергетика и творчество: Универсальная модель устранения противоречий как основа новой стратегии исследований [Электронный ресурс] / А.А. Кобляков. – Режим доступа: <http://spkurdymov.ru/artsinergetika-i-tvorchestvo-universalnaya-model/>
16. Консон Г.Р. Целостный анализ как универсальный метод познания художественного текста (на материале музыки) [Текст] / дисс. доктора филос. наук / Г.Р. Консон. – Саратов, 2010. – 455 с.
17. Лоскутов А.Ю. Синергетика и нелинейная динамика: новые подходы к старым проблемам [Электронный ресурс] / А.Ю. Лоскутов. – Режим доступа: [http:// library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subactio...](http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subactio...)
18. Мелик-Гайзакян И.В. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем [Текст] / И.В. Мелик-Гайзакян. – М.: Физматлит, 2001. – 272 с.
19. Науменко Т.И. Музыковедение: стиль научного произведения [Текст] / дисс. доктора искусствовед. / Т.И. Науменко. – М., 2005. – 305 с.
20. Никитина И.П. Философия искусства [Текст] / И.П. Никитина. – М.: «Омега-Л», 2008. – 560 с.
21. Синергетика и методы науки [Текст]. – СПб.: Наука, 1998. – 438 с.

КОНТЕКСТНАЯ РЕКЛАМА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Клепикова Е.К.

студентка по направлению подготовки 101100 Гостиничное дело
ЕГУ им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец

В статье контекстная реклама на иностранном языке рассматривается в качестве эффективного способа продвижения услуг широкому кругу потенциальных потребителей. Данный вид рекламы позволяет не только доносить информацию, но и способствует развитию культурной осведомленности в сфере туризма.

Ключевые слова: контекстная реклама, контекстуализм, культура, регион, туризм.

Актуальность исследования обусловлено обращением к теории контекста, имеющей своим предметом различные типы целостности и взаимосвязей исследуемого феномена, его включенности в язык, в наличную ситуацию деятельности и коммуникации, в локальную и универсальную культуру.

Поскольку контекстуализм рассматривается как направление, исследующее взаимосвязи существующих предметов, пространств, объектов, его можно использовать не только при анализе педагогических и филологических явлений, но и социокультурных феноменов.

Следует отметить, что в настоящее время значительно расширилась сфера международного сотрудничества в области туризма, и укрепляются связи между различными странами. Специалисты в сфере туризма непосредственно связаны с международным культурным сотрудничеством, поскольку

им приходится посещать различные ярмарки, выставки, фестивали и т.д., а также принимать иностранных туристов в своей стране.

Поэтому контекстная реклама на иностранном языке является одним из перспективных направлений в сфере туризма. Данный вид рекламы – это простой и эффективный способ привлечь на сайт иностранных посетителей, заинтересованных в предлагаемых товарах и услугах.

Главной отличительной особенностью контекстной рекламы является зависимость рекламного материала от содержимого веб-сайта. Именно эта особенность обеспечивает столь высокую эффективность "контекста" – объявления видят только те люди (посетители сайта), которые заинтересованы в рекламируемом продукте [1, с. 9].

Размещаться контекстная реклама может как на страницах поисковых систем, так и на популярных тематических порталах. В первом случае объявления выводятся в ответ на запрос пользователя, содержащий заданное ключевое слово или фразу. В случае же размещения контекстной рекламы на сторонних площадках объявления для показа будут подбираться на основе сходства темы рекламируемой продукции с темой сайта.

С развитием международных отношений актуальным является подача контекстной рекламы на иностранном языке. В самом простом варианте это подача рекламы на общепринятом английском языке. Как вариант, возможно, предоставлять рекламу на двух языках – выбор языков зависит от целевой аудитории.

Данный вид рекламы становится очень популярным во всех городах. Не стал исключением и город Елец Липецкой области. На данный момент город развивается как туристско-рекреационный кластер, и подача рекламы является одной из основ его развития [2, с.30].

Контекстная реклама на иностранном языке даёт возможность привлечь в город иностранных туристов на такие фестивали, как «Антоновские яблоки» и «Русская закваска», проводящиеся ежегодно весной и осенью.

В подаче рекламы на иностранном языке необходимо учитывать отсутствие знаний иностранцев о национальном колорите и традициях Ельца. Следовательно, контекстная реклама на иностранном языке должна хотя бы в общих чертах донести до потенциальных клиентов все тонкости данных мероприятий. подача такой рекламы возможна на сайте ЕГУ им. И. А. Бунина, на сайте Липецкой области, а также на любых сайтах, затрагивающих туризм и фестивали.

Однако любая контекстная реклама на иностранном языке требует привлечения специалистов, как по рекламе, так и по иностранным языкам. Следовательно, на такую рекламу идёт гораздо большая затрата средств, чем на обычную контекстную рекламу. Несмотря на это, данный вид рекламы способен в полной мере окупить себя, поскольку любой потенциальный клиент (иностранец), увидевший рекламу на родном языке, или даже общепринятом английском, уже будет отдавать предпочтение этому продукту среди множества других предоставленных на непонятном ему языке.

Список литературы

1. Бабаев, А. Ю. Контекстная реклама [Текст]/А.Ю. Бабаев, Н.Н. Евдокимов, А.Н. Иванов. – СПб.: Питер, 2011. – 304 стр.
2. Бакурова, Е.Н., Паршуткина, Т.А. Использование регионального компонента в контекстном обучении иностранному языку студентов магистратуры нелингвистических направлений [Текст]/ Е.Н. Бакурова, Т.А. Паршуткина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8 (38): в 2 ч. Ч. II. – С.30-33.

РАЗВИТИЕ МУЗЕЕВ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Личман Е.Ю.

доцент кафедры Теории и методики музыкального образования
Павлодарского государственного педагогического института,
канд. искусствоведения, доктор философии (PhD),
Казахстан, г. Павлодар

В статье рассматриваются особенности развития музеев Павлодарской области в постсоветский период. Дается краткая характеристика фондов крупнейших районных музеев Павлодарского региона: Экибастузского историко-краеведческого музея, Аксуского историко-краеведческого музея, Баянаульского мемориального музея академика К.И. Сатпаева, Щербактинского историко-краеведческого музея.

Ключевые слова: современный музей, Павлодарская область, история музейного дела Казахстана.

Современный этап развития общества требует совершенствования музейного дела, а это невозможно без теоретического и практического осмысления накопленного опыта. Особую актуальность приобретает изучение процесса зарождения региональных музеев как составной части музейной сети Республики Казахстан и взаимодействия музеев с различными элементами культурной жизни.

Начало 90-х гг. XX века сегодня осмысливаются как новый этап развития в истории музейного дела Казахстана. Этот период знаменовался судьбоносным событием: в 1991 году Казахстан стал суверенным, независимым государством. С этого момента можно говорить о собственном пути развития музеев Казахстана, для которого характерны: поиски новых форм методов работы; изменение содержательной стороны музейной деятельности; ориентация на национальную тематику; актуализация научно-исследовательской работы; расширение музейной сети; появление новых типов музеев.

В начальный период государство, переживая эпоху становления в очень жестких условиях социально-экономических реформ, не могло оказывать музеям серьезной финансовой поддержки. Как и в других странах, ограничение в финансировании со стороны государства породило разнообразие новых функций и видов деятельности, которые трудно было соотнести с традиционными представлениями о музее и традиционными подходами к их проектированию [1, с. 33]. Кроме того, был резко ослаблен контроль и идео-

логическое давление на музеи. В каком-то смысле музеи в этот период времени оказались предоставлены сами себе. Одновременно государство стало более открыто к сотрудничеству с другими странами в самых разных сферах жизни, в том числе в музейной деятельности. В страну пришли зарубежные благотворительные фонды, музейные работники получили возможность пообщаться к опыту музеев других стран. При этом необходимо отметить, что музеи Казахстана развивали свою деятельность не на пустом месте. Основные коллекции исторических, этнографических, археологических материалов были собраны ещё в XIX–XX вв.

Музейное дело в павлодарском Прииртышье имея всего 70-летнюю историю, за короткий период сделало огромный скачок. Первый музей в регионе появился в 1942 году на базе областного отделения «Общества изучения Казахстана». Это был Павлодарский областной историко-краеведческий музей. Впоследствии именно он явился основой для открытия филиалов музеев в районах Павлодарской области. Сегодня вся область охвачена сетью музейных учреждений различного направления и назначения – историко-краеведческих, домов-музеев, музеев-заповедников, что свидетельствует о важности их для республики и всего народа.

Во исполнение приказа Государственного комитета Казахской ССР по культуре №32 от 1 февраля 1990 года в городе Павлодаре со 2 апреля 1990 года открыт музей литературы и искусства на базе литературного отдела областного историко-краеведческого музея, а в городе Экибастузе приказом №301 от 26 декабря 1990 года с 27 декабря 1990 года открыт историко-краеведческий музей.

В 1990 году два музея области в прошлом филиалы областного историко-краеведческого музея получили статус самостоятельных – это мемориальный музей имени К.И. Сатпаева в поселке Баян-аул и историко-краеведческий музей в г. Экибастузе.

Экибастузский историко-краеведческий музей был создан как историко-краеведческий отдел Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Потанина в 1988 году. В 1997 году к 40-летию г. Экибастуза произошло официальное открытие музея. К тому времени фонды музея составляли 4,5 тысяч экспонатов. На сегодняшний день в фондах музея насчитывается 28613 экспонатов, из них основной фонд – 24263 единиц, вспомогательный – 4350. Специалистами трех отделов использующими все формы музейной деятельности проводится большая работа по исследованию и сбору материалов по истории региона, а также по пропаганде и популяризации историко-культурного наследия и патриотическому воспитанию подрастающего поколения[4].

Баянаульский мемориальный музей академика К.И. Сатпаева организован в сентябре 1964 года на общественных началах, с 1967 года работает под государственным управлением. В основе собрания экспозиций музея – личные вещи, подлинные документы, фото, материалы, исследовательские работы о жизни и деятельности академика К.И. Сатпаева. Сегодня мемориальный музей академика К.И. Сатпаева – центр духовного наследия ученого, внося-

щий свой вклад в воспитание молодежи. Посетители музея в основном ученики школ районов, студенты лицеев, гости из Ближнего и Дальнего зарубежья [4].

Щербактинский историко-краеведческий музей начал свою деятельность с сентября 1999 года. В основе собрания музея имеются личные вещи, фото и видео материалы флора и фауна района, история района, быт и традиции народов населяющих район, бытовая утварь переселенцев. В музее с 2006 года функционирует лекционно-выставочный зал, где проводятся «Круглые столы», выставки местных художников, выставки работ народно-прикладного творчества, лекции и различного рода мероприятия, конкурсы, литературные викторины, вечера-встречи. В музее проходят презентации книг местных авторов, авторов из Павлодарской области, Ближнего Зарубежья. Конкурсы местных и областных исполнителей песенного и народного творчества.

История Аксуского историко-краеведческого музея начинается с 18 октября 2000 года. В этом году президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев объявил 2000 год «Годом поддержки культуры». В связи с этим было принято решение открыть в городе Аксу историко-краеведческий музей. Торжественное открытие состоялось 23 октября 2001 года в честь 40-летия города. В этом маленьком музее в экспозиционно-выставочном зале вместились вся история города, исторические предметы быта.

Музей имеет несколько разделов: археология, история города, почётные граждане, природа и фауна, промышленность и предприятия, зал этнографии, культура и спорт, средства массовой информации, сельское хозяйство, ветераны Великой Отечественной и афганской войны – 4 стенда, 50 лет целине и другие отделы, где есть экспонаты со своей тайной и историей людей, передавших их музею.

Музей проводит большую культурно-просветительскую работу. Традиционными стали мероприятия, лекции, круглые столы, встречи учащихся с ветеранами, почетными гражданами, воинами-афганцами. Организовываются выставки прикладного искусства мастеров Аксуского региона, оформляются стенды к юбилейным датам. Каждое мероприятие, проведенное в музее, публикуется в местной газете «Акжол», освещаются на волне радио «Аксу толкыны» [4].

В новое время каждый музей стремится найти своё лицо. В музеях происходит актуализация научно-исследовательской и культурно-образовательной функций. Для музеев Павлодарской области научно-исследовательская деятельность стала основой развития, создания и реализации культурно-образовательной деятельности. В то же время, именно культурно-образовательная деятельность «оправдывает» перед обществом, те капиталовложения, которые оно выделяет на развитие научных исследований в музее. Именно музей, на сегодняшний день является наиболее приближенной к идеалу структурой, в рамках которой могут вестись научные исследования, потому что в рамках такой институциональной структуры научная идея или открытие могут зародиться и дойти до общества. В отличие от «чистой» ака-

демической науки, «синкретическая» музейная наука более открыта для общества и может говорить на доступном языке. Государственная программа «Культурное наследие» (2004-2006), разработанная в соответствии с Посланием Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год» и пролонгированная до 2013 года, стала стимулирующим фактором в возрождении научно-исследовательской деятельности музеев, в том числе в Павлодарской области.

Список литературы

1. Российская музейная энциклопедия [Текст]: в 2-х т. – М., 2001. – Т. 1. – 395с.
2. Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и о музеях в Российской Федерации» [Текст]. – М., 1996. – 156 с.
3. Файзуллина Г.Ш. Особенности развития музеев Казахстана в современный период (1991-2008 гг.). [Электронный ресурс] / Файзуллина Г.Ш. – Режим доступа: <http://literature-edu.ru/pravo/191/index.html>.
4. Аксуский историко-краеведческий музей [Электронный ресурс] / – Режим доступа: pavlodar.gov.kz/page.php?page_id=3637&lang=1.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАВЛОДАРСКОГО РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Личман Е.Ю.

доцент кафедры Теории и методики музыкального образования
Павлодарского государственного педагогического института,
канд. искусствоведения, доктор философии (PhD),
Казахстан, г. Павлодар

В статье рассматриваются особенности развития художественной жизни Павлодарского региона. Автор приходит к выводам, что этапы становления художественной жизни нашли отражение в очерках и газетных статьях журналистов; в публикациях искусствоведов Павлодарского областного художественного музея; в совместных научно-исследовательских проектах ученых вузов Казахстана и России (ПГПИ г. Павлодар – АлтГУ г. Барнаул); в научных трудах преподавателей вузов Павлодарской области.

Ключевые слова: художественная жизнь, Павлодарский регион, научно-исследовательская деятельность ученых, педагогов, искусствоведов.

Художественная жизнь Павлодарского региона, подчиняясь общим закономерностям развития художественной жизни страны, характеризуется совокупностью процессов создания художественных ценностей, художественных образовательных учреждений, особыми формами популяризации, использования и сохранения объектов культурного наследия. Художественная жизнь Павлодарского Прииртышья как объект научного исследования, в трудах ученых XX века не получил широкого освещения, что подчеркивает актуальность проблемы.

Первые публикации, содержащие сведения о художественной жизни Павлодара, стали изредка появляться в начале XX века. Написанные журна-

листами, они представляли собой краткие объявления о предстоящих или действующих выставках. В этот период в Павлодаре издавались две областные газеты «Қызыл ту» и «Большевицкий путь» (основанные в 1938 году). Несмотря на типологическое разнообразие, публикации на тему художественной жизни печатались нерегулярно, носили информативный характер, так как были написаны, прежде всего, журналистами. Говорить о попытках авторов дать оценку выставочной экспозиции или творческому пути местного художника в газетной статье можно лишь со второй половины XX века. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда в регионе началось формирование искусствоведческой среды. Авторами публикаций все чаще стали выступать музейные работники. Их образование и профессия позволяла улучшить качественное содержание статей.

Благодатной почвой для развития искусствоведения в Павлодаре явилось создание в 1964 году Павлодарского областного художественного музея. Огромную роль в его организации сыграла инициатива павлодарских художников и директора областного историко-краеведческого музея Ивана Васильевича Лагутина. Работу по созданию музея, начатую И.В.Лагутиным, в 1965 году продолжил молодой директор Владимир Алексеевич Фрейман – искусствовед, приехавший в Павлодар из Москвы после окончания института. С его приходом в музее активизировалась научная работа. Устраивались выставки республиканского и всесоюзного масштаба. Издавались каталоги павлодарских художников. Это было началом большой научно – исследовательской работы, которая продолжается и сегодня [1].

Огромную роль в освещении событий художественной жизни региона этого периода сыграли искусствоведы Павлодарского областного художественного музея. С первых дней в музее работали Ксения Иосифовна Величко (с 1964 по 1984 год), Людмила Афанасьевна Кузнецова (с 1965 по 1988 год) сначала как научные сотрудники, затем главные хранители и директора музея. В 80 – 90-е годы в музее работали талантливые искусствоведы, во многом определившие направление его развития – Ольга Петровна Матвиенко, Ирина Алексеевна Никифорова, Антонина Бибина, Евгения Станиславовна Черных, Елена Викторовна Дубовая, Майя Хусаинова. В эти годы была разработана научная концепция комплектования коллекции, создана фондово-закупочная комиссия при музее, сформирован научный архив, велась научно-исследовательская и экспозиционная работа [2].

Большая заслуга в изучении, и пропаганде изобразительного искусства Павлодарского региона принадлежит искусствоведкам, опубликовавшим большое количество статей в журналах и сборниках, в каталогах к республиканским, областным и зональным выставкам (персональным и групповым), посвященных художественному музею, творчеству отдельных мастеров, развитию изобразительного искусства и градостроения. Наиболее значимыми являются труды: «Павлодарский областной художественный музей советского изобразительного искусства» (И. Никифорова); каталог «Ануар Игенбаев» под редакцией А. Канафиной, Г. Шестопаловой со вступительной статьей Е. Червонцевой; каталог «Галым Каржасов» со вступительной статьей Н. Аве-

рьяновой; каталог «Павел Лысенко» – вступительная статья Е. Дубовой. Е. Дубовая автор исследовательских работ, докладов и статей для научно-практических конференций и буклетов о творчестве А. Бибина, В. Приходько, А. Гулина, И. Короткова, Ф. Яцика, В. Батурина. Ценным в печатных изданиях является практическое знание материала авторами, их непосредственное участие в событиях художественной жизни региона [3].

После распада СССР изменилась концепция формирования музейного фонда, приоритетными направлениями пополнения собрания стали искусство Казахстана и особенно – история развития художественной жизни Павлодара. В музей пришли новые искусствоведы. Около двадцати лет в Павлодарском областном художественном музее работает Ольга Пашко, главный хранитель, а также куратор художественных выставок и неутомимый исследователь. Ее перу принадлежат статьи, посвященные творчеству современных художников Павлодара, молодежному проекту «М*АРТ» организатором и куратором которого она является [4]. Статьи К. Кожбаева, специалиста экспозиционно-выставочного отдела Павлодарского художественного музея печатаются в областных СМИ, освещая художественные события, проводимые музеем.

На рубеже XX – XXI веков, в связи с обретением Казахстаном Независимости, остро встал вопрос развития, сохранения, приумножения культурного и художественного наследия казахского народа. В рамках государственной программы «Культурное наследие» (реализация которой началась в 2003 г.) стали проводиться углубленные исследования национального наследия казахского народа. Одно из первых обширных краеведческих исследований по теме «Этнокультурные исследования Павлодарского Прииртышья (2001-2003гг.)» было проведено преподавателями Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. В 2002 году издан библиографический указатель, содержащий более 1400 наименований монографий, статей в научных, общественно-политических изданиях, газетах, энциклопедии «Павлодарское Прииртышье» [5, с.155].

В условиях глобализации искусство и культура становятся необходимым условием сохранения идентичности народов в процессе культурной и духовной интеграции. Развитию культурного диалога между Казахстаном и Россией послужило сотрудничество преподавателей Павлодарского государственного педагогического института и Алтайского государственного университета в рамках деятельности международной научно-исследовательской лаборатории «Культурное наследие и этнокультурные традиции Алтая, Казахстана и сопредельных территорий». Результатом научных исследований стали защищенные магистерские и кандидатские диссертации преподавателей Павлодарского государственного педагогического института по темам: «Фольклор как источник художественного национального стиля в искусстве Казахстана на рубеже XX – XXI вв» (Д.М. Мергалиев 2009 г.); «Развитие станковой живописи Казахстана в середине XX века в контексте влияния русской художественной школы» (Е.Ю. Личман 2010 г.); «Художественная жизнь Павлодарского Прииртышья второй половины XIX – первой трети XX

вв.» (Е. Жанайхан 2011 г.); «Художественная жизнь Павлодарского региона 40-80-х годов XX века» (Денисова Н.И. 2012 г.), «Памятники духовной культуры Павлодарского Прииртышья: история и современность» (Бойко М.Ю. 2014 г.).

Процессы художественной жизни Павлодара начала XXI века также нашли отражение в научно-исследовательских работах преподавателей вузов специализированных кафедр: «Архитектура и дизайн», Архитектурно-строительный факультет Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова; «Архитектура и дизайн», Инженерная академия Инновационного Евразийского университета; «Профессиональное обучение», Павлодарского государственного педагогического института.

Таким образом, художественная жизнь Павлодарского региона, нашла отражение в статьях журналистов; научно-исследовательских трудах искусствоведов Павлодарского областного художественного музея; в совместных научно-исследовательских проектах ученых Казахстана и России (ПГПИ г. Павлодар – АлтГУ г. Барнаул), преподавателей павлодарских вузов.

Список литературы

1. Шестопалова Г.П. История создания Павлодарского областного художественного музея [Электронный ресурс] / Г.П. Шестопалова. – Режим доступа: <http://pavlodar-museum.kz/ru/page/paper/69>.
2. Хусаинова М.Б. Первые директора Павлодарского областного художественного музея [Электронный ресурс] / М.Б. Хусаинова. – Режим доступа: <http://pavlodar-museum.kz/ru/page/paper/69>.
3. Денисова Н.И. Художественная жизнь Павлодарского региона 40-80-х годов XX века // автореферат диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения. – Барнаул: АлтГУ, 2012. – 35 стр. [Электронный ресурс] / Н.И. Денисова. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-zhizn-pavlodarskogo-regiona-40-80-kh-godov-xx-veka>.
4. Пашко О. Инновационные формы выставочной деятельности. Молодежный проект «М* АРТ» в Павлодарском областном художественном музее [Электронный ресурс] / О. Пашко. – Режим доступа: <http://pavlodar-museum.kz/ru/page/paper/69>.
5. Павлодарское Прииртышье: Энциклопедия [Текст] / под ред. Е.Арына. – Алматы: Эверо, 2003. – 675 с.

ИДЕЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

Покачалов М.В.

доцент кафедры истории и культурологии Национального исследовательского университета «МЭИ», канд. культурологии, Россия, г. Москва

В статье представлены взгляды ведущих представителей русского символизма на проблему культурной преемственности. Культурологические идеи Эллиса, Андрея Белого, Акима Волынского, Вячеслава Ивановна, Валерия Брюсова рассматриваются в контексте исторических и политических реалий начала XX столетия, а также в контексте заочной

полемики с немецким мыслителем Освальдом Шпенглером. Выявляется вклад русских символистов в формирование основ отечественной науки о культуре.

Ключевые слова: русский символизм, культура, культурная преемственность, культурное единство и многообразие.

В последние десятилетия интеллектуальное наследие русского символизма все чаще становится предметом исследования не только литературоведов и искусствоведов, но и культурологов. Проблемы кризиса культуры, соотношения культуры и цивилизации, развития и взаимодействия различных культурно-исторических типов, смены культурно-исторических эпох нашли отражение в поэзии, романах, научно-публицистических статьях и философско-культурологических трактатах ведущих представителей русского символизма. Их взгляды формировались в интеллектуальной атмосфере Серебряного века – эпохи, ознаменованной колоссальным взлетом русской культуры и предчувствием грядущих катастроф. Важное место в творчестве русских символистов занимала проблема осмысления логики историко-культурного процесса, преемственности и дискретности в развитии культур.

Видный теоретик символизма Эллис (Лев Львович Кобылинский, 1879–1947) предложил ряд определений понятия «культура», а также наметил принципы культурной типологизации. Процесс развития культуры видится Эллису как восхождение по бесчисленным ступеням к единой цели; каждая эпоха как бы завещает свои ценности последующей в соответствии единым планом и конечной целью. Подчеркивая преемственность мировых культур, Эллис утверждал, что религиозное искусство, обращаясь к будущему, должно использовать наследие прошлого, прежде всего античности, с ее «тайной мудростью» мистерий. На его взгляд, очевидна связь европейской культуры с ее истоками: «Греческий миф подал руку христианской легенде, герои Гомера оказались братьями крестоносцев, рыцарей короля Артура, языческий Арго классическим предвестником романтического и христианского Монсальвата, само Золотое руно, закатившись, возшло золотым щитом хранителей Грааля» [4, с. 199]. Все это является доказательством непреходящей ценности культуры, ее бессмертия.

Культурологическая проблематика занимала важное место в трудах поэта, философа и теоретика символизма Андрея Белого (1880–1934). На его взгляд, в каждой культуре заложены память о предыдущих и основы последующих. Идея признания самоценности всех мировых культур и их духовной преемственности противопоставляется как концепции европоцентризма, так и теории «локальных цивилизаций», выразителем которой явился немецкий философ Освальд Шпенглер, автор знаковой для первой половины XX века работы «Закат Европы». Исторический процесс и отдельные культуры как его непосредственные части русский поэт и мыслитель сравнивает с нитью и бусинками, составляющими вместе ожерелье. По словам Андрея Белого, «сторонники теории прогресса, вытаскивая нить, рассыпают все бусинки; и нет – ожерелья культуры; а Шпенглер, ощупывая бусинку, не видит ее пронизывающей нити. Эта антиномия когда-то уже расколола самосознание рус-

ских культурников на два непримиримых лагеря; на западников, сторонников всеобщего прогресса и на самобытников, славянофилов (Шпенглериацев до Шпенглера)» [1, с. 40].

О духовном единстве мировых культур, о невозможности их гибели писал в разгар Первой мировой войны литературный критик Аким Львович Волынский (1861 или 1863–1926). В статье с весьма показательным названием «Мировая культура» (1915–1916) он высказывает мысль о том, что высшие культурные завоевания отдельных народов представляют собою результат не столько их личных усилий на пути истории, сколько усилий человечества в целом. Волынский отвергал полную самобытность культурных достижений того или иного народа, аргументируя свою позицию многочисленными примерами древнейшей истории человечества. Гармоническое развитие каждой из культур зависит от творческого, мирного контакта с другими культурами, в противном случае духовные силы народов иссякают. Индивидуалистические, эгоистические, националистические тенденции в культуре нарастают в моменты кризисов (свидетелем подобного рода кризиса был сам Волынский).

Идея бессмертия культур и их духовной преемственности была близка и Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), поэту, знатоку и ценителю античности, теоретику русского символизма. Само слово «культура» Иванов, подобно философам П.А. Флоренскому и Н.А. Бердяеву, а также художнику Н.К. Рериху, возводит к культу предков, церковному культу; на его взгляд, только сохраняя верность своему подлинному истоку, культура может оставаться собой. Преемственность мировых эпох возможна благодаря культурной памяти, которая осуществляет связь времен. Типология культур Иванова построена на выявлении двух сменяющих друг друга состояний культурного бытия – органического и критического. Критическая культура индивидуалистична по своему характеру. Органическим культурным эпохам, к которым Иванов относит, в частности, древнеегипетскую и средневековую, присуще единство всех сторон бытия. Современную ему ситуацию Иванов рассматривал как кризис индивидуализма, предрекая вместе с тем скорое наступление органической эпохи: «То, о чем мы „пророчествуем“, сводится, с известной точки зрения, к предчувствию новой органической эпохи. Для недавно торжествовавшего позитивизма было едва ли не очевидностью, что смена эпох „органических“ и „критических“ закончена, что человечество окончательно вступило в фазу критицизма и культурной дифференциации. Между тем уже в XIX веке ряд симптомов несомненно обнаруживал начинающееся тяготение к реинтеграции культурных сил, к их внутреннему воссоединению и синтезу» [3, с. 39]. Задачу символизма Иванов видел как раз в активном участии в утверждении новой органической эпохи.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924), признанный мэтр русского символизма, изложил суть своей историко-культурной концепции в культурологическом исследовании «Учители учителей» (1917), в статье «Смена культур» (1920, опубликована К.С. Герасимовым в 1977 году), венке сонетов «Светоч мысли» (1918), стихотворении «Фонарики» (1904) и ряде других произведений.

Брюсов рассматривает мировое историческое развитие как непрерывный процесс. Череда сменяющих друг друга культур составляет единую цепь, в которой любое отдельное звено – одновременно цель и средство, служит не только переходом к последующему, но и имеет вполне самостоятельное значение. Каждая историческая эпоха духовно связана с предыдущей и заступающей ей на смену; она использует достижения своих предшественниц и подготавливает почву для преемниц. Именно проблема смены культур, наследования духовных ценностей, продолжающих жить в веках, явилась одной из центральных в концепции Брюсова. Вот как описывает он эти процессы в исследовании «Учители учителей»: «Культуры ранней древности гибнут все в промежуток между XII и VIII вв. до Р. Х. Но не гибнет их дух. Эллина впитывают то, что было жизненно в Эгейе; римляне учатся у этрусков; фригийцы подчиняются культуре яфетидов; персы воспринимают многое у халдеев; ацтеки – у майев; по всей земле идет деятельное усвоение молодыми народами начал древнейших цивилизаций. Завоевания Александра Македонского разносят эллинизм по всему Востоку. В царствах диадохов происходит слияние и смешение культур Запада и Востока. Победоносные римляне привлекают к этому обмену все страны вокруг Средиземного моря. В культуру Римской империи вливаются как культуры Древнего Востока, так и культуры Северной Африки (Карфаген) и древней Италии (этруски), и, наконец, культуры дальнего Запада (друидическая культура древнейшей Галлии). Египетские откровения соединяются в Риме с тайнами друидов, учение вавилонских халдеев с этрусскими гаданиями, эгейски-эллинические предания с темными воспоминаниями испанских лигулов. Вырастает единая греко-римская цивилизация, тот античный мир, в котором, как в огромном котле, свариваются в одно целое искания и открытия целых тысячелетий» [2, с. 435]. Далее античность весь этот усвоенный и переработанный материал передает последующим культурным эпохам.

Итак, русские символисты были сторонниками идеи преемственности и единства мировых культур. Каждая отдельная культура для них – звено в цепи многих, уникальное и неповторимое. Вместе с тем, культуры подвержены взаимному влиянию: они перенимают друг у друга духовные и нравственные ценности. Согласно символистам, ни одна из мировых культур не умирает полностью, а продолжает жить через определенные элементы, знаки, образы в последующих эпохах. Такой подход отечественных мыслителей к осмыслению характера и специфики цивилизационного процесса отличается от взглядов сторонников концепции «локальных цивилизаций» и, прежде всего, Освальда Шпенглера. Последний, по сути, отрицал единство человечества и логику исторического развития, рассматривая отдельные культуры в качестве изолированных друг от друга организмов, расцветающих, стареющих и гибнущих.

Список литературы

1. Белый Андрей. Душа самосознающая [Текст] / Андрей Белый. – М.: Канон +, 1999. – 560 с.
2. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. [Текст] / В.Я. Брюсов. – Т.7. – М.: Худож. лит., 1975. – 528 с.

3. Иванов В.И. Родное и вселенское [Текст] / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
4. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Неизданное и несобранное [Текст] / Эллис (Кобылинский Л.Л.). – Томск.: Издательство «Водолей», 2000. – 480 с.

ФЕНОМЕН ИДЕАЛИЗАЦИИ ВАМПИРИЗМА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Устинова Я.А.

магистрант кафедры культурологии
Астраханского государственного университета,
Россия, г. Астрахань

Мармилова М.А.

магистрант кафедры культурологии
Астраханского государственного университета,
Россия, г. Астрахань

В статье идеализация вампиризма рассматривается в качестве причины образования новой молодежной субкультуры – «вампирической». Причины массового распространения данного феномена автор статьи видит в образе жизни и возможностях, а также в идеализации личностей вампиров.

Ключевые слова: массовая культура, кризис духовности, идеализация, вампиризм.

«Лунный свет» (2002), «Баффи – истребительница вампиров» (2005), «Настоящая кровь» (2008), «Новолуние» (2010), «Дневники вампира» (2009), «Сумерки. Сага» (2011), «Узы крови» (2013), «Академия вампиров» (2014) ... Феномен популярности тематики вампиризма в массовой культуре до настоящего времени не только не исследовался с научной точки зрения, но и в принципе не формулировался авторитетными учеными, хотя даже при поверхностном взгляде на проблему появляется ощущение, что «вампирических саг» стало слишком много. Факт существования «вампирической субкультуры», как одного из видов молодежных субкультур, признается уже достаточно давно [1, стр. 349]. «Вампирическая» субкультура возникла, по мнению некоторых исследователей, еще в 70х годах прошлого века как результат объединения по интересам поклонников творчества американской писательницы Энн Райс [1, стр. 351]. Это движение по своей сути отвечает всем признакам, необходимым для субкультуры (наличие своеобразных норм, ценностей, мировосприятия; специфический стиль жизни и поведения; наличие внешней атрибутики, проявляющейся в одежде, украшениях, манерах, жаргоне и т.п.; наличие более или менее явного инициативного центра, генерирующего идеи [2, с.22]). Однако во втором десятилетии XXI века идеализация вампиризма вышла за рамки своей субкультуры и постепенно приобретает все более массовый характер. Причины подобного феномена, на наш взгляд, зависят от

предмета идеализации. В рассматриваемом случае условно можно выделить 2 основных вида такого предмета:

1. Идеализация образа жизни и возможностей вампира.
2. Идеализация персоны вампира.

Наиболее четко причины первого вида идеализации были сформулированы Энн Райс в книге «Интервью с вампиром»:

«Зло – абстрактное понятие. Мы бессмертны, и перед нами открыты двери обильных пиров и празднеств, радость которых недоступна человеческому разуму и рождает у смертных скорбь и тоску. Бог берет без разбору богатых и бедных. Так станем поступать и мы, потому что нет на свете существ, стоящих ближе к нему, чем мы – демоны, не заключенные в смердящих кругах ада, но вольные гулять по его царству, где вздумается» [3, стр. 158]. Вседозволенность и безнаказанность, отсутствие границ и неподчинение человеческим законам и нормам морали – вот что в первую очередь привлекает поклонников вампирского образа жизни. Отрицание общечеловеческих ценностей и принципов морали, права каждого на жизнь, а также души человека как самого ценного в нем, приводит к идеализации того, что во все времена порицалось обществом. «Проблема кризиса духовности в современном обществе, как симптом нашего времени, – это проблема отсутствия цементирующего социум Идеала» [4, стр. 220].

Идеализация «вампирского» образа жизни и возможностей вампира не приводит к идеализации собственно «вампиров». В массовой культуре достаточно много негативных образов «вампиров» (например, Дракула Брэма Стокера, Джерри Дендридж из к/ф «Ночь страха», Барнабас Коллинз из к/ф «Мрачные тени»). В музыкальной индустрии в альтернативе, роке, металле и готической музыке положительная окраска «вампиризму» в целом не присуща (в частности, песни блэк-металлических команд "Cradle of filth" и "Ancient", готик-групп "The 69 eyes", "To/Die/For" "Type O Negative", отдельные песни рок-групп "Queensryche", "Rainbow" и "Eurhythmics").

Несмотря на это, характерной чертой идеализации «вампирского» образа жизни выступает четко выраженное стремление к достижению идеала. Поскольку, в общем понимании, как выразился проф. В.П. Бранский, «идеализация заключается в такой модификации человека как явления, чтобы он совпал со своей сущностью» [5, стр. 380], то в отдельных случаях идеализирующие субъекты не ограничиваются использованием внешней атрибутики «вампиризма», а проецируют на себя общеизвестные вампирские способности (употребление крови, светобоязнь, вера в собственное бессмертие) [6, стр. 105], что порой приводит к античеловеческим поступкам. Так, в 1996 году во Флориде группа «вампиров» во главе с Родериком Ферреллом совершила жестокое убийство, вызвавшее большой резонанс [1, стр. 351].

Причины второго вида идеализации лежат в гендерной эгалитарности, которая в настоящее время приводит отсутствию необходимого мужского идеала в его «человеческом» выражении. Как писал в трактате «Демократия в Америке» французский гуманист и мыслитель XIX века Алексис де Токвиль: «Есть люди, которые стремятся не только к равенству, но и тождеству мужчины и женщины. Наделяя обоих одними и теми же правами, они возлагают

на них одни и те же обязанности. Они хотят, чтобы мужчины и женщины вместе одинаково и трудились, и развлекались. Ясно, что из подобной «уравниловки» ничего хорошего не выйдет, а приведёт всё это к обоюдной деградации, к слабым мужчинам и неприличным женщинам» [7, стр. 17].

Отсутствие необходимого идеала приводит к запуску процесса сублимации [8, стр. 382], когда поиск приводит к идеализации героев литературы и кинематографа, наиболее отвечающих потребностям идеализирующего субъекта. Идеализируемые вампиры обладают, как правило, набором черт характера, которые в глазах женщин формируют «настоящего мужчину» – роковой Деймон Сальваторе (Йен Сомерхедер, «Дневники вампира»), романтический Эдвард Каллен (Роберт Паттинсон, «Сумерки. Сага»), страстный и безрассудный Дмитрий Беликов (Данила Козловский, «Академия вампиров»), аристократичный Луи (Брэд Питт, «Интервью с вампиром»), доблестный Влад Дракула (Люк Эванс, «Дракула», 2014). Отрицательные сугубо «вампирские» черты воспринимаются чаще всего как обычные недостатки, наличие же у них сверхспособностей, которые могут быть использованы для защиты, поднимает этих персонажей над «человеческими» героями. Нельзя также упускать из виду немаловажный фактор личной физической привлекательности актеров-исполнителей «вампирских» ролей. При этом следует отметить, что аналогичных по степени идеализации художественных образов вампирш в массовой культуре нет, поскольку по сложившемуся стереотипу женщина-вампир принимает на себя доминирующую, порой даже господствующую роль в межполовых отношениях, что большинство мужчин не считает за положительное качество. Именно по изложенной выше причине, как нам кажется, идеализация персоны вампира более свойственна женскому полу, нежели мужскому. Указанную особенность косвенно отметил Сергей Лукьяненко в «Шестом дозоре»:

«– Никто не любит кровососов, – кивнул я (Антон Городецкий – прим. авт.).

– Ты отстал от жизни, – сказала Ольга. – Их пиар-кампания была очень мощной, охватила почти все страны. Молоденькие девочки, если показать им настоящего вампира, сами кинутся к нему, подставляя шейку» [10, стр. 94].

В то же время, идеализация образа жизни и возможностей вампира чаще всего не зависит от гендерной принадлежности идеализирующего субъекта. Анализ половой пропорции участников «вампирских» интернет-сообществ, проведенный нами при подготовке данного материала, позволяет сделать вывод о приблизительно равном количестве участников обоих полов.

Отдельного упоминания, на наш взгляд, требуют способы реализации рассматриваемого феномена.

Идеализация «вампиризма», в соответствии с изложенными выше причинами, как правило осуществляется одним из двух выявленных нами способов: идеализация с отождествлением самого идеализирующего с вампиром и идеализация без проецирования вампирских способностей на себя.

В первом случае, как правило, идеализирующий субъект становится носителем «вампирской» субкультуры, с восприятием ее мировоззрения и ценностей. Причиной такой идеализации может стать как идеализация «вам-

пирского» образа жизни, связанная с желанием достичь заветной цели (бес-смертие, отсутствие границ и рамок), так и идеализация персоны «вампира», приводящая к стремлению приблизиться к субъекту идеализации (тем более что примеров подобных поступков в «вампирической» литературе достаточно – в частности, Белла Свон в «Сумерки. Сага»).

Во втором случае (идеализация без проецирования способностей на себя) идеализирующий субъект носителем субкультуры не становится в силу отсутствия в нем необходимых для остальных носителей субкультуры качеств (т.е. он не является «вампиром» в их понимании). При этом такой субъект может стать периферийным участником «вампирических» мероприятий и даже стать «добровольным донором» [11, стр. 76]. Причиной идеализации в данном случае является, в основном, идеализация персоны «вампира», и в этом случае идеализирующий субъект не готов отрицать свою человеческую сущность, однако готов на отдельные жертвы ради своего идеала. Идеализация «вампиризма» без проецирования «вампирических» способностей на себя, как правило, не связана с идеализацией образа жизни и возможностей «вампиров», ведь «идеализация ориентирует человека не на то, что есть, а на то, что должно или может быть» [12, стр. 124], т.е. подразумевает в идеализирующем субъекте стремление к достижению идеала.

Проведенное нами при подготовке данного материала небольшое исследование позволяет сделать вывод о том, что в качестве причин возникновения и развития феномена идеализации «вампиризма» можно назвать вне-временное стремление отдельного индивидуума к неограниченному и вседозволенному существованию, а также отсутствие в массовой культуре идеалов и целей, способных придать человечеству направление на духовное самосовершенствование и поиск смысла в вечных жизненных ценностях.

Список литературы

1. Laity, K. A. Vampire lifestyle (англ.) // S. T. Joshi. Encyclopedia of the Vampire: The Living Dead in Myth, Legend, and Popular Culture. – ABC-CLIO, 2010.
2. Сотников И.М. Дифференциация студенческой субкультуры в современном Российском обществе. Дис.канд. соц. наук. М., 2009 г.
3. Райс Э. Интервью с вампиром. М.: ЭКСМО, 2007 г.
4. Ивановская, О. В., Скворцова, Т. В. К проблеме гуманизации личности как стабилизирующего фактора в гражданском обществе // Человек в современных философских концепциях... – Т. 1.
5. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград. 1999.
6. Guiley, Rosemary. Vampires. – Infobase Publishing, 2008.
7. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке: Пер. с франц. // М.: Весь мир, 2000.
8. Мак-Вильямс, Нэнси. Защитные механизмы // Психодинамическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе = Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. – Москва: Класс, 1998
9. Определение дается по <https://ru.wikipedia.org/>
10. Лукьяненко, Сергей Васильевич. Шестой Дозор : [фантаст. роман]: АСТ; Москва; 2014.
11. Ladouceur, Liisa. Donor (англ.) // Encyclopedia Gothica. – ECW Press, 2011.
12. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ВРАЧЕЙ-ТЕРАПЕВТОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОГЕНЕЗА

Айвазян Ш.Г.

аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения № 1 с курсом истории медицины ГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет»,
Россия, г. Ростов

В статье рассмотрены проблемы профессиогенеза на модели профессиональной группы врачей. Приведены данные обзора специальной литературы и современных социологических исследований по проблематике профессионального развития специалистов. Продемонстрированы профессиональные деформации врачей-терапевтов в контексте развития нон-комплаентности пациентов. Показана необходимость создания системы социологического мониторинга профессиональной деятельности врачей.

Ключевые слова: социальная группа, профессиональная группа врачей, профессиональные деформации, профессиогенез.

Согласно результатам Форсайт-исследования ГУ НИИ общественного здоровья РАМН (2013-2015 гг.), независимо от запланированного роста расходов на здравоохранение, в ближайшее время не стоит ожидать существенного прорыва в применении новых технологий и сокращении разрыва между методами лечения в России и в развитых странах. Одним из факторов стагнации медицинских инноваций является низкий уровень квалификации врачей. При этом к квалификационным критериям относятся не только узко профессиональные компетенции, но и личностные социально-психологические характеристики рассматриваемой профессиональной группы, определяющие в целом мотивацию врачей к внедрению инноваций в медицинскую практику.

В этом контексте представляют практический интерес исследования деструктивных изменений личности врача, эксплицированных рядом исследователей как *профессиональные деформации*. Развитие профессиональных деформаций определяется многими факторами: разнонаправленными онтогенетическими изменениями, возрастной динамикой, содержанием профессии, социальной средой, жизненно важными событиями и случайными моментами. По представлению Э.Ф. Зеера каждая профессия имеет свой ансамбль деформаций. Так, многочисленные исследования профессионального становления педагогов позволили выявить следующие деформации: авторитарность, педагогический догматизм, индифферентность, консерватизм, ролевой экспансионизм, социальное лицемерие, поведенческий трансфер [2, С. 34-35].

Большинство исследователей рассматривают феномен профессиональных деформаций как негативное явление, снижающее адаптационные возможности индивида. В то же время, ряд исследователей считает, что в широком понимании развитие деформаций установок, динамических стереотипов,

как и стратегий мышления, когнитивных схем, профессионально ориентированных смысловых структур профессионала – явления естественные, острота проявлений которых зависит от глубины профессиональной специализации и степени специфичности трудовых задач.

Проведенное комплексное исследование врачей на модельных группах терапевтов, хирургов, врачей нелечебного профиля и врачей-руководителей с использованием количественных (анкетирование, опрос, контент-анализ) и качественных (включенное наблюдение, кейс-стади) социологических методов, а также методик психологического тестирования и социальной диагностики позволило нам эксплицировать ряд профессиональных деформаций для рассматриваемого профессионального поля [2, С. 121-135].

В частности, отмеченное среди терапевтов преобладание в дихотомии «коммуникативные-организаторские качества» организаторских качеств, на фоне невысокого уровня коммуникативных качеств, можно интерпретировать как *доминантность*, выражающуюся в частичном удовлетворении потребности в аффилиации, самоутверждении за счет других. Специфичность врачебной деятельности, требующая от профессионала специальных знаний и умений, может рассматриваться в качестве объективного условия для развития этой деформации. Профессионализму по своей сути присуща иерархия компетенций (Т. Парсонс) в отношениях эксперт-клиент, определяющая превосходство профессионала (эксперта) над реципиентом профессиональных услуг.

Выявленный низкий уровень коммуникативного контроля среди врачей всех модельных групп позволяет эксплицировать *авторитарность*, проявляемую в нетерпимости к критике, снижении рефлексии, излишней прямолинейности, проявлении высокомерия. На наш взгляд, предпосылками для развития авторитарности является также патерналистская модель взаимодействия врача и пациента. Превосходство врача особенно характерно для деятельности хирурга, когда не только здоровье, но и жизнь пациента может реально зависеть от квалификации врача.

Отмеченные среди врачей модельных групп в качестве коммуникативных помех такие, как нежелание сблизиться с людьми на эмоциональной основе, эмоциональная и личностная отстраненность (симптомы синдрома эмоционального выгорания), эгоистические социальные ориентации обуславливают *профессиональную индифферентность*.

Профессиональный догматизм, выражаемый в завышенной самооценке и самоуверенности, обнаруживается в низком уровне рефлексии, особенно по отношению к блоку социально-значимых профессионально значимых качеств, неоднозначном отношении врачей к здоровому образу жизни.

В модельных группах врачей терапевтического и нелечебного профилей отмечен низкий уровень риск-рефлексии, интерпретируемый как ориентированность личности на заданность поведения и стереотипы, позволяющую в качестве профессиональной деформации выделить *консерватизм*.

Экплицированные профессиональные деформации с одной стороны, безусловно, обуславливают неэффективность в ряде случаев социального взаимодействия в системе врач-пациент, поскольку, как показывают, результаты

социологических исследований, для России характерна патерналистская модель врачебной профессии, предусматривающая высокий уровень эмпатийности врача, как социального актора [1, С. 46; 5, С.44]. С другой стороны, способствуя развитию нон-комплаентности пациентов, профессиональные деструкции, препятствуют практической реализации инновационных медицинских практик, так как вызывают недоверие у потребителя медицинских услуг [3, С. 11-12; 4, С. 109].

Кроме того, такие профессиональные деформации, как профессиональный догматизм и консерватизм, свидетельствуют о низком уровне креативности врачей, осложняющем внедрение инноваций в медицинскую практику. Таким образом, проведенное исследование в очередной раз подтверждает необходимость создания системы социологического мониторинга профессиональной деятельности врачей с целью разработки мероприятий, направленных, как на развитие креативности врачей, в частности, так и на повышение качества медицинской помощи в целом.

Список литературы

1. Доника А.Д. Этические аттитюды профессиональной группы врачей / А.Д. Доника, Д.Д. Доника, М.В. Еремина // Биоэтика – 2010. – № 6 . – С.45- 46.
2. Доника А.Д. Профессиональный онтогенез: медико-социологические и психолого-этические проблемы врачебной деятельности. – Москва: Изд-во «Академия естествознания», 2009. – С.153-155.
- 3 Доника А.Д. Профессиональный контекст стратегии выживания в крупном промышленном городе (на модели профессиональной группы врачей) / А.Д. Доника, Г.Ю. Бударин, В.А. Леонова // Социология города. – 2013. – № 1. – С.11 – 15.
4. Поройский С.В. Профессиональная готовность врача к действиям в профессиональных ситуациях/ Поройский С.В., Доника А.Д., Еремина М.В. // Вестник ВолгГМУ – 2014. – № 2 (50). – С.109-111.
5. Теунова Д.Н. Информированное согласие в проблемном поле юриспруденции и биоэтики / Д.Н. Теунова, А.Д. Доника, В.А.Титовская // Биоэтика. – 2014 – № 2 (14). – С.44-46.

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Антипова А.А.

доцент кафедры социальной работы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, канд. социол. наук, доцент,
Россия, г. Саранск

Овчинникова Т.М.

магистрант 2-го года обучения направления подготовки «Социальная работа»
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск

В статье использование физической культуры и формирование здорового образа жизни рассматриваются в качестве направления социальной работы с несовершеннолет-

ними по профилактике правонарушений. Роль этого направления в практической социальной работе анализируется на основе результатов исследования, проведенного на базе конкретного учреждения социального обслуживания – ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» в Октябрьском районе г. Саранска.

Ключевые слова: физическая культура, здоровый образ жизни, социальная работа, несовершеннолетние, профилактика, учреждения социального обслуживания.

Необходимость социальной работы по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних очевидна и обусловлена рядом причин: снижением жизненного уровня населения, расслоением общества, переоценкой социальных ценностей, изменениями в системе воспитания и обучения подрастающего поколения. В то же время средства борьбы с преступностью отстают от тех процессов, которые происходят в обществе, и часто подростки, которые ранее считались благополучными, попадают в число трудновоспитуемых или потенциальных правонарушителей.

Одно из важных мест в системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, педагогической и социальной запущенности принадлежит физической культуре и спорту. Использование средств и методов физического воспитания в работе с детьми группы социального риска обусловлено тем, что в структуре их интересов и потребностей занятия физическими упражнениями занимают одно из ведущих мест.

Для многих детей спорт становится формой «самовыражения». Нагляднее всего это проявляется в занятиях спортивных секций, участии в спортивных мероприятиях, соревнованиях и пр. В большинстве видов спорта мы имеем дело не просто с проявлением физической силы или выносливости, а с целостным выражением человеческой личности или силы коллектива. В этом плане спорт дает несовершеннолетнему многостороннюю удовлетворенность от проявления своих сил и достижения цели, что и обуславливает его как сферу самовыражения человека. Как и искусство, спорт постоянно раскрывает новые человеческие способности и возможности – это позитивно влияет на социальное самочувствие ребенка [1, 36].

Исходя из этого, для работы с несовершеннолетними необходимы специальные профилактические программы, в которых мероприятия по физической культуре следует рассматривать с трех основных позиций: во-первых, как средство оздоровления; во-вторых, как способ организации досуга и отвлечения подростков от улицы и, в-третьих, как средство коррекции физического и психоэмоционального состояния.

Основной задачей профилактической работы с трудновоспитуемыми подростками является вовлечение их в занятия интересным делом, а именно: спортивные игры, единоборства, атлетическая гимнастика. Учитывая определенный интерес данного контингента к физической культуре и спорту, содержание данной работы необходимо рассматривать как единство трех взаимосвязанных компонентов:

- подбор средств и методов, способствующих вовлечению трудных подростков в спортивные секции с последующим формированием интереса к систематическим занятиям;

- коррекция нравственного, психического и физического здоровья;
- освоение подростками способов, методов физкультурно-оздоровительной и спортивной работы в избранных видах спорта [2].

Спорт является универсальным механизмом для самосовершенствования человека, его самовыражения и развития. Именно поэтому за последние годы место спорта в системе ценностей современной культуры резко выросло.

В профилактической работе, проводимой учреждениями социального обслуживания с семьями и детьми, находящимися в ситуации социального риска, также стали использоваться формы и методы работы по формированию здорового образа жизни (ЗОЖ), вовлечению несовершеннолетних в занятия физической культурой и спортом.

С целью выявления основных форм и методов социальной работы с использованием физической культуры и формирования ЗОЖ, применяемых в работе ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» в Октябрьском районе г. Саранска с несовершеннолетними по профилактике правонарушений, нами было проведено исследование путем опроса экспертов – специалистов этого учреждения, работающими с данной категорией населения.

В ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» в Октябрьском районе г. Саранска работают: социальные работники, психологи, социальные педагоги, юрист, медицинская сестра.

Анализ полученных данных показал, что основными категориями несовершеннолетних, в отношении которых проводится физкультурно-оздоровительная работа в этом учреждении, выступают несовершеннолетние из многодетных, неполных, приемных семей, дети-сироты, находящиеся под опекой; дети-инвалиды и несовершеннолетние с отклоняющимся поведением.

Основными проблемами несовершеннолетних, находящихся на учете в данном учреждении выступают: проблемы в обучении – 68 %, проблемы в общении с родителями – 20 %, нарушение психологического статуса – 12 %.

Основными формами и методами социальной работы с использованием физической культуры и ЗОЖ с несовершеннолетними, стоящими на учете в данном учреждении, выступают: профилактика, диагностика, социальный патронаж, реабилитация, технологии индивидуальной и групповой работы и пр. Так, технология профилактики сводится к системе физкультурно-оздоровительных мер, направленных на сохранение, защиту нормального уровня жизни несовершеннолетних и предотвращение социальных отклонений путем устранения причин и условий их возникновения. Индивидуальные формы работы с несовершеннолетними правонарушителями сводятся к индивидуальным консультациям специалистов (социальных работников, психологов, педагогов), советам по преодолению сложных жизненных затруднений; посреднической деятельности (направления в другие специализированные учреждения); применению методов индивидуальной беседы, тестирования и пр. Среди применяющихся групповых форм социальной работы были отмечены: семейные и групповые консультации; организация массовых физкультурно-оздоровительных мероприятий и т. д.

Одной из ведущих форм данной деятельности выступают спортивные соревнования. Сотрудники ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» организуют массовые спортивно-оздоровительные мероприятия на День ребенка, День семьи, в числе которых: «Мама, папа, Я – спортивная семья», «День здоровья», «Спортивный праздник в микрорайоне», «Веселые старты», «Кожаный мяч», «День прыгуна» и т. д.; в зимних условиях – катания на лыжах, санках. Несовершеннолетние, стоящие на учете в данном учреждении, а также их родители принимают активное участие в этих мероприятиях.

Однако, на вопрос: «Как вы оцениваете социальную работу в сфере физической культуры и ЗОЖ с несовершеннолетними по профилактике правонарушений, проводимую в вашем учреждении?» большинство сотрудников учреждения (92 %) дали неудовлетворительную оценку, оставшиеся 8 % – хорошую.

Основные недостатки социальной работы с использованием физической культуры и формирования ЗОЖ с несовершеннолетними по профилактике правонарушений, проводимой в ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск», с точки зрения сотрудников, сводятся к слабой разработанности данного направления в условиях комплексных центров социального обслуживания населения. Помимо этого в учреждении нет специального отделения либо специалиста, отвечающих за данное направление работы.

Таким образом, опрошенные эксперты едины во мнении о необходимости совершенствования форм и методов социальной работы с использованием физической культуры и формирования ЗОЖ с несовершеннолетними по профилактике правонарушений. Сделать это в учреждениях социального обслуживания Республики Мордовия, по их мнению, можно посредством:

- разработки теории и практики социальной работы с использованием физической культуры и формирования ЗОЖ с несовершеннолетними по профилактике правонарушений как направления работы в учреждениях социального обслуживания, в том числе в комплексных центрах;

- введения в штат узких специалистов, занимающихся данным направлением социальной работы с детьми, а по-возможности, даже создания специальных отделений в комплексных центрах социального обслуживания, занимающихся физкультурно-оздоровительной работой с детьми и родителями;

- оснащения спортивным инвентарем для физкультурно-оздоровительных занятий с несовершеннолетними, так как данная деятельность требует специального оборудования, которого нет в наличии;

- строительство или аренды спортивных залов для проведения физкультурно-оздоровительной работы с несовершеннолетними в учреждениях социального обслуживания.

Список литературы

1. Вайнбаум, Я.С. Гигиена физического воспитания и спорта [Текст] / Я.С. Вайнбаум, В.И. Коваль, Т.А. Родионова. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 240 с.

ИЗУЧЕНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПИЩЕВОЙ ОТРАСЛИ В РАМКАХ ТЕОРИИ СТРУКТУРНОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА

Богданова А.Д.

аспирант кафедры ГМУиС Казанского национального исследовательского
технологического университета,
Россия, г. Казань

В статье автором рассмотрены особенности формирования кадрового потенциала пищевой промышленности. Особенностью данной работы представляется изучение трудов метров социологической науки и проецирование их взглядов в рамках теории структурного функционализма непосредственно на одну из отраслей экономики. В результате исследования автором сделаны обобщающие выводы, где приведён перечень основных положений по изучаемому вопросу.

Ключевые слова: структурный функционализм, кадровый потенциал, пищевая промышленность.

В научной литературе второй половины XX века, как зарубежной, так и отечественной, целенаправленно проводился анализ путей и методов рационального и эффективного использования возможностей человека в общественном труде, с точки зрения теоретико-методологического и эмпирического обоснования, включая практический опыт применения полученных результатов.

Реформы экономической системы и реорганизации в сфере собственности и методах хозяйствования, проводимые в России, в частности ликвидация единой системы планирования и ценообразования, естественным образом отобразились на системе управления, «предъявляя организациям достаточно жесткие требования как в отношении бизнес-показателей, так и в отношении кадрового состава» [1]. Необходимость современных предприятий ориентироваться на инновационное развитие связана с происходящими социально-экономическими процессами, где особую роль играет кадровый потенциал, грамотное управление которым способствует развитию потенциала предприятия, а также ориентацию его на новую конкурентную ступень, гарантировав стабильный рост.

Одной из крупнейших и динамично развивающихся отраслей народного хозяйства России является пищевая промышленность, основной целью которой является обеспечение населения продуктами питания высокого качества и разнообразного ассортимента. Отметим, что в агропромышленном комплексе России сконцентрировано более четверти производственных фондов и задействовано примерно 40% работников сферы материального производства.

Кадры пищевой отрасли являются носителями целой совокупности социокультурных, квалификационных, профессиональных, психологических характеристик. Многоликость работников данной отрасли обусловлена спецификой производственно-хозяйственной деятельности предприятия, особенностями обучения и профессионального становления.

Для объективной оценки сущности такого объекта как кадры пищевой отрасли и возможности развития его потенциала на наш взгляд целесообразно рассматривать его в рамках парадигмы структурного функционализма. Для раскрытия смысла структурного функционализма обратимся к профессору Кравченко С.А., где автор определяет структурный функционализм как «направление социологической мысли, социальная парадигма, сущность которой заключается в выделении элементов социального взаимодействия, определения их роли и места в большей социальной системе или обществе в целом, а так же их социальных функций» [3, с. 49].

В рамках теории функционализма, кадры рассматриваются как элемент социального общества, находящийся во взаимодействии с другими элементами и обществом в целом, а также определяется их место и значение в структуре. На основании данного направления кадры пищевой отрасли расцениваются как специфическая социальная группа с присущими ей функциями.

Развитие кадрового потенциала в рамках системного подхода можно рассматривать как социальную систему. Данный подход направлен на развернутое понимание целостности системы, включающий в себя анализ функционирующих в ней механизмов, раскрывая при этом многообразные типы связей структуры, которые в дальнейшем представляются в единую теоретическую картину. Таким образом, развитие кадрового потенциала, в рамках системного подхода, включает в себя раскрытие сущности его элементов, анализ структуры их взаимосвязей, а также анализ специфики развития кадрового потенциала. Немаловажную роль при этом отводится взаимосвязи данной системы с внешней средой, включающий в себя государство, регулирующую деятельность отрасли, рынок, потребляющий продукцию или услуги данного предприятия, а также учебные заведения, отвечающие за подготовку данных кадров.

Существует ряд предпосылок, которые сформировались и обусловили необходимость анализа структуры и функций кадрового потенциала. Основными из них являются: труды М.Вебера, которые дали обоснование социальных действий индивидов с позиции функционирования социальных систем; структурно-функциональный подход Т.Парсонса, который рассматривал индивидов и их действия и исследование Э.Дюркгейма, в котором он вычленил структурно-функциональное понимание социальной системы и обозначил её наиболее важные элементы и функции.

Рассмотрим подробнее некоторые из них. Структурный функционализм «*сложился под сильным влиянием работ Вебера*». При данном подходе «*в основном исследовались социальные функции организаций (прямые и косвенные), а цель организации трактовалась как обслуживание широкой социальной группы, а не только интересов узкой группы собственников*» [4, с. 23].

Согласно данному определению, предприятия пищевого профиля, наряду с функцией получения прибыли для его владельцев, преследуют и другую, не менее важную, цель – создание рабочих мест в обществе и обеспечение продуктами питания население. Пищевая отрасль, с точки зрения концепции М.Вебера, может рассматриваться как определенная общественная структура, которая функционирует через конкретные поведенческие стереотипы ее участников.

Целерациональное действие согласно М.Веберу – это «действие индивида, ориентированное на ожидание определенного поведения других людей и состояния объектов внешнего мира, рационально регулирующее цели, средства и побочные последствия собственного поведения, рассчитанного на достижение успеха» [6]. Следуя логике М.Вебера, кадровый потенциал можно рассматривать вне существующих социальных аффектов и реакций, так как целерациональное действие, воспроизводимое в чистом виде, может быть заменено приверженностью, планомерным приспособлением к соображениям интереса [2].

Однако стоит признать, что данная концепция не включает в себя рассмотрение отдельно взятых организаций, в виде частного случая. М.Вебер анализировал бюрократию в более широком, глобальном масштабе, проецируя ее на все государство в качестве идеальной модели, к которой должны стремиться все организационные структуры общества. Вследствие этого, «бюрократическая организационная структура характеризуется высокой степенью разделения труда, развитой иерархией управления, цепью команд, наличием многочисленных правил и норм поведения персонала, и подбором кадров по их деловым и профессиональным качествам» [2].

Продолжил разработку теории социального действия М.Вебера американский социолог-теоретик Т.Парсонс, который также являлся одним из главных представителей структурно-функционального направления в социологии. Следуя его логике, организация функционирует в пределах единой системы ценностей окружающей среды, взаимодействуя при этом с частной системой ценностей, входящая в ее состав. Для жизнеобеспечения организации в данной среде требуется единое понимание системы ценностей, как ее отдельных элементов, так и групп в целом.

Таким образом, по Т.Парсонсу, необходимым условием сохранения социальной системы является существование и принятие общих норм и ценностей, поскольку *«выполняя функции в пределах структуры существующих ценностей и норм общества, организация как бы узаконивает (обосновывает) свое существование и в отношении общества в целом»* [4, с. 23].

Одним из наиболее важных аспектов эффективного функционирования пищевой отрасли можно выделить наличие и нормативное регулирование ценностной системы на предприятиях. Безусловно, каждый завод обладает своей собственной системой ценностей, но она с одной стороны должна соответствовать принятым законодательным нормам страны, с другой потребностям современного общества, эволюционируя вместе с ними. Одной частью такой системы являются предписанные нормативные документы, такие как устав или положение о предприятии, другой не менее важной частью являются сами ценности современного общества и их интерпретация. К ним

можно отнести ценности, такие как профессиональная самореализация, карьерный рост, социальная защищенность. На сохранение и поддержание данных ценностей организация должна предоставить, в случае необходимости, соответствующие условия.

Это могут быть: продуманное соотношение набора ценностей, выполнение общепризнанных норм, имеющих социальный, экономический или политический характер, конструирование общественных организаций и поддержка ролей индивидов, как сотрудников всех ступеней иерархической структуры учреждения, так и потребителей, которые пользуются продукцией.

Таким образом, согласно концепции Т.Парсонса, предприятия пищевой отрасли, как и любые другие социальные системы, должны соответствовать четырем главным функциональным требованиям:

1. Адаптация, включающая в себя взаимодействие между системой и ее средой;

2. Целедостижение, которая является неотъемлемой частью жизнеспособности любой системы, программируя всех обществ намечать цели, направленные на социальную активность;

3. Интеграция, подразумевающая координацию всех частей социальной системы;

4. Удержание, проявляющуюся в сохранении и поддержание ключевых для социальной системы образцов [5].

Разностороннее развитие профессионального опыта как функции индивида может обратиться осложнением процесса внедрения, при том условии, что стандарты основной массы наёмной рабочей силы различной степени подготовки смогут интегрироваться в отведённый сектор пищевой индустрии. Поэтому отметим, что рост адаптивных способностей предприятий, в нашем случае относящихся к пищевой промышленности, по мнению Т.Парсонса напрямую связан с кадровым потенциалом, что также освобождает от рамок сопряжённых с предыдущим опытом, привнесённым прежними поколениями, в большей степени касательно профессиональных норм.

Однако, не следует забывать, что при хаотичном формировании кадров и отсутствии краткосрочных а также долгосрочных, стратегических целей предприятия не исключены случаи отрыва кадрового потенциала от изначально запланированного предназначения. Также, с появлением новых кадров, воспитанных в иной системе координат жизненных ценностей и в отличных рамках стадии научного и социального прогресса общества, возможен конфликт поколений. Все это напрямую способствует зарождению дисфункциональности кадров предприятия. В той же степени появлению дисфункции предшествует упадок стандартов компетентности и ответственности работников.

Обобщая вышесказанное, концепция структурного функционализма Т.Парсонса определяет кадровый потенциал как необходимое условие для достижения равновесия системы с иными участниками социума. Проецируя данное определение на пищевой сектор экономики, можно выявить показатель интегрированности кадрового потенциала организации, который заключается в степени соответствия между степенью функциональности кадрового потенциала и целями предприятия. Рассмотрев кадровый потенциал как объ-

ект социологической мысли на примере пищевой отрасли можем сделать следующие выводы:

1. Рассмотрение кадрового потенциала в рамках системного подхода подразумевает развернутое понимание целостности системы, включающий в себя анализ функционирующих в ней механизмов, раскрывая при этом многообразные типы связей структуры, которые в дальнейшем представляются в единую теоретическую картину.

2. Анализируя кадровый потенциал пищевой отрасли, необходимо выделить структурный и институциональный аспекты, однако не стоит искать закономерность в развитии кадрового потенциала лишь в реализуемых ими функциях;

3. Управление кадровым потенциалом необходимо непрерывно совершенствовать, поскольку такие аспекты как его воспроизводство, расширение напрямую зависят не только от социально-экономических процессов, происходящих в стране, но и от профессиональной самоидентификации кадров с учетом технологического и научного прогресса;

4. Кадровый потенциал, в частности пищевой отрасли, имеет свои специфические закономерности, которые образовались не только социальными трансформациями в обществе, но и благодаря опыту советского поколения.

Список литературы

1. Берглезова Т. В. Проблемы управления процессами формирования и использования кадрового потенциала предприятия. Режим доступа: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn08/06.shtml>

2. Вебер М. Основные социологические понятия. Режим доступа: <http://www.gumer.info/authors.php?name=%D0%92%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%80+%D0%9C>

3. Кравченко С.А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения: Учеб. пособие для вузов. – М.: 2002. С.49

4. Тарасов С. Г., Суходольский Г. В. Организационная психология. – Харьков.: 2004 С. 23.

5. Парсонс Т. Система современных обществ. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/01.php

6. Энциклопедии и словари. Режим доступа: <http://enc-dic.com/word/d/Destvie-celeracionalnoe-48509.html>

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В СООБЩЕСТВЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ – НИВЕЛИР КОНФЛИКТА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА

Звонкина О.П.

старший преподаватель СОФ НИУ «БелГУ», аспирант кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье социальное доверие в профессиональном сообществе преподавателей рассматривается в качестве приоритетного фактора минимизации риска конфликта инновационного развития вуза. Выстраивание деятельности по управлению конфликтами инновационного развития следует осуществлять с учетом роли социального доверия как инструмента позитивного развития инновационных процессов.

Ключевые слова: социальное доверие, конфликт инновационного развития, социальный капитал, профессиональное сообщество преподавателей, социокультурная среда, модернизация.

Актуальность темы социального доверия по своей остроте, востребованности, насущности делает ее основой многочисленных научных исследований в России. Для общества, находящегося в состоянии модернизации всех его сфер, институт социального доверия становится не смыслом, который постепенно понимается и осознается социумом, но инструментом инновационных процессов.

Определим объект исследования – социальное доверие в профессиональном сообществе преподавателей университета и предмет исследования – особенности социального доверия преподавательского сообщества. Цель исследования заключается в осмыслении роли доверия как социально-направленного фактора влияния на позитивное течение инновационных процессов в вузе и повышение качества профессиональной деятельности преподавателя. Социальное доверие включено в сферу социальных отношений преподавательского сообщества университета и является важнейшим показателем социального капитала.

В XXI веке основным капиталом становится не природно-ресурсный, а социальный капитал. Понятие «социальный капитал» было введено в научный оборот известными учеными П. Бурдье, Г. Лоури, Дж. Коулменом, Р. Патнэмом, Ф. Фукуямой. Ф. Фукуяма считает наличие, формирование социального капитала общества результатом доверия между его членами. Многочисленные исследования экономистов, социологов, политологов показывают, что сообщества, построенные на доверии и сотрудничестве, способствуют развитию человеческого потенциала. Под человеческим потенциалом понимается определение его «как системы физических и духовных сил человека, отдельных социальных групп...» [1].

Ф. Фукуяма определял социальный капитал как «набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы», как «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами» [4]. Российский ученый А.Т. Коньков, являющийся наиболее авторитетным разработчиком темы социального капитала в России, определяет социальный капитал как совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, использование которых позволяет получать доступ к разнообразным благам и повышать эффективность коллективной деятельности субъектов этих отношений [2]. В этом смысле, социальное доверие это социально – психологическая конструкция, поддерживающая устойчивость и интегрированность преподавательского сообщества.

Социальное доверие вплетено в конструкт общественных отношений, а потому интенсивно исследуется и стало предметом изучения представителей различных научных школ.

Экономисты рассматривают доверие как специфический «товар», воспроизводимый рынком, как результат экономических связей. Доверие снижает транзакционные издержки обмена и риски, тем самым достигается экономическая эффективность.

Социологи, говоря о новой конфигурации социума в постиндустриальном, а справедливее говорить в информационном обществе, наделяют доверие важнейшей ролью изменять и совершенствовать процессы коммуникации и кооперации. Доверие в значительной степени формирует групповые идентичности, то есть осознание причастности к определенному коллективу, сообществу. Доверие участвует в формировании новых отношений сотрудничества и солидарности, новых форм гражданских сообществ (общественные движения, религиозные доминанты, политические партии, группы взаимопомощи, клубы интересов и др.). На основе доверия формируется способность к сотрудничеству, партнерству, ассоциированию, ведению диалога. Доверие между индивидами, социальными группами влечет социальную эффективность совместной деятельности, снижение рисков. Доверие – оптимальная конструкция способная купировать риски и неопределенности в социокультурной среде, а в нашем случае – в образовательной среде в период модернизации.

Для российской сферы образования, для педагогического сообщества университета тема социального доверия актуальная и традиционная одновременно. Доктрина инновационного развития университета подразумевает переход к новому качеству образования. Инновационное развитие вуза это не перспектива, которая находится на стадии обсуждения, на этапе формального принятия или непринятия профессиональным сообществом. Это реалии деятельности вуза на рынке образовательных услуг. Модернизация и инновации в развитии любой организации – сообществе сопровождаются процессами возникновения противоречий, борьбой сторон, возникновением конфликтов, их разрешением или неразрешением. Конфликты инновационного развития вузов изучаются недостаточно и требуют с одной стороны, исследования конфликта как стимула для дальнейшего развития вуза, с другой, как деструктивного процесса, ухудшающего качество образовательного процесса.

Инновационный путь развития, неизбежно сопровождающийся внутренними инновационными конфликтами и включением в этот процесс всего социального потенциала, всех социокультурных резервов сообщества, требует управления как инновационными процессами, так и инновационными конфликтами.

Возможно ли управление инновационными конфликтами и в какой степени это возможно реализовать? Можно ли вообще выделить конфликты, возникающие в ходе инновационного развития вуза в отдельную категорию конфликтов инновационного развития?

Эти вопросы исследуются в статье В.Б. Тарабаевой «Социологический мониторинг конфликтов инновационного развития в вузе как условие обеспечения качества образовательного процесса» [3]. В ходе проведенного социологического исследования в вузе опрошено 50 экспертов – деканов фа-

культетов, проректоров, руководителей подразделений, ведущих ученых. Теоретический анализ выявил следующее.

1. На предложение дать определение понятию «конфликт инновационного развития»:

1) затруднились ответить 62,5% экспертов;

2) 37,5% дали отдельные характеристики понятию, на их взгляд наиболее существенные:

- 2,08% – явление закономерное;

- 18,72% – это взаимодействие людей в организации, вставшей на путь инновационного развития, направленное на отстаивание нововведений – у одних и борьба за старые, устоявшиеся формы работы – у других;

- 8,38% – полагают, что это борьба инновационных и традиционалистских ценностей, норм, мнений;

- 2,08% – борьба установок: вносить изменения в жизнь вуза и жить по старинке;

- 2,08% – конфликт, способ разрешения которого способствует развитию;

- 2,08% – конфликт между креативностью ученых и формализмом системы управления наукой и образованием;

- 2,08% – недостаточность знаний и возможностей в интересующей области у одних и прогрессивность взглядов – у других [3].

В результате исследователи дают рабочее определение конфликту инновационного развития как формы взаимодействия индивидов в организации, вставшей на путь инновационного развития. Конфликт инновационного развития очевидный показатель слабеющего социального доверия. Преподаватели занимают часто противоположные позиции. Это противопоставление проявляется в том числе, на уровне ценностей и смыслов. Акторы взаимодействуют в соответствии с противоположными по своему содержанию нормами, ценностями, установками. Эти противоположные ценности являются взаимоисключающими представлениями о содержании, форме и целях инновационного развития и противодействуют друг другу в ходе разработки и внедрения новшеств в учебный, научный и воспитательный процесс.

В.Б. Тарабаева выделяет как один из основных аспектов конфликта инновационного развития, противоположные ценности участников конфликта. Это означает значительное снижение уровня доверия, которое выражается во взаимодействии на основе близких для сообщества ценностей, началах, идеях. Следовательно, можно предположить, что чем ниже уровень социального доверия, тем более глубоким и пролонгированным будет конфликт.

Автором предлагается в качестве важных показателей, характеризующих инновационный процесс в вузе, выделить отношение преподавателей вуза к инновациям и инновационным ценностям; восприимчивость к нововведениям; уровень инновационной активности работников вуза; готовность к освоению новаций.

Вероятность и степень конфликтности инновационного процесса обусловлена уровнем социального доверия сообщества и наличием социального недоверия, т.е. качественным состоянием социального капитала.

Стратегия управления конфликтами инновационного развития с учетом роли социального доверия должна основываться на данных мониторинга, параметры и индикаторы которого характеризуют наличие, состояние, уровень социального доверия сообщества.

Влияние социального доверия на качество профессиональной деятельности преподавателя в условиях инновационного развития вуза и, следовательно, в условиях инновационного конфликта, как неотъемлемого фактора инновационного развития, требует дальнейшего исследования. Роль социального доверия следует признать важнейшей в управлении инновационными процессами, в первую очередь, по снижению рисков возникновения и нивелированию конфликта инновационного развития.

Список литературы

1. Бабинцев, В.П., Куркина М.П. Человеческий потенциал как научная категория [Текст] / В.П. Бабинцев, М.П. Куркина // Научные ведомости Белгородского ун-та. Серия Философия. Социология. Право. – 2012. – Вып. 20. – С. 225-226.
2. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие [Текст] / А.Т. Коньков // М.: Издательство РУДН. – 2006. С.23.
3. Тарабаева В.Б. Социологический мониторинг конфликтов инновационного развития в вузе как условие обеспечения качества образовательного процесса [Текст] / В.Б. Тарабаева // Научные ведомости Белгородского ун-та. Серия Философия. Социология. Право. – 2012. – Вып. 19. – С. 48-52.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст]/ Ф. Фукуяма // М.: Издательство АСТ. – 2004. – С.52.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА И СЕЛЬСКОГО РАЙОНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Коновалов А.П.

профессор кафедры истории Государственного университета имени Шакарима города Семей, председатель общественного объединения «Независимый социологический центр г. Семей», канд. ист. наук, Заслуженный деятель науки и Почетный работник образования Республики Казахстан, Казахстан, г. Семей (Семипалатинск)

В статье содержится анализ социологических исследований общественной ситуации, проведенных осенью 2014 года в городе Семей (Семипалатинск) и Бородулихинском районе Восточно-Казахстанской области. Предметом анализа явились общественно-значимые проблемы, в том числе связанные с материальным благосостоянием, межэтническими и межконфессиональными отношениями, гражданской культурой и молодежной политикой. Материалы исследований обсуждены на круглом столе, направлены органам госуправления и местным СМИ.

Ключевые слова: социологический опрос, социологический анализ, общественно-значимые проблемы, межнациональные и межконфессиональные отношения, гражданская активность, качество социальных услуг, информационные потребности сельского населения, молодежь, депутаты маслихатов.

Профессиональная социологическая служба на территории Восточного Казахстана образовалась в 1996 году. Ее представил Независимый социологический центр, зарегистрированный в органах юстиции в форме полного товарищества. В его составе социологи разных поколений. Среди основателей – выпускники Академии общественных наук (Москва), ученики основателей специальности «Социология» в СССР – в Москве Ж.Т. Тощенко, а в Казахстане – Н.А. Аитова. Именно хороший кадровый состав, передовые информационные технологии (использование эксклюзивных SPSS – программ) позволили Независимому социологическому центру (НСЦ) г. Семей обрести профессиональный статус, регулярно участвовать в государственных закупках, реализовывать исследовательские проекты, как регионального, общереспубликанского, так и международного значений. НСЦ входит в ассоциацию социологов Казахстана (АСК), активно сотрудничает с научными центрами Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Барнаула, Новосибирска, Тувы, Хакасии, Международной Академии наук и высшего образования (Лондон, Великобритания) и др. Главным принципом обеспечения научности в реализации исследовательских проектов Независимого социологического центра является обязательная апробация их результатов в научных и общественно-популярных изданиях. Разумеется, что к этому следует добавить обязательную публичную презентацию итогов исследований на круглых столах, совещаниях, брифингах и т.д. Именно публичная апробация в значительной мере повышает ответственность наших социологов за качество проведенных опросов, за анализ и интерпретацию результатов, за степень прикладной значимости того, о чем ведает нам население.

Предложенные в статье материалы – соответствуют указанному выше принципу, имеют целью поделиться информацией о развитии общественной ситуации в одном из регионов Казахстана, а также о методике ее изучения. Тем более, что законы развития общественного бытия – универсальные, отличаются в проявлениях лишь дефинициями. В связи с чем мы полагаем полезным такой обмен с коллегами, которые прямо или косвенно, но имеют отношение к мониторингу и анализу общественного мнения.

В статье использованы данные исследований по двум социологическим проектам, с общим названием «Общественно-политические настроения и оценки», соответственно среди населения г. Семей и Бородулихинского района Восточно-Казахстанской области (ВКО).

Напоминаем нашим читателям, что г. Семей – бывший областной центр, бывшей Семипалатинской области, а Бородулихинский район – ближайший к Семейю сельский регион – один из относительно благополучных сельских территорий. Хотя в прошлом этот район поставлял областному цен-

тру более 70% молока, животного и растительного масла. Район расположен на территории реликтового бора и выделяется высокой экологичностью.

Исследования по обоим проектам проведены в октябре – ноябре 2014 года. Всего в социологическом опросе участвовали 1417 человек городского (931 чел.) и сельского (486 чел.) населения, в соответствующих пропорциях к демографической, социальной и региональной статистике. Что мы не можем все подробно показать в связи с ограниченными рамками настоящей статьи.

Таким образом у нас имеются возможности показать общественную динамику по ряду актуальных вопросов, как в городской, так и сельской жизни.

Первый вопрос анкеты касался выяснения наиболее значимых общественных проблем, которые беспокоят жителей регионов. В таблице 1 приведен анализ двадцати пяти общественных проблем (ОЗП), отмеченных респондентами. Данные в таблице 1 сформированы по ранжиру г.Семей, рядом с ними приведены аналогичные результаты по Бородулихинскому району, для сравнения.

Таблица 1

Рейтинг общественно-значимых проблем (ОЗП), в %

Наименования ОЗП	По городу Семей		По Бородулихинскому району	
	%	№№ п.п.	%	№№ п.п.
Рост цен	69,6	1	60,5	1
Состояние улиц и дорог	45,5	2	44,6	2
Безработица	38,9	3	26,9	4
Состояние экологии	31,1	4	16,2	6
Платное медобслуживание	28,3	5	30,6	3
Качество медобслуживания	24,8	6	24,0	5
Коррупция	22,7	7	8,5	15
Платное образование	22,2	8	15,9	8
Качество образования	18,6	9	9,2	11
Языковые проблемы	16,4	10	7,7	17
Жилищные условия	14,3	11	3,7	24
Хроническая нехватка средств	13,6	12	10,0	10
Слабое здоровье	13,4	13	16,2	7
Алкоголизм	12,1	14	8,9	12
Нарушения прав человека	11,9	15	11,8	9
Общая культура	10,7	16	8,1	16
Увеличение числа бедных, нищих	10,4	17	7,4	19
Преступность	9,5	18	4,4	23
Низкая гражданская активность	8,6	19	8,5	14
Недостатки, слабая работа госорганов	7,7	20	7,4	18
Работа общественного транспорта	7,2	21	2,6	26
Религиозный экстремизм	6,9	22	0,4	28
Недостаток детских садов	5,3	23	5,9	21
Недостаточное внимание к молодежи	5,2	24	8,9	13
Задержки с выплатой зарплаты	5,2	25	5,9	20

Посмотрим на список ОЗП и обнаружим, например, что в первом десятке проблем находятся: рост цен, состояние улиц и дорог, безработица, экология, медобслуживание, коррупция, образование и языковые проблемы.

Анализ исследований последних пяти лет показывает, что в представленном первом десятке списка ОЗП шесть – «с бородой»: рост цен, состояние улиц и дорог, безработица, экология, коррупция и языковые проблемы.

Причины, почему эти проблемы повторяются каждый год требуют отдельного анализа. Однако нетрудно заключить, например, почему проблема состояния улиц и дорог в Семее остается второй в списке ОЗП, а в г.Астана – на двенадцатом месте, г. Алматы – на четырнадцатом месте (другие наши исследования)? Дело в том, как выразился по-сути один из респондентов: «объем капитального ремонта дорог – мизерный, а качество ямочных покрытий – отвратительное. Отсюда следует, что темпы реконструкции дорог не соответствуют реальным потребностям!»

Рейтинг ОЗП по Бородулихинскому району отличается от рейтинга ОЗП по г. Семей лишь по наличию в городе такой обостренной проблемы, как состояние экологии. В селах Бородулихинского района место проблемы экологии занимает проблема качества медобслуживания.

В итоге мы должны назвать причины высокой актуальности названных проблем – они больше детерминированы недостатком материальных средств и слабостью здоровья. Поэтому в условиях, когда доминируют материальные проблемы и проблемы со здоровьем будут популярными любые меры, которые способствуют их разрешению: открытие новых рабочих мест, повышение качества медобслуживания и др.

Насколько трудно меняется к лучшему общественная ситуация в Семее и Бородулихинском районе можно проследить по оценкам респондентов, систематизированным в таблице 2, по итогам ответов респондентов на аналогичный вопрос социологической анкеты.

Таблица 2

Оценки изменениям в жизни г. Семей и Бородулихинского района, в %

Рейтинг по варианту «Улучшилась»	По городу Семей	По Бородулихинскому району
Насколько изменилась, по Вашим наблюдениям, ситуация в регионе в 2014 году, по сравнению с прошлым годом (только данные варианта ответа «Улучшилась»)...		
1) В благоустройстве территории полиса	32,7	63,8
2) В медицинском обслуживании	18,4	20,7
3) В межнациональных отношениях	17,9	22,9
4) В борьбе с преступностью	17,5	21,4
5) В поддержке предпринимательства	17,0	31,4
6) В работе учреждений культуры	16,6	33,6
7) В работе общественного транспорта	15,8	28,8
8) В воспитании молодежи	15,5	27,3
9) В религиозной ситуации	12,3	18,8
10) В занятости населения, уменьшении безработицы	12,0	28,4
11) В сдерживании роста цен	3,1	11,4

Оценки респондентами деятельности местных органов государственной власти и управления оказались под стать тем, не очень высоким изменениям, которые происходят в сферах жизни регионов. В таблице 3 расположен рейтинг оценок работы госструктур, по пятибалльной шкале.

Таблица 3

Рейтинг оценок работы госструктур

Наименования госструктур	По городу Семей	По Бородулихинскому району
1) акима ВКО	3,88	3,85
2) акима района	-	3,75
3) акима г.Семей	3,45	-
3) маслихата ВКО	3,26	3,70
4) маслихата района	-	3,68
5) маслихата г.Семей	3,19	-

Судя по оценкам, а они показывают, что ни один из указанных госорганов не получил и «четверки», можно сказать не только о том, что этими структурами еще не все сделано для благополучия жителей регионов, но и о том, к сожалению, что значительная часть населения пока видит только единственного субъекта улучшения своего благополучия – государство. Надо полагать, что бизнес на территории региона еще не получил того уровня развития, когда мог бы обеспечивать благополучие большей части полисов.

Интересными и поучительными оказались результаты опроса населения относительно уровня деятельности наших избранников – депутатов областного, городского и районного маслихатов. Нам трудно судить, как в других странах, но в нашей республике сложилась весьма специфическая ситуация с уровнем активности народных избранников в межизбирательный период. Речь идет о том, что абсолютное большинство депутатов, кроме заседаний на сессиях, больше ни в чем не проявляет своего участия. Несмотря на обещания избирателям «создадим рай...», совершенно потеряли связи с жителями округов. К сожалению, их, что называется, не видно и не слышно на мероприятиях, в средствах массовой информации. Словом, они из публичных деятелей (в ходе избирательной кампании) превратились в замкнутое «сословие заседателей». Подтверждением этого оказались, например, данные опроса об известности населению фамилий народных избранников. В частности, в анкете предлагалось вписать фамилию депутата, баллотировавшегося по избирательному округу, где проживает респондент, а также дать оценку его депутатской деятельности. Результаты оказались более, чем печальные, – более девяноста процентов опрошенных не смогли вписать фамилию ни своего, ни какого-то другого депутата.

Сведения по данному поводу, в разрезе каждого из семидесяти депутатов областного, городского и районного маслихатов, социологи представили указанным структурам. Реакция народных избранников на результаты опроса оказалась далеко неоднозначной. Некоторые депутаты, в качестве оправдания, даже назвали результаты исследований «неправильными». Однако обосновывать такие высказывания не стали. Тем более что замеры общественного мнения на этот счет проводятся ежегодно. Дело в том, что избрание депута-

том – это уникальное явление гражданского общества. Именно депутату населения полиса делегирует свои полномочия для активной публичной деятельности. Именно в народном избраннике ассоциируются запросы избирателей и полномочия для их отражения в депутатской деятельности. Но об этом, как видим, далеко не все избранники хотят знать и помнить.

В таблице 4 приведены оценки респондентов по некоторым основным направлениям государственной политики Республики Казахстан. Эти оценки – индикаторы – показывают уровень восприятия населением стратегии и тактики государства в рассматриваемых вопросах. Судя по тому, что здесь доминируют положительные ощущения, можно считать, что в главных приоритетах госорганам Казахстана удастся сделать многое.

Таблица 4

Оценки респондентами некоторых направлений госполитики, в %

Наименования	По городу г. Семей	По Бородулихинскому району
Ваши оценки следующим направлениям политики государства и государственных органов (приведены только «положительные» значения)...		
1) Государственная политика в сфере межэтнических отношений	84,3	98,8
2) Взаимоотношения институтов гражданского общества и государства	78,7	92,7
3) Государственная политика в сфере межконфессиональных отношений	78,4	98,0
4) Государственная политика в отношении молодежи	78,2	91,7
5) Развитие институтов местного самоуправления	74,4	88,3
6) Деятельность по реализации программы развития территории	64,9	92,6

Социологи попросили респондентов оценить полезность некоторых гражданских институтов. В таблице 5 приведены результаты опроса Бородулихинского района на сей счет, по городу Семей такого вопроса в анкете не было.

Таблица 5

Оценки полезности некоторых гражданских институтов, в %

Наименования	По району	В том числе			
		с. Бородулиха	с. Дмитриевка	с. Ново-Покровка	с. Новая Шульба
Насколько, по Вашему мнению, являются полезными следующие институты гражданского общества (из тех, кто дал конкретный ответ)...					
1) Советы аксакалов					
Скорее полезные	89,2	86,7	75,0	93,8	96,3
Скорее не полезные	10,8	13,3	25,0	6,2	3,7
2) Советы ветеранов					
Скорее полезные	86,8	90,4	69,0	86,5	93,3
Скорее не полезные	13,2	9,6	31,0	13,5	6,7
3) Советы общественности					
Скорее полезные	85,8	88,6	56,0	87,8	96,7
Скорее не полезные	14,2	11,4	44,0	12,2	3,3

4) Женские советы					
Скорее полезные	79,5	78,8	52,2	82,7	96,3
Скорее не полезные	20,5	21,3	47,8	17,3	3,7
5) Собрания жильцов (домов, подъездов, КСК)					
Скорее полезные	75,3	85,4	44,0	66,7	88,5
Скорее не полезные	24,7	14,6	56,0	33,3	11,5

По статистике таблицы 5 хорошо видно, насколько приемлемыми могли быть указанные общественные формирования. Проблема заключается только в том, чтобы поставить работу этих институтов на полноценную, системную и массовую основу. Собственно, как это лучше сделать и, от кого больше всего зависит развитие гражданского самоуправления, подсказывают нам данные опроса в таблице 6, где, в частности, хорошо просматривается зависимость общественных организаций от государства, от финансирования, от активности самих граждан (только в разрезе Бородулихинского района).

Таблица 6

О характере взаимодействия госорганов и гражданских институтов, в %

Вопросы и ответы	По Бородулихинскому району	В том числе			
		с. Бородулиха	с. Дмитриевка	с. Ново-Покровка	с. Новая Шульба
Оцените характер взаимодействия государства, госорганов и гражданских институтов (партии, общественные организации, профсоюзы)...					
затруднились ответить	32,1	18,2	10,3	34,8	80,0
государство и гражданские институты взаимодействуют на равных, партнерских началах в достижении общих целей	37,3	46,4	48,3	35,9	7,5
партии, общественные организации больше занимаются решением своих задач и не зависят от государства	12,2	10,0	20,7	16,3	2,5
общественные организации в основном зависят от госорганов, а потому не являются самостоятельными в решении вопросов	7,4	7,3	17,2	6,5	2,5
госорганы стремятся управлять общественными организациями, используя финансы и другие рычаги	7,4	10,9	-	6,5	5,0
госорганы не вмешиваются в дела общественных организаций и решение всех социальных вопросов берут на себя	3,7	7,3	3,4	-	2,5

О распространении коррупции, следовал очередной вопрос в анкете для жителей города и сельского района. Что сказали на сей счет респонденты, показано в таблице 7.

Таблица 7

О распространении коррупции, в %

Наименования	По г.Семей	По Бородулихинскому району
Отметьте, насколько значительно получило распространение коррупция в государственных органах (среди тех, кто дал оценку)...		
Значительно и продолжает нарастать	59,4	34,8
Значительно, но уже уменьшается	22,2	21,7
Незначительно	18,5	43,5

Респонденты также вписали госучреждения, в которых им пришлось столкнуться с коррупционными действиями. Таких учреждений названо немало. Но больше других выделяются отделы дорожной полиции.

Заметим также, что оценки характера распространения коррупции – среди горожан и сельчан несколько отличаются. По крайней мере мы видим, что большая часть бородулихинцев склонна считать распространение коррупции «незначительным». С чем это связано, сказать однозначно трудно. Но в ходе полевых исследований наши интервьюеры фиксировали некоторые опасения среди сельчан, при ответе на данный вопрос.

В таблице 8, в разрезе территорий, показана аналитика отношений к таким щепетильным сферам общественного бытия как межнациональные браки, изучение религиозной культуры в школе, национальные языки и религии. Именно по этим факторам часто наши социологи проверяют степень социальной напряженности.

Таблица 8

Отношения к межэтническим, религиозным и языковым явлениям, в %

Вопросы и ответы	По г.Семей	По Бородулихинскому району
1. Ваше отношение к следующим явлениям (приведены значения только тех, кто дал оценку)...		
1) к межнациональным бракам		
Положительное	65,2	80,9
Отрицательное	34,8	19,1
2) к изучению основ религиозной культуры в школе		
Положительное	64,2	73,1
Отрицательное	35,8	26,9
3) к гражданам, не знающим русский язык		
Положительное	59,5	72,0
Отрицательное	40,5	28,0
4) к гражданам, не знающим казахский язык		
Положительное	44,0	53,3
Отрицательное	56,0	46,7
5) к ношению одежды, соответствующей религии		
Положительное	33,3	59,4
Отрицательное	66,7	40,6
2. Как Вы себя поведете, если будут затронуты национальные или религиозные чувства...		
затруднились ответить	15,6	10,7
улажу ситуацию замечаниями	35,8	35,8
при необходимости вступлю в конфликт	21,6	10,0
постараюсь не обратить внимания	16,8	30,6
обращусь в органы правопорядка	9,3	12,5
другое	1,1	0,4

Опасными для межнациональных отношений находим значительное число респондентов, которое способно вступить в конфликт в случаях, если будут затронуты их национальные или религиозные интересы.

Нельзя также не заметить значительно-различающиеся отношения к русскому и казахскому языкам. Во-первых, продолжается широкое распространение казахского языка. В частности, почти в два раза уменьшилось число тех русских, которые совершенно не знают казахского языка, по сравнению с 2005 годом (наши исследования).

Во-вторых, значительно снизилась роль русского языка как языка межнационального общения. Теперь эти функции переходят к государственному языку. Вместе с этим растет удельный вес тех, кто совершенно не знает или плохо владеет русским языком. Этот процесс усиливают оралманы, а также сельские мигранты. Упала статусная роль русского языка. Если взглянем на данные переписи 1989 года, то найдем там: 60,2% казахов отметили русский язык вторым родным языком, сегодня – 2,1%.

В-третьих, населением активно осваивается английский язык. Этот язык стоит первым в перечне изучаемых языков, на втором – казахский, на третьем – русский и т.д.

В-четвертых, результаты опроса в таблице 9 (по г.Семей) подтверждают вышесказанное. В частности уровень владения языками и востребованность казахского языка в общественных сферах.

Таблица 9

О владении и востребованности языков, в %

Вопросы и ответы	По городу Семей	В том числе		
		Казахи	Русские	Другие
1) Казахский язык				
Не владею	15,6	-	46,9	5,6
Мой родной язык	63,8	99,6	-	6,7
Использую отдельные слова и выражения	15,1	0,2	42,3	37,0
Читаю, пишу и свободно говорю	9,2	0,2	15,5	53,7
2) Русский язык				
Не владею	0,9	1,4	-	-
Мой родной язык	36,2	2,1	100,0	60,3
Читаю, пишу и свободно говорю	70,0	91,3	-	57,0
Использую отдельные слова и выражения	3,3	5,2	-	-
Какие языки Вы сейчас изучаете...				
Не изучаю	66,9	61,0	77,3	76,3
Английский	26,3	32,5	14,6	23,8
Казахский	14,8	13,1	18,8	6,7
Русский	11,5	16,3	2,9	3,9
Уточним сферы, где казахский язык сегодня более востребован...				
В госучреждениях	51,0	46,0	60,5	50,5
Образование	45,1	47,2	42,1	34,9
В быту	17,6	18,7	15,6	17,1
Культура	16,9	23,3	5,6	6,7
Общественные мероприятия	12,3	14,8	7,1	17,1
Медучреждения	12,0	8,5	18,6	14,4
Производство	9,4	4,7	18,3	14,4

В завершение приводим данные опроса, касающиеся информационных предпочтений среди жителей сельского района. В частности, по пять наиболее востребованных видов средств массовой информации.

Первое. Чаще других телеканалов смотрят «Евразию», «Хабар», «КТК», «НТВ» и «Россию». То есть и казахстанские и российские электронные СМИ.

Второе. Больше читают «Пульс района», «Рудный Алтай», «Спектр», «Казахстанская правда» и «Егемен Казахстан» – только казахстанские, районные и семейские – городские издания.

Третье. Слушают радиостанции: «Авторадіо», «Европа плюс», «Русское радио», «Радио NS» и «Радио 7» – в основном российские, в которых имеется казахстанское содержание.

Четвертое. Пользуются Интернет – информацией более 60% жителей района.

Пятое. Среди новостных материалов пользуются спросом – республиканские, российские, районные, областные и зарубежные.

В чем прикладная суть данных опроса об информационных предпочтениях сельчан? Она исходит из возможностей влиять на население через масс-медиа. К сожалению, для Бородулихинского района такая возможность остается (реально) только в рамках районной газеты, остальные СМИ остаются практически вне контроля районных служб.

Также нельзя упускать из виду районные новостные интересы сельчан. Насколько они в полной мере удовлетворяются – тема для отдельных исследований.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ОТЧУЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО «URBAN-SOCIETY»

Коркия Э.Д.

доцент кафедры социологии коммуникативных систем
МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. соц. наук,
Россия, г. Москва

Мамедов А.К.

заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем
МГУ имени М.В. Ломоносова, д. соц. н., профессор,
Россия, г. Москва

В представленной статье рассмотрены социологические аспекты процесса отчуждения личности в городском пространстве. Данная статья постулирует тезис о том, что развитие средств массовой коммуникации, расширение массового потребления способствуют формированию псевдореальности и «псевдоколлективности» в современном «urban-society».

Ключевые слова: стандартизация, внушение, массовое сознание, толпа, общество потребления, общественное мнение, изолированность, «urban-society».

С системой индустриальной эпохи социум начинает институализироваться: появляются корпорации, стремительно растущие производства, вводится всеобщее образование, набирает обороты развитие средств массовой коммуникации, зарождается глобальная интеграция экономик. Естественно, что указанные процессы во многом определили уклад и стиль жизни городов. Человек начинает чувствовать себя поистине менеджером во всем, вплоть до природы, ему подвластны любые блага: приобрести практически любую вещь, добраться до любого уголка. Вместе с тем, указанные процессы предопределили всеобщую нивелировку, потерю идентичности, стирание религиозных, расовых, этнических и культурных различий. Творчество поневоле сменилось банальным пользованием, что явилось родимым пятном социализации, которому поневоле подвергается каждый человек, живущий в современном социуме. Приходит тотальная стандартизация как атрибут нового общества. Для человека модерна стандартное – это всегда знакомое, понятное, усвоенное и принятое неким большинством; человек стремится свести незнакомую ситуацию к типичной в этом роде, прибегает к аналогии для решения новой для него задачи. Современный социолог С. Московичи писал в процессе социализации «мы постепенно научаемся понимать действия или ситуации определенным способом внутри нашей культуры. Тогда мы станем способны согласовывать свою деятельность с деятельностью прочих членов нашей культурной группы и участвовать в передаче этих культурных значений тем, кто связан с нами. Таким образом, значения событий не создаются индивидом, но культурно совместно используются как социальные представления» [9, с.21].

Американский социолог начала прошлого века У. Липпман обосновал вывод, что процессом человеческого восприятия управляют стереотипы – предвзятые мнения. Г. Лебон, основатель психологии толпы, отмечал: «Итак, утрата сознательной личности, господство неосознанной личности, ориентация, посредством заражения, чувств и идей в одном направлении, тенденция немедленно превращать внушенные идеи в действия – таковы основные черты индивида в толпе. Это уже не он сам, а автомат, управлять которым его собственная воля бессильна» [6, с.98]. Толпа обладает гипнотической властью – индивид в толпе ведет себя совсем не так, как вел бы себя вне ее. Исходя из этого Московичи считает внушение главным фактором массообразования – индивид, получая какую-либо информацию, обычно проверяет ее на здравый смысл, прежде чем принять или отвергнуть. В толпе же принятая мысль принимается без какой-либо логической проверки, будто она стихийно сформировалась в голове. Российский исследователь Д. В. Ольшанский в работе «Психология масс» определяет массовое сознание как вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей. Массовое сознание есть совпадение или пересечение основных и наиболее значимых компонентов сознания различных индивидов, однако, являющееся несводимым ни к одному в отдельности. «Похоже, – писал Фрейд, – достаточно оказаться вместе большой массе, огромному множеству людей для того, чтобы все моральные достижения составляющих их ин-

дивидов тотчас рассеялись, а на их месте остались лишь самые примитивные, самые древние, самые грубые психические установки» [12, с.23]. Карл Юнг назовет эти установки архетипами, под которыми он понимал «образ коллективного бессознательного» [14, с.67]: «Архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций в жизни. Бесконечное повторение запечатлело эти опыты в нашей психической системе не в форме образов, наполненных содержанием, а вначале лишь в формах без содержания, представляющих просто возможность определенного типа восприятия и действия. При возникновении ситуации, соответствующей данному архетипу, он активизируется и появляется побуждение, которое, как и инстинктивное влечение, прокладывает себе путь вопреки всем доводам и воле, либо приводит к конфликту патологических размеров, то есть к неврозу» [14, 34]. Мыслители XX века считали, что именно массовое сознание и господствует в современном обществе: возникают тенденции к урбанизации, концентрации производства, что ведет к большей «скупенности» населения, что и обуславливает появление глобальных толп. Ортега-и-Гассет определяет современное общество «триумфом масс», ибо наблюдался небывалый всплеск рождаемости, выход на социальную авансцену массового актора-толпы, по своему размаху не имеющий аналогов в истории. В немалой степени этому способствует, в том числе, и образование; школы не справлялись со своей гуманитарной задачей – выпускали индивидов, знавших предметы поверхностно, не вникших в суть вещей: «Головокружительный рост означает все новые и новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой» [9, с.40]. Эрих Фромм – представитель франкфуртской школы, констатировал, что дискретность и неполнота знаний, получаемых в школе, служит основой социальных бифуркаций. Образовательная деятельность сегодня, как правило, направлена на то, чтобы «научить людей приобретать знания как некое имущество, более или менее соразмерное той собственности и тому общественному положению, которые они, по всей вероятности, обеспечат им в будущем» [13, с.70]. Однако, общую систему (классического) капитализма такое положение дел устраивало – промышленность получала рабочую силу в нужных количествах, образованную настолько, чтобы выполнять требуемый объем работ для поддержания непрерывного массового производства, но все же образованную не настолько, чтобы не поддерживался и массовый спрос на изготавливаемую продукцию. Ги Дебор в книге «Общество спектакля» размышляет над этим феноменом: человека в такой системе, в первую очередь, рассматривают как ее технический элемент, способный потреблять и поддерживать систему в замкнутом круге двойной структуризации (по Э. Гидденсу). Спектакль (по Дебору) – это экономика, развивающаяся ради себя самой, смысл спектакля – это процесс, а не достижение цели. Парадоксально, но люди начинают воспринимать искусственно созданные условия за объективную реальность, социальный факт. Спектакль, порождая общество всеобщего потребления также порождает и общество всеобщего отчуждения, безликость и усредненность- явление, которое А. Рисмен назвал «одиноким толпой». «Влияние спектакля на действу-

ющий субъект выражается в том, что поступки субъекта отныне не являются его собственными, но принадлежат тому, кто их ему предлагает. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома – вокруг него сплошной спектакль», – пишет Дебор [3, с.21]. Сегодня спектакль и зрелище – это основные продукты производительных сил общества, усилия миллиардов людей – это заставить самих себя потреблять. И в реалиях, когда зрелище предлагает потребить, становится понятно, что *все* потребить невозможно, однако потребление становится самоцелью, потому что спектакль *разрешает* потреблять в неограниченных объемах. Отчуждение человека от собственной истории (К. Маркс, А. Грамши, Э. Фромм) и своей жизни в частности достигается также разделением индивидуального существования на относительно небольшие промежутки времени, создавая эффект псевдоцикличности времени, когда индивид инкорпорируется в искусственные рамки повторяемости периодов рабочей недели и выходных, отпусков, выборов, смен летних и зимних модных коллекций. В чередке смен этих периодов человеку просто некогда задуматься о реальном времени и о результатах своей деятельности, не связанной с потреблением. Поддержание замкнутого круга усиливается средствами массовой информации, которые также являются как породителями, так и порождением спектакля, причем наиболее характерным и поверхностным, по словам Ги Дебора [3, с.65]. С. Кара-Мурза также отмечает нивелировку формы диалога: «Получатели сообщений превращаются в *толпу* в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора»» [4, с.44]. Общественное мнение – могучая сила, в том числе, и против разума, считает Г. Тард – достаточно одного пера, чтобы привести в движение миллион языков – создается феномен публики – образования, как считает Тард, более устойчивого и длительного по времени, чем существование толпы. Публика более рациональна, ее настроение стабильно, в перспективе она обладает гораздо большим потенциалом перемен в обществе, нежели толпа с ее сиюминутными порывами. Неудивительно, что именно СМИ, объединяющие публику, становятся главным проводником образов спектакля потребителю. А. Е. Левченко резюмирует: «В силу своей природы человек не имеет прямого контакта с общественным мнением – он может лично ознакомиться только с мнением другого человека. О содержании общественного мнения люди узнают из СМИ, причем рейтинг считается его единственным объективной характеристикой. Картина общественного мнения, созданная на основе рейтингов, внедряется в сознание индивида, который всегда подсознательно отождествляет себя с большинством, поскольку в массовом сознании именно большинство является носителем моральной истины. Возникает положительная обратная связь, ведущая к дальнейшему росту рейтинга» [7, с.31]. СМИ в этом качестве будут играть роль авторитетных точек зрения, фактически, создавая и поддерживая состояние псевдореальности. С. Московичи добавляет: «Они (СМИ) простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действитель-

ности» [9, с. 121]. П. Бурдьё в работе «Социология социального пространства» писал, что отношения коммуникации всегда являются в то же время отношениями власти, «чья форма и содержание зависят от материальной или символической власти, накопленной агентами или институтами, вовлеченными в отношения, которые, как в случае дара или потлача, помогают накопить символическую власть» [2, с.111]. Публика сама добровольно делегировала СМИ право говорить от ее имени, «позволяет перейти от изъяснительного наклонения к повелительному». Слова обладают магической силой над толпой, и право номинации дает в руки СМИ власть определять и конституировать социальную реальность: «Могущество слов так велико, что стоит придумать изысканные названия для каких-нибудь самых отвратительных вещей, чтобы толпа тотчас же приняла их» [6, с.90]. Р. Мертон резюмирует, что в XX веке «те, кто контролируют взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие» [4, с.23]. В результате указанной метаморфозы мы получаем изолированных и пассивных зрителей-потребителей культурного знания. Изолированность – главная цель стандартизации, внушения всем стандартной картины мира, по Дебору: «Интеграция в систему подразумевает, чтобы изолированные индивиды включались в неё совместно изолированными, – поэтому и заводы, и учреждения культуры, и курорты, и спальные районы – все они организованы так, чтобы поддерживать «псевдоколлективность», которая сопровождает индивида даже в семейной ячейке. Повсеместное использование приёмников зрелищных передач лишь способствует тому, чтобы индивид утолял свою изоляцию господствующими образами, которые и достигли своего господства исключительно благодаря подобной изоляции» [4, с.132]. Кара-Мурза отмечает, что телевидение подчиняет человека себе так же, как наркотики или алкоголь: «Потребляя современную, освобожденную от контроля этики телепрограмму, человек может рационально оценить характер ее воздействия на его психику и поведение» [4, с.134]. Смысл «цепей», которыми привязан зритель к экрану, наподобие узников в платоновской пещере, имеет политэкономическую окраску – доходы телеканалов определяется размещением рекламы: «В рекламе «молекулярная» потребность предпринимателя в продвижении своего товара на рынке в условиях конкуренции соединяется с общественной потребностью буржуазии в консолидации общества (обеспечении своей культурной гегемонии)» [4, 134-135]. Э. Фромм пишет об особом симбиозе рекламы и новостных блоков и ее разрушительном воздействии на способность к («человеческому слишком человеческому») критическому мышлению: «Сообщения о бомбардировке городов и гибели тысяч людей бесстыдно сменяются – или даже прерываются – рекламой мыла или вина; тот же диктор, тем же внушительным голосом, в той же авторитетной манере, в какой он только что излагал вам серьезность политической ситуации, теперь просвещает свою аудиторию относительно достоинств мыла именно той фирмы, которая заплатила за передачу; хроника позволяет себе показывать торпедированные корабли вперемежку с выставками мод; газеты

описывают любимые блюда или банальные изречения новой кинозвезды с такой же серьезностью, как и крупные события в области науки или искусства, и так далее» [13, с.51]. Банальность и посредственность – еще одни признаки современного общества – Дебор констатировал, что за яркостью, привлекательностью и разнообразием символов потребления, пропагандируемыми средствами массовой коммуникации, не кроется абсолютно ничего, кроме отсутствия смысла.

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, грант 13-33-01036

Список литературы

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс. С., 1997.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. М., 2005.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
5. Коркия Э.Д. Институционализация перформансной коммуникации в современном социальном пространстве. М., 2011.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
7. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. – Библиотека коммуникационной группы «Византия», 2005.
8. Mamedov A.K., Rybakova V.V. Scientific problem as a factor of science development в сборнике Science and Education: materials of the V international research and practice conference, место издания Publishing office Vela Verlag Waldkraiburg Munich, Germany, 2014.
9. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.
10. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2002.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003.
12. Фрейд З. Массовая психология и анализ «Я» // Избранное. М., 1990.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2006.
14. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

СУБКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

Мазнев С.Ф.

ассистент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье субкультурная специфика развития сельского социума рассматривается вопрос стабилизации субкультурных отношений жителей села и возможное предотвращение конфликтов между социальными группами.

Ключевые слова: сельский социум, субкультурная специфика, социальная адаптация, субкультура, социальная база, статусные группы.

Сельский социум характеризуется наличием органических связей (прежде всего семейных) и культурным, а значит и нравственным единством, которое проявляется в единообразии технологических укладов и способов производства, реализуемых в сельских системах. Г. Зиммель указывал на

значимость для сельского социума пространства, сложившегося в результате экономической организации территории, а также социальных связей, складывающихся как внутри производственной организации, так и вне ее.

Российское сельское хозяйство десятилетиями развивалось в русле концепции «человек для производства», когда человеческий фактор рассматривался исключительно как ресурс для производства. В результате сельский социум приобрел признаки внеэкономической, корыстной корпоративности. Кроме того, сельские системы характеризуются неограниченностью властных функций административного ресурса, размытостью и бюрократичностью ведомственных и производственных иерархий. Все это увеличивает степень конфликтности различных групп сельского социума, подавляет мотивацию и способствует дальнейшему разрушению российского села. Источники созидательной активности, вовлечения сельского социума в реконструкцию системы отношений в аграрных регионах следует искать в изменении целевых установок производственных систем, способах организации и демографического поведения. При этом инфраструктура сельской системы выступает «концентратором человеческого общения, а, значит, индикатором зрелости общностных процессов сельского социума» [1, с. 2-3].

В условиях современного общества возникает объективная необходимость взаимодействия формирующейся личности с динамично меняющейся внешней средой, в процессе которого личность не только приспосабливается к требованиям и «вызовам» среды, но и воздействует на нее, вызывает ее существенные позитивные изменения. Такое взаимодействие является одной из сторон социализации личности и чаще всего определяется как социальная адаптация. Особенно актуальной является социальная адаптация учащихся сельских школ, поскольку в современном сельском социуме существует трудноразрешимое традиционными способами противоречие между новой социально-экономической ситуацией и стереотипным мышлением учащихся сельских школ, связывающих свое будущее с городом. При этом не принимаются во внимание объективные условия городской жизни, ситуация в сфере образования, на рынке труда, что приводит к дезадаптации, проявляющейся в неоправданной социальной и профессиональной мобильности и снижении социального статуса значительной части сельской молодежи, мигрировавшей в город. После окончания сельской школы выпускники, желающие получить высшее образование, уезжают в крупные города, где, как правило, отличаются скромностью, трудолюбием, любознательностью, но уступают городским детям в уровне базовых знаний. В силу высокого уровня адаптивности части из них удается адаптироваться к новым социальным условиям и социальному окружению, «догнать» городских сверстников и за пять лет стать городскими жителями и квалифицированными специалистами и вести городской образ жизни, фактически, отказываясь от сельского прошлого. С этого момента начинается деградация сельского общества.

Для изменения такого положения необходима системная работа по формированию как у сельских жителей, так и у городских новых аксиологических установок, связанных с жизнью и работой в сельской местности. В

свою очередь, такая работа возможна только при наличии в сельском социуме объективных социально-экономических предпосылок, складывающихся в сферах экономики, этнокультуры, родовых и семейных отношений, образования, быта, коммуникаций, повышающих привлекательность сельского образа жизни и способствующих социальной адаптации сельских жителей.

Сложность этой задачи связана с социокультурной неоднородностью современного села. В современном сельском социуме формируются различные субкультуры, носителями которых являются отдельные статусные группы. Например, выделяемые по роду занятий (фермеры, безработные, самозанятые), либо по возрастным признакам (молодежь, люди среднего возраста, пожилые).

Субкультура (от лат. *sub* – «подкультура») представляет собой совокупность специфических социально-психологических характеристик, влияющих на стиль жизни и мышление определенных номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осуществлять себя в качестве «мы», отличного от «они» (остальных представителей социума). Это автономное относительно единое общество людей, характеризующееся рядом так или иначе выраженных признаков: специфическим набором ценностных ориентаций, норм поведения, взаимодействия и взаимоотношений ее носителей, а также иерархией; набором предпочитаемых источников информации; своеобразными развлечениями, вкусами и способами свободного времяпрепровождения; жаргоном; фольклором и др.

Социальной базой образования той или иной субкультуры могут быть не только возрастные, социальные и профессиональные слои населения, но и контактные группы внутри них, религиозные признаки, объединения, объединения по роду занятий.

Ценностные ориентации носителей той или иной субкультуры характеризуются ценностями социальной практики общества, интерпретированными и трансформированными в соответствии с особенностями субкультуры, возрастными и иными специфическими потребностями, стремлениями и проблемами ее носителей.

Каждая субкультура отличается общими для ее носителей предпочтениями, увлечениями, проведением свободного времени. Определяющими факторами при этом являются возрастные, социальные и другие особенности носителей субкультуры, условия их жизни, имеющиеся возможности, а также мода.

Отношения носителей различных субкультур на селе могут быть диаметрально противоположными и вести к конфликтам. Поэтому целесообразно стабилизировать субкультурные процессы на селе. Такое возможно будет сделать путем их сознательного регулирования. В основу регулирования субкультурных процессов необходимо положить глубокий анализ исследуемой области, просчитать все возможные пути решения конфликтов.

Как правило, отношение людей к социальным референтам определяется их интересами в какой-либо сфере. Поэтому главным условием успешного регулирования является анализ специфики групповых интересов и, на этой основе, достижение баланса между ними.

Список литературы

1. Радченко В.П. Сельский социум как субъект маркетингового регулирования аграрных систем // Экономический вест. Ростовского гуманитарного университета. – №4. – 2008. – Том 6.
2. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – 350 с.
3. Ионин, Л.Г. Современная культура России. – Электрон. текст. дан. – 1998. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>, свободный.
4. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем: системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследования. Под ред. С.И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнел-Хуттера (Швейцария). – М.: Интеллект, 1998. – 272 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТАРООСКОЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА)

Мочалин А.В.

ст. преподаватель кафедры менеджмента Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета,
Россия, г. Старый Оскол

В статье рассматриваются особенности эволюции электорального поведения студенческой молодёжи в условиях изменения общественно-политической жизни российского общества. В ходе проведенного социологического опроса студенческой молодёжи Старооскольского городского округа определяются основные тенденции динамики электорального поведения, а также факторы оказывающие влияние на электоральную активность молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, выборы, электоральное поведение, электоральная активность.

В настоящее время особую актуальность обретает выявление новых социальных сил, призванных решать общественные проблемы и имеющих потенциал для продолжения работы по модернизации страны. Здесь вполне правомерна ориентация на молодое поколение, как потенциального субъекта общественных преобразований. В этой связи избирательный процесс уместно рассматривать в качестве одного из эффективных механизмов социализации молодежи и включения ее в общественную жизнь.

Действительно, современная молодёжь – это политическое будущее России. Через 10 – 15 лет она будет определять не только облик страны в целом, но и (в более узком смысле) статус выборов в российском социуме. От установок и образцов поведения молодых людей, электоральной активности молодежи во многом будет зависеть успех проводимых реформ избирательной системы, уровень легитимности власти в глазах общества.

В связи с вышеперечисленным, особую значимость приобретает комплексное изучение электорального поведения молодежи, её электоральных

предпочтений, факторов оказывающих влияние на её политический выбор, а также в целом, уровень её правовой культуры [1, с. 248].

Электоральное поведение есть разновидность политического участия как действия по делегированию полномочий. Поведение избирателя и его голосование определяются многими обстоятельствами. В конечном счете, возникает множество разнородных установок, которые в своей совокупности сказываются на электоральном выборе. При этом под установками понимают «факторы восприятия действительности и самооценки, мышления и деятельности граждан, характеризующие их взаимоотношения с институтами политической системы и политическими лидерами, а также отражающие субъективную готовность людей к принятию тех или иных жизненных ориентиров, целей, ценностей, норм, стереотипов поведения, языковых и мыслительных формул, лозунгов и т.п.» [2, с. 21].

Все эти факторы в своей совокупности создают основания для того, чтобы в момент голосования избиратель принял то или иное решение. Результатом влияния на субъекта различных факторов является формирование у субъекта электоральной позиции. Электоральную позицию можно определить как преобладающую точку зрения на выборы и избирательный процесс, сформировавшуюся в сознании субъекта под влиянием системы внутренних и внешних факторов и отражающую в конечном итоге типичный способ самоорганизации жизни. Эта позиция существенным образом детерминирует поведение избирателей, в том числе и электоральный выбор [3, с. 140].

Решающее значение для влияния на характер электорального поведения имеют объективно существующие в обществе экономические и политические отношения, определяемые в конечном итоге социально-классовой принадлежностью тех или иных групп избирателей. Вместе с тем социально-политические ориентации, реализующиеся в электоральном поведении, представляют собой результат сложной взаимосвязи воздействующих на избирателей объективных условий и субъективных факторов. К последним, в частности, относятся особенности внутри и внешнеполитической обстановки, специфика поведения политических организаций, характер и уровень эффективности средств массовой коммуникации и т.д. [4, с. 43].

В целях выявления эволюции электорального поведения молодежи, определения уровня её электоральной активности 5-15 октября 2014 года кафедрой менеджмента СОФ НИУ «БелГУ» было проведено в Старооскольском городском округе социологическое исследование по теме «Электоральная активность молодежи». В опросе приняло участие 400 респондентов, являющихся студентами вузов и ссузов городского округа. Структура опроса включала вопросы, направленные на определение детерминант электорального поведения студентов, особенностей их электоральной позиции и в целом модели электорального поведения.

По вопросу «Как Вы считаете, влияют ли результаты выборов на жизнь страны, региона, города?» были даны следующие ответы: Да -168 чел. (42%); Скорее да, чем нет – 102 чел. (25%); Скорее нет, чем да – 62 чел. (16%); Нет – 48 чел. (12%); Затрудняюсь ответить – 20 чел. (5%). Таким образом, 67% мо-

лодежи согласны со значимостью избирательной системы и ее влияния на жизнь общества, однако 28 % высказали отрицательную позицию.

По вопросу «Как Вы считаете, влияют ли результаты выборов на жизнь таких людей, как Вы?» были получены следующие ответы: Да – 120чел. (30%); Скорее да, чем нет – 86чел. (21%); Скорее нет, чем да – 78чел. (20%); Нет – 84чел. (21%); Затрудняюсь ответить – 32чел. (8%). Этот вопрос уточнял, конкретизировал предыдущий вопрос и показал, что, если в отношении страны молодежь видит важность выборов, то в отношении самой молодежи такой уверенности у респондентов уже нет. Только 51% высказались утвердительно, а отрицательных ответов дано 41%.

По вопросу «Согласны ли Вы с мнением, что активное участие молодежи в выборах может способствовать решению молодежных проблем?» даны следующие ответы: Да – 114 чел. (28%); Скорее да, чем нет – 94 чел. (24%); Скорее нет, чем да – 74 чел. (18%); Нет – 58 чел. (15%); Затрудняюсь ответить – 60 чел. (15%). Как и в предшествующем вопросе положительно ответили чуть более половины респондентов – 52%, а отрицательные ответы дали 33%.

Таким образом, анализ трех вопросов позволяет сделать вывод, что студенты осознают значимость выборов для общества и государства в целом. Вместе с тем, только каждый второй считает выборы эффективным средством защиты его личных интересов и интересов молодежи.

Следующий блок вопросов выявлял потенциал активности молодежи, их готовность принимать активное участие в подготовке и проведении выборов.

На вопрос «Хотели ли Вы принять участие в будущих выборах в качестве кандидата?» было получено неожиданно высокий процент положительных ответов – 16% респондентов (64 человека). Это говорит о желании молодежи реализовать себя, а также возможно о молодежном максимализме. На вопрос «Хотели ли Вы принять участие в будущих выборах в качестве члена избирательной комиссии?» процент желающих оказался существенно ниже – всего 13% (52 человека). Однако на вопрос «Хотели ли Вы принять участие в будущих выборах в качестве наблюдателя?» положительно ответили уже 28% (114 человек) и 25% еще не решили. Скорее всего, такое разночтение в желании активно участвовать в выборах связано с неуверенностью респондентов в своих силах (что касается ответственной работы в избирательной комиссии) и готовностью работать наблюдателем, где требования будут значительно ниже.

Вопрос «Чье мнение по вопросам участия в выборах для вас является значимым?» обозначал значимых для молодежи субъектов. Среди них, лидерами, как и ожидалось, оказались: родители и родственники – 22% опрошенных и частично друзья и знакомые – 11%. Лидером стало ответ «Только собственное мнение» – 28%, что соответствует молодежному сознанию. К удивлению достаточно высокий процент (10-11%) набрали «известные люди» и «известные политики и общественные деятели»

Следует отметить, что работники избиркомов, руководители мест работы и учебы, учителя и преподаватели не получили высоких процентов – в среднем всего по 5%. Возможно, что просто часть молодежи в силу своего менталитета не хочет сознаваться во влиянии на них данных «взрослых».

На актуальный вопрос «Укажите наиболее эффективные формы избирательной агитации по привлечению молодежи к участию в выборах?» мнения молодежи разделились. Среди лидеров значатся ответы (15-18%): включение молодежи в состав избирательных комиссий, избирательных штабов, наблюдателей (74 чел.) и отражение интересов молодежи в программах кандидатов и партий (64 чел.), что является позитивным показателем заинтересованности молодежи в выборах как средстве отстаивания своих групповых интересов. Также среди лидеров ответ: Избирательные ролики, теледебаты кандидатов (60 чел.). Наименьший показатель у ответа: Листовки, буклеты, наказы кандидатов и партий – 5%.

Вопрос «В какой мере Вы знакомы с системой выборов и работой молодежных правительств и парламентов в Белгородской области?» предполагал выявления информированности молодежи, прежде всего, о наличии и работе в городском округе Совета молодежи и городских выборах, которые в него проводились уже два раза, а также о выборах лидеров школьного и студенческого самоуправлений. Результат оказался достаточно позитивным: 64% молодежи имеют информацию о молодежных органах, так что просветительская и организационная работа избиркома и образовательных организаций дала определенные положительные результаты. Вопрос «Поддерживаете ли Вы необходимость выборов и работы молодежных правительств и парламентов в Белгородской области?» подтвердил предыдущие данные. 67% поддерживают работу данных молодежных органов.

На вопрос «Как Вы считаете, что нужно сделать в первую очередь, чтобы повысить активность молодежи на выборах?» респонденты дали приблизительно равные ответы по многим позициям. Однако наибольший процент (более 20%) получили: Материальная и организационная поддержка молодежных проектов и инициатив (88 чел.), Реализация программ по решению молодежных проблем, развитие молодежной политики (80 чел.). Следовательно, молодежь указывает на необходимость конкретного решения молодежных проблем и создания реальных условий для возможности реализацией молодежью своего потенциала в различных сферах общественной жизни. Также высокий процент (18%) получил ответ «Создание молодежной политической партии». К нашему удивлению не высокие показатели (5%) оказались у тех форм работы, которые мы реализуем в настоящее время: Развитие молодежного парламентаризма и иных форм сотрудничества молодежи и власти (всего 20 чел.) и Поддержка молодежных клубов молодого и будущего избирателя (28 чел.).

В целом социологическое исследование выявило следующие особенности электорального поведения молодежи городского округа:

1. Электоральное поведение студенческой молодежи характеризуется позитивным отношением к важности института выборов и необходимости непосредственного участия в избирательном процессе.

2. Среди моделей электорального поведения молодежь наиболее часто действует в соответствии с имиджевой моделью, моделью рационального выбора. Также молодежь подвержена воздействию манипулятивных моделей. Опасной является и подверженность молодых избирателей воздействию негативной модели электорального поведения, т.е. голосование вопреки.

3. Молодежи свойственен нонконформистский стиль электорального поведения. В связи с особенностями периода взросления она негативно воспринимает методы принуждения и административного воздействия, склонна принимать противоположные решения. Так, среди форм политического участия молодежи в выборах, частыми являются протестное голосование.

4. В целом, электоральное поведение значительной части молодежи можно определить как «нестабильное», «подвижное». Политические пристрастия молодежи не являются постоянными и стабильными. В ходе процесса социализации молодые люди еще слабо разбираются в политике, часто меняют свои политические идеалы.

Выявленные особенности электорального поведения молодежи позволяют предложить избирательным комиссиям, органам государственной и муниципальной власти следующие рекомендации по эффективному управлению электорального поведения данной категории избирателей:

1. Работа с молодежью не может быть эффективной, если она ведется без участия молодежи. Необходимо содействовать включению молодежи в избирательный процесс – участие студентов в работе избирательных комиссий, корпуса наблюдателей, членов штабов, участие в проведении Exit-poll.

2. Органы власти должны перейти от проведения массовых мероприятий к практике индивидуальной, постоянной работы с отдельными целевыми группами студенчества, сделать свою работу более адресной и конкретной.

3. Уровень электоральной активности молодежи во многом зависит от оценки студенчеством эффективности деятельности самой власти, особенно в деле решения молодежных проблем. Доверие и признание молодежью власти нельзя добиться административными мерами, необходимы реальные шаги в сторону решения молодежных проблем.

Поэтому крайне важно оказание содействия молодежным организациям, способствующих артикуляции, агрегации и представительству интересов молодежи и способных реализовывать молодежные проекты разного уровня.

Список литературы

1. Бабинцев, В.П. Особенности электорального поведения молодежи в Белгородской области. Молодежь и выборы сегодня: перспективы, ожидания. Материалы областной научно-практической конференции [Текст] /В.П. Бабинцев. – Белгород, ПБОЮЛ Круть С.А., 2006. – 258 с.

2. Захаров, О.В. Социальные механизмы воздействия на электоральное поведение [Текст] : дис. ... канд. соц. наук / О.В. Захаров. – Москва, 2012. – 155 с.

3. Крупеня, Е.М., Смолина, И.Г. Правовая культура избирательного процесса: персонцентристский анализ [Текст] / Е.М. Крупеня, И.Г. Смолина. – Москва, Университетская книга, 2012. – 276 с.

4. Савченко, С.М. Электоральное поведение граждан в контексте модернизации современного российского общества [Текст]: дис. ... канд. соц. наук/ С.М. Савченко. – Ростов-на-Дону, 2012. – 145 с.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИЗМЕ ТЕОРИИ СТРУКТУРИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пашаева М.Р.

аспирант кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»,
Россия, г. Новосибирск

В статье управленческая культура как сложный социологический феномен рассматривается в методологическом аспекте с позиции теории структуризации английского социолога Энтони Гидденса. Ключевыми понятиями в данной теории, актуальными для управленческой культуры организации, являются интенциональность, сопутствующий эффект, эффект композиции, структура, дуальность и т.д.

Ключевые слова: управленческая культура, методологический аспект, социология управления, теория структуризации, структура, дуальность.

С нашей точки зрения для описания специфики управленческой культуры в рамках социологического подхода необходимо использовать теорию структуризации английского социолога Э. Гидденса. Данная теория позволяет дать ответы на ряд концептуальных вопросов управленческой культуры как социологического феномена.

В теории структуризации предметом изучения, то есть системообразующем понятием, является «не опыт индивидуального актера, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени». [3, с. 47]. Учитывая этот аспект, с позиции управленческой культуры центральной категорией являются не индивидуальные действия сотрудников, а некоторая область взаимодействия в системе управленческих коммуникаций с точки зрения целей организации, обмен социальным опытом.

Отметим, что согласно теории Э.Гидденса, область социальной деятельности является повторяющейся, это значит, что члены трудового коллектива специально не создают ту реальность, в которой реализуется управленческая культура, а лишь из раза в раз воспроизводят уже известные образцы поведения, в том числе и стереотипные, то есть характерные и привычные именно для этой организации и специфики ее работы на данном этапе. Вследствие этого, образуется определенная реакция – сотрудники создают социальную реальность теми же самыми средствами, которыми они реализуют себя в управленческой культуре, что говорит о схожести природы управленческих и социальных процессов в учреждении.

Одной из центральных категорий рассматриваемой теории является интенциональность, под которой мы понимаем определенную характеристику управленческого действия, которое с точки зрения исполнителя будет иметь значимый результат, способный повлиять на менеджмент организации. Знание предполагаемого результата помогает исполнителю достичь этого результата уже на ментальном уровне. Далее результат переходит на уровень конкретной реализации. Здесь необходимо отметить, что предполагаемый результат не всегда будет полностью совпадать с полученным результатом. Это происходит по причине того, что результат уже заранее сформирован «общественным мнением» организации под влиянием различных стереотипов, установок, а также внешних факторов. Так, например, внутрикорпоративные мероприятия уже заведомо имеют функцию групповой идентификации, которая заключается в возможности членов коллектива организации включаться в совместную социальную деятельность. Но совместная социальная деятельность еще не является социальной практикой, так как мероприятия подобного характера чаще всего являются лишь внешней демонстрацией функционального отношения сотрудника к трудовому коллективу. Этот фактор необходимо учитывать при построении управленческой культуры в организации.

Характеризуя интенциональность, мы должны остановиться на «сопутствующем эффекте» и «эффекте композиции». Эти эффекты описывают систему отношений действий относительно интенциональности. Сопутствующий эффект проявляется, в случае, если менеджер совершил какое-либо управленческое действие, и в результате этого действия произошло что-то, изначально не планируемое. Приведем пример данного эффекта в системе управленческой культуры учреждения. Руководитель учреждения, инициируя изменения, в том числе, направленное на инновационное развитие организации, не всегда может оценить все последствия этого процесса с точки зрения восприятия на уровне трудового коллектива и практической реализации этой задачи. Любые изменения, внедряемые инновационные технологии и методики могут привести к разным сопутствующим эффектам, которые нельзя предвидеть и четко обозначить на этапе планирования управленческих действий.

Английский социолог считает, что в социальной теории есть два подхода к понятию «структура». Данное понятие является ключевым в описание управленческой культуры как социального феномена. Сторонники первого подхода описывали структуру как вид моделирования социальных отношений или систем. Такое моделирование накладывается на призму визуальных образов, вследствие чего такой подход к трактованию структуры носит буквальный характер. Второй подход обусловлен современными структуралистскими школами, здесь структура представляет собой условное пересечение присутствующего и отсутствующего.

Ключевым понятием в теории Э. Гидденса является так называемая «дуальность» структуры. Автор считает, что дуальность заключается в том, что «правила и ресурсы, вовлеченные в производство и воспроизводство со-

циального действия, в тоже самое время являются средствами системного воспроизводства» [2, с. 55]. С позиции социологии управления мы можем актуализировать такой вопрос: управленческая культура определяет линию поведения членов трудового коллектива или сотрудники предопределяют и формируют систему управленческой культуры в организации. Теория Гидденса позволяет нам не отвечать на данный вопрос, так как в нем как раз и реализуется дуальность структуры управленческой культуры.

Для характеристики дуальности структуры важную роль занимает модальность, которая отвечает за определение размерности дуальности структуры, зависящие от влияния внешних условий и внутренней специфики организации. Автор выделяет три типа структур, в которых реализуются разные модальности и соответствующие схемы взаимодействия. В первом варианте структуры осуществляется интерпретативная схема модальности. Данная схема предполагает правильное толкование и интерпретацию событий и действий, происходящих в организации за определенный период времени. В интерпретативной схеме модальности взаимодействие между членами трудового коллектива в системе управленческой культуры строится на основе теории коммуникации и ее практической реализации. При построении второго варианта структуры – доминирования, взаимодействие осуществляется другим путем, а именно с помощью проявления властных полномочий. В третьем варианте структуры – легитимации, модальность зависит от соответствия норм, а взаимодействие строится путем применения санкций.

Итак, в данной статье мы рассмотрели ряд концептуальных аспектов управленческой культуры с позиции теории структуризации Э. Гидденса. Отметим, что данная теория позволяет получить ответы на актуальные социологические вопросы.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС. – 2005. – 632 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект. – 2005. – 528 с.
3. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас [Текст] / А.В. Леденева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. – 1995. – 120 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В РАМКАХ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА

Репина Е.И.

соискатель кафедры связей с общественностью и рекламы
Ульяновского государственного университета,
Россия, г. Ульяновск

В статье рассматриваются парадигмы исследования социальных протестов. Автор обосновывается применение теории структурного функционализма, социологической теории М. Вебера и интегральной социологии П. Сорокина для анализа социальных протестов.

Ключевые слова: социальный протест, парадигма, структурный функционализм, синергетика, понимающая социология.

Проблема социальных протестов значительно актуализировалась в контексте всеобъемлющей социально-политической трансформации, которая вызвала изменения в мировом сообществе и повлекла за собой состояние неопределенности и напряжения, охватившее многие общества и государства. Сложность и многоаспектность данного явления, а также небольшое количество фундаментальных исследований в данном направлении затрудняет формирование общей теории изучения социальных протестов. В настоящее время только вырабатываются различные концепции анализа и подходы к исследованию условий возникновения и развития социальных протестов.

В социологии социальных протестов можно выделить несколько парадигм исследования протестов. Каждая социологическая парадигма достаточно избирательна в плане оценки факторов общественного развития. Именно поэтому ни одна из парадигм не дает всеобъемлющий анализ общества, однако, вносит свой конкретный, частичный вклад в его понимание [1].

Парадигма социальных фактов

В рамках данной парадигмы следует остановиться на теориях социального действия и социальной системы Толкотта Парсонса.

В своих работах Парсонс определяет общество как тип социальной системы, обладающий наивысшей степенью самодостаточности, которая проявляется, прежде всего, во взаимодействии с окружающей средой, в регулировании доступа к материальным ресурсам. Как правило, члены самодостаточного общества вносят вклад в его функционирование через многочисленные экономические и политические институты [3, с. 138].

Парсонс считал, что на практике ни одна социальная система не находится в состоянии идеального равновесия, поэтому процесс социального изменения Парсонс представляет как «подвижное равновесие». Так, если изменится взаимоотношение общества со своей средой, это приведет к переменам в социальной системе в целом.

По мнению Парсонса, власть не является главной силой, способной предотвратить социальное противоборство и её негативные последствия. В современном обществе решающим фактором поддержания порядка являются самоограничения людей, добровольное принятие ими норм и ценностей общества. Также в утверждении социального порядка Парсонс особую роль отводит культуре. Культура обладает особой способностью проникать во все другие подсистемы общества, будучи их органической частью [3, с. 145].

Положения Т. Парсонса можно считать эффективными в исследовании того, как в обществе складывается порядок, какие факторы являются решающими в его поддержании, как возникают социальные и политические протесты и новации и, соответственно, как ориентации действий людей, их явные и латентные выборы адаптируются к новым социокультурным реалиям.

Роберт Мертон, американский социолог, предпринял попытку усовершенствовать и развить теорию структурного функционализма. В этой связи

Мертоном была разработана и предложена альтернативная Парсоновской теория структурного функционализма, позволяющая анализировать ограниченный и конкретный круг социальных явлений.

В работе «Социальная теория и социальная структура» Мертон поставил задачу «понять, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению». По Мертону, среди множества элементов социальной структуры можно выделять два особенно важных, которые определяют её суть. Первый состоит из определенных культурой целей, намерений и интересов. Второй элемент – ограничение культурных целей институализированными нормами. Разбалансированность между культурными целями и институциональными средствами их достижения приводит к состоянию аномии. Аномия – это ценностно-нормативный вакуум, безнормие, которое означает, что ценностные регуляторы поведения резко ослаблены, фрагментированы и рассогласованы. Мертон считал, что аномия побуждает членов общества к отклоняющемуся, девиантному поведению. В этой связи Мертон выделил пять способов адаптации индивидов в условиях аномии: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж [2, с. 151 – 169].

Таким образом, научные взгляды Мертона могут быть использованы при интерпретации поведения социальных акторов в условиях аномии, формой реализации которой может выступать социальный протест.

Интерпретивная парадигма

Веберовская теория получила характер «понимающей» социальной науки, поскольку она ориентирована на интерпретацию социальных действий людей, которые общезначимы в рамках определенной исторической эпохи.

Согласно воззрениям Вебера, действие человека обретает характер социального действия, если в нем присутствуют два принципиальных момента: субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл и ориентация на поведение других людей [1].

По Веберу, приверженность разных социальных групп и отдельных индивидов к различным типам социальных действий объективно ведет к *естественности политического неравенства*, которое заключается в *компетентности и способности* быть активным социальным агентом, свободно принимающим решения и отвечающим за их последствия.

Таким образом, стержнем веберовской «понимающей» социологии является идея анализа социальных реалий вообще и социальных действий в особенности через призму степени их рациональности. По мнению социолога, сравнивая количество целерациональных действий с другими действиями, содержащими определенный компонент нерациональности, и выявляя, какой тип действия является доминирующим можно судить об уровне исторического развития общества вообще.

Интегральная парадигма

Российско-американский социолог П. А. Сорокин предложил изучать общество, его явления с позиций как объективности социокультурных систем, находящихся в сложном движении – по горизонтали, вертикали и в ви-

де флуктуации, так и с учетом субъективного фактора – сложной, интегральной сущности самого человека, его ценностного мира [1].

В своих работах Сорокин обосновал, как ему представлялось, «основной закон истории», согласно которому происходит перманентная флуктуация социокультурных суперсистем и обществ, равно, как их конкретных сфер: типы политики, экономики, идеологии не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии, а непрерывно «качаются между полюсами тоталитаризма и строго свободных режимов».

Основной закон истории Сорокин применяет и при анализе современных ему обществ. Под воздействием флуктуаций нарушаются механизмы социального контроля, теряются моральные и правовые ценности, что влечет за собой превращение людей в существ, управляемых, главным образом, бессознательными рефлексам. В этом социолог усматривал глубинные корни индивидуализма и эгоизма, обострения борьбы за существование, превращения силы в право и, наконец, – войн, революций, проявлений социальной аномии.

По Сорокину, процесс флуктуации социокультурной системы проходит через ряд последовательных этапов: дезинтеграция – кризис – мобилизация сил – новый социокультурный порядок. Дезинтеграция происходит двумя путями: путем вырождения свободных институтов, ценностей; путем растущего обесценивания прежних институтов, ценностей и идеологий. К счастью, замечает Сорокин, процесс дезинтеграции, как правило, вызывает мобилизацию сил, которая не только борется с дезорганизацией, но также начинают строить новый интегральный социокультурный порядок [1].

В 70-е – 80-е годы XX века ряд ученых заявили, что социальные и культурные изменения, происходящие в мире, столь радикальны, что уже не могут быть объяснены с помощью классических наук, основанных на презумпции внешней причины (силы, Бога или какого-либо Автора) как источника изменений, линейной эволюции – от стадии к стадии. С точки зрения этих ученых, мироздание все более приобретает хаотическое содержание, находящееся в процессе самоорганизации. Исследования этих новаций привели к возникновению такого направления, как синергетика. Согласно положениям синергетики, порядок, развитие общества вообще не мыслится без бифуркаций – определенных периодов, в которых флуктуации внешних и внутренних факторов развития, а также непредвиденные последствия действий людей достигают критического уровня, что влечет за собой неустойчивость, возможности различных вариантов развития.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что из – за многомерности явления социального протеста, не представляется возможным говорить об универсальной концепции исследования социального протеста. Социология рассматривает социальные протесты в различных аспектах. В связи с этим наиболее приемлемо использовать идеи различных подходов, теорий, концепций для более полного и разностороннего анализа социальных протестов.

Список литературы

1. Кравченко, С. А. Социология: парадигма через призму социологического воображения [Электронный ресурс] / С. А. Кравченко. – Режим доступа:

<http://bookucheba.com/problematika-sotsiologicheskaya/sotsiologiya-paradigmyi-cherez-prizmu.html>

2. Мертон, Р.К. Наука и социальный порядок [Текст] / Р. К. Мертон // Личность, Культура. Общество. – 2000. – Т. II. Вып. 2. – С. 151-169.

3. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Щанина Е.В.

доцент кафедры «Социология и управление персоналом», ФГБОУ ВПО
Пензенский государственный университет, канд. социол. наук, доцент,
Россия, г. Пенза

В статье рассмотрен опыт зарубежных стран в организации доступной среды жизнедеятельности пожилых людей, нуждающихся в заботе. Выделены основные принципы, которые следует принимать во внимание при создании комфортной среды обитания пожилых людей в России на основе анализа зарубежного опыта.

Ключевые слова: пожилой человек, среда жизнедеятельности, адаптация, учреждения социального обслуживания.

Устойчивое повышение качества жизни пожилых людей – одна из целей социальной политики. Развитие материальной базы среды жизнедеятельности пожилых людей направлено на обеспечение важной этической нормы – дать гражданам старшего возраста возможность свободно выбирать свой образ жизни и вести независимое существование в привычной для них обстановке, пока они желают и могут это делать.

В современной России уделяется все больше внимания развитию учреждений для пожилых людей. Строительство домов для этой категории населения расширяется, увеличивается разнообразие его архитектурных вариантов. Современные специалисты в данной области чувствуют себя гораздо свободнее своих коллег, проектировавших здания 10-15 лет назад. В их арсенале – опыт Европы и США, социальная база которых намного опередила российскую. Кроме того, для строительства домов, рассчитанных на пожилых людей, сегодня активно привлекается капитал зарубежных и отечественных инвесторов. Медицинские и социальные учреждения являются активными грантополучателями многих зарубежных фондов [1, с. 33].

При том, что отрасль активно развивается, финансирование социальной базы остается ограниченным, особенно в регионах, и перед современным архитектором стоит непростая задача: создать комфортное, хорошо технически оснащенное, вместительное жилье, затратив минимум средств. Он должен стараться соблюсти и так называемый психологический аспект, чтобы лица старшего возраста, часто одинокие, могли чувствовать себя в учреждении как дома. Необходимо учитывать массу нюансов жизнедеятельности пожилых

людей, которые всегда учитывались на Западе, но никогда в России. Представляется целесообразным учесть в отечественной практике ряд принципов, реализуемых при создании комфортной среды обитания пожилых людей за рубежом.

В Пенсильвании (США) больницы и дома для пожилых людей объединяются в одном большом помещении, где размещаются медицинский центр, кинозал, спортивно-оздоровительный комплекс, оранжерея, библиотека.

Под Питсбургом (США) практикуется заселение комплексов для лиц пожилого возраста с учетом их недугов и их объединение по этому принципу. Обустройство прилегающей территории также осуществляется в зависимости от недугов и особенностей пожилых людей, населяющих комплекс.

В Голландии в домах для престарелых людей в возрасте от 65 до 75 лет предпочитают оставаться независимыми и дистанцироваться от персонала, многие из них участвуют в социальных мероприятиях и продолжают образование. После 75 лет они должны, как правило, постоянно находиться под наблюдением врача.

Строительство домов-интернатов за рубежом часто осуществляется в черте города, вблизи парковых зон, чтобы пожилые люди не уезжали от родных далеко. Если комплексы для пожилых людей строятся в пригороде, здания группируются вокруг парков и полей для гольфа (в условиях России это могут быть небольшие лесные зоны).

В России для эффективного выполнения работ по адаптации среды жизнедеятельности и объектов социальной сферы к потребностям пожилых людей должны быть предьявлены соответствующие организационные и организационно-технические меры по существенной экономии затрат финансовых и материально-технических ресурсов при обеспечении последовательного и поэтапного завершения работ в максимально сжатые сроки.

Общим принципом адаптации среды жизнедеятельности пожилых людей может служить индивидуальный, свободный выбор места проживания и пребывания на каждом временном этапе, обусловленном возрастными нарушениями здоровья, в режиме необходимого и достаточного благоприятствования (ухода и опеки) [2, с.152].

Существующие общественные здания и сооружения (входящие в состав учреждений социальной инфраструктуры), использование которых лицами старшего возраста без целевой адаптации затруднено, подлежат реконструкции.

Основным принципом формирования архитектурной среды учреждений обслуживания, доступной для всех категорий маломобильных граждан, включая пожилых людей, является обеспечение беспрепятственного доступа к месту получения услуг (обслуживания). При этом препятствие, требующее компенсационных мероприятий, может иметь не только физическую или пространственную, но и информационную и психологическую форму, и связано, как правило, со значительной потерей времени.

Для удобства ориентации и комфортности пребывания людей старшего возраста в пределах одного объекта целевой адаптации (города, района, микрорайона, учреждения) рекомендуется использовать в информационных целях единую систему знаков, символов, маркировки, а также крупноразмерные рекламные опознавательные знаки-символы, обозначающие однотипные учреждения или предприятия либо отдельные зоны с одинаковыми или сходными функциями. Рекомендуется также применение установленных международных знаков и пиктограмм либо знаков, принятых и рекомендованных к применению на территории России.

Среду проживания пожилых людей целесообразно адаптировать путем реконструкции и модернизации, а также приспособления жилых зданий под специальные (социальные) жилые дома (специализированные жилые комплексы).

Реконструкция жилых отделений домов-интернатов (пансионатов) для пожилых людей с любой возрастной патологией направлена на повышение комфортности проживания и удобства обслуживания.

Список литературы

1. Кошарная Г.Б. Проблемы социальной защиты граждан пожилого возраста [Текст] / Г.Б. Кошарная, Е.В. Щанина // Власть. – 2006. – № 8. – С. 31-36.
2. Щанина Е.В. Организация досуга пожилых людей [Текст] / Е.В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 149-157.

ЧАСТНОЕ НАЧАЛО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Братчиков Д.А.

аспирант кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета,
Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются понятия «частное начало», «диспозитивный метод», «принцип диспозитивности». Автор полагает, что их отграничение и соотношение друг с другом будет способствовать их верному пониманию и применению.

Ключевые слова: уголовный процесс, частное начало, диспозитивность, принцип права.

Вопрос о свободе осуществления сторонами своих прав в уголовном процессе является актуальным в настоящее время. Уголовный процесс является отраслью права, где интерес публичный наиболее ярко сталкивается с интересом частным. Безусловно, уголовный процесс является отраслью публичного права. На это указывают несколько факторов, среди которых состав и способ взаимодействия субъектов правоотношения между собой, возможность выбора того или иного варианта поведения, характер последствий при нарушении нормы. Отличительной особенностью публичной отрасли права является участие государства как субъекта правоотношений, которое обладает властными полномочиями по отношению к иным субъектам, что означает наличие отношений «власти-подчинения». Таким образом, государство доминирует на этом поле, используя свои полномочия. Следовательно, основным методом, который используется в регулировании общественных отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, является публичный метод.

Под методом правового регулирования в литературе подразумевают "приемы, правила юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридического инструментария, средств юридического воздействия" [2, с.294], либо "специфический способ, при помощи которого государство на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей – участников правоотношений" [26, с.104], либо "систему специфических средств, способов, приемов и форм выражения властной воли в различных структурных элементах правовых норм, используемых при регулятивном воздействии на организуемые отношения в зависимости от их сферы, рода, вида и иных особенностей" [23, с.82].

Сказанное подтверждается также мнением ученых-процессуалистов. Так, А.А. Давлетов отмечает, что в уголовном судопроизводстве главенствует публичный метод, ибо только он способен обеспечить достижение цели – защиту общества и человека от преступных посягательств. Однако каким бы

публичным ни был уголовный процесс, в нем есть место диспозитивности. Доля диспозитивного метода зависит от уровня развития общества, от того, насколько государство может в том или ином случае выставить на первый план частный, а не общественный интерес. Таким образом, в уголовно-процессуальной деятельности действуют два метода: публичный и частный. Именно они побуждают субъектов уголовного судопроизводства избирать предоставленные им средства и применять их в заданном порядке [6, с.114-123].

Признание за публичностью статуса принципа уголовного процесса стало общепринятым в советский период. Так, М.С. Строгович подчеркивал, что "принцип публичности лежит в основе деятельности органов следствия, прокуратуры и суда" [21, с.136-141]. Рассматривали публичность в качестве принципа Н.Н. Полянский [15, с.87], П.С. Элькин [28, с.101], Т.Н. Добровольская [9, с.32], В.М. Савицкий, А.М. Ларин [2, с.221] и другие ученые-процессуалисты. [5, с.15].

Определившись с тем, что «двигателем» уголовного процесса является публичный интерес, который воплощается в публичном начале уголовного процесса, обратим внимание на то, что помимо него в уголовно-процессуальном законе существуют институты, в основе которых лежит интерес частный, а не общественный. В науке уголовного процесса авторы используют различные термины обозначая действие частного интереса в уголовном процессе: «частное начало» [6, с.120], «диспозитивное начало» [11, с.15], «диспозитивный метод» [5, с.17] и иные [24, с.15].

И.Л. Петрухин в своей статье достаточно емко дал характеристику публичности и диспозитивности: «Соотношение общественных и личных интересов, отношение государства к личности выражаются в категориях публичности и диспозитивности. Публичность – правовой принцип, в соответствии с которым должностные лица и органы государства обязаны действовать от его имени и в его интересах. В случаях коллизии интересов государства и личности отдается предпочтение первым. Диспозитивность как принцип права, наоборот, предоставляет гражданам возможность по собственному усмотрению распоряжаться своим материальным или процессуальным правом, не прибегая к содействию государства. В условиях диспозитивности личный интерес гражданина оказывается более ценным, чем конкурирующий государственный интерес» [13, с.24].

В науке уголовного процесса существует позиция, согласно которой понятия «частное начало» и «диспозитивное начало» не могут употребляться в качестве синонимов. Так, Е.А. Седаш отрицает наличие диспозитивности в чистом виде в уголовно-процессуальных отношениях, находя, что частное начало представляет собой дополнение к принципу публичности [20, с.21]. Однако, В.В. Хатуаева полагает, что использование этих терминов возможно в качестве синонимов [24, с.53].

По нашему мнению в праве термин должен четко отражать суть заложенного в него смысла. В случае если у понятия нельзя четко определить его смысловые границы, то в результате возможно смешение понятий и по-

просту путаница. Во избежание последней полагаем необходимым отграничить по смыслу несколько понятий, которые на первый взгляд являются близкими между собой по смыслу: «частный интерес», «частное начало», «диспозитивность».

Частный интерес в уголовном судопроизводстве противостоит интересу государственному и является одним из фундаментальных понятий, основой, из которой «произрастают» остальные элементы отрасли права. Несмотря на господство интереса публичного, для реализации частного интереса в сфере уголовного процесса необходимы определенные механизмы его воплощения, определяющие порядок, способ и закономерности функционирования такого механизма. В результате появляется частное начало в качестве «ответственного» элемента за реализацию частного интереса. Метод отрасли права определяется исходя из тех интересов, которые отрасль права призвана регулировать. Поскольку ключевым интересом в области уголовного судопроизводства является интерес публичный, следовательно, метод права будет определен как императивный. Метод отрасли права определяет набор инструментов, способов, которые используются для реализации назначения отрасли права. Остается идти далее и спуститься на уровень принципов. Можно утверждать, что для воплощения частного интереса используется диспозитивность в качестве принципа, то есть составной части метода. Полагаем, что соотношение метода и принципа заключается в следующем. Реализация метода отрасли права происходит путем формирования принципов отрасли права. Поскольку метод представляет собой определенный набор средств регулирования общественных отношений, то к этому набору можно отнести и принципы права. В зависимости от действующего метода в отрасли набор принципов бывает различен. К примеру, в сфере гражданского судопроизводства диспозитивность выступает в качестве полноценного принципа. Причиной тому служит действующий метод правового регулирования этой отрасли – диспозитивный.

Следует признать верной точку зрения А.С. Барабаша, который отметил, что понятие «начало» по смыслу шире, чем понятие «принцип». "Российский уголовный процесс, – пишет А.С. Барабаш, – должен строиться на публичном начале, которое никоим образом нельзя отождествлять с принципом... Публичность... это квинтэссенция сути общественных отношений, которые сложились в рамках социума под влиянием объективных факторов" [3, с.9].

Итак, мы выяснили, что категория «начало» является более масштабной и шире по смыслу чем «метод» и «принцип». Метод по отношению к принципу (имеются в виду отраслевые принципы) также является более объемным термином и имеет для последнего определяющее значение. На уровне категории «начало» можно вести речь о том, что в любой отрасли права неизбежно сталкиваются два начала – два интереса, интерес частный и интерес государственный. Доминирование одного из этих интересов серьезно влияет на метод правового регулирования. В результате воздействия метода правового регулирования на отрасль права, то есть юридических норм на общественные отношения можно выявить отдельные отраслевые закономер-

ности, особенности регулирования – принципы, которые характеризуют данную отрасль права.

Оставаясь публичной отраслью права с точки зрения способа защиты нарушенных прав потерпевшего, уголовно-процессуальный закон допускает некоторые элементы диспозитивности как в части выбора средств защиты, так и в части реализации сторонами их процессуальных прав [24, с.53].

Исходя из сказанного, можно с уверенностью отметить, что публичность присутствует в уголовном судопроизводстве в качестве принципа, который хоть и не закреплен среди таковых, но принципом признается и является. А вопрос о том, чем является диспозитивность в уголовном процессе, до сих пор не имеет однозначного ответа. В литературе на этот счет существует несколько точек зрения. Одни авторы полагают, что диспозитивность можно закрепить в качестве принципа [27, с.57]. Другие авторы полагают, что диспозитивность является лишь началом (имеется в виду, что диспозитивность только начинает «набирать силу» и оформляться в качестве принципа). Сюда же можно отнести и тех авторов, которые полагают, что диспозитивность присутствует в качестве элементов, то есть отдельных, не связанных между собой частей [13, с.24].

Диспозитивность является общеправовой категорией, которая свойственна всем отраслям права, как публичным, так и частным [27, с.21]. Юридический объем диспозитивности не может быть одинаковым в разных отраслях права, в каждой из отраслей «он наполняется своим специфическим содержанием, которое адекватно предмету правового регулирования данной отрасли» [10, с.43]. Диспозитивность как юридически обеспеченная возможность свободной реализации правообладателем принадлежащего ему субъективного права характерна не только для субъективных прав имеющих частно-правовую природу, но и для субъективных прав с публично-правовой и смешанной природой [14, с.54,303]. М.С. Строгович определял диспозитивность как свободу распоряжения материальными и процессуальными правами и средствами их защиты участниками, имеющими в деле материально-правовой или процессуальный интерес, которые могут пользоваться этой свободой в целях возникновения, движения или прекращения процесса [21, с.89-90]. Из приведенных мнений становится ясно, что ученые правоведы признают наличие диспозитивности не только в отраслях частного права, но также и в отраслях публичного права.

Следует согласиться с утверждением Красавчикова О.А. о том, что диспозитивность может наполняться своим содержанием в каждой отрасли права. Отсюда следует вывод, что диспозитивность может выступать в различных воплощениях в отдельно взятой отрасли права. Таким образом, можно говорить о диспозитивности, имея в виду, во-первых, метод правового регулирования, но можно переместиться на уровень принципов права и говорить о диспозитивности в смысле действующего принципа в отдельно взятой отрасли.

В отношении действия диспозитивности в уголовном судопроизводстве ученые процессуалисты высказывается более сдержанно, Так Петрухин И.Л.

применяет слово «элементы» [13, с.25], А.А. Давлетов говоря о диспозитивности также не использует слово принцип [6, с.116]. Рябцева Е.В. употребляет словосочетание «диспозитивное начало» [18, с.223]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что ученые не усматривают объем действия диспозитивности в качестве принципа уголовного процесса, поскольку применяется она достаточно избирательно. Бесспорно, что в уголовно-процессуальном законе присутствуют элементы диспозитивности, однако, существуют ли основания именовать их принципом?

Например, С.С. Алексеев под принципами права понимает выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его создание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни [2, с.183]. Принципы (от лат. *principium* – основа, начало) – 1) основные, исходные положения какой-либо теории, основные правила деятельности [17].

Обратимся к мнению ученых процессуалистов в отношении понятия «принцип процесса». М.С. Строгович считает, что принцип процесса есть норма общего и определяющего характера, получающая конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах [21, с.124]. Принципами уголовного процесса, пишет Д.С. Штоль, являются закрепленные в нормах права основные руководящие положения, определяющие сущность и назначение уголовного процесса, построение его стадий, направленность на достижение стоящих перед ним целей и задач [27, с.58]. А.С. Александров полагает, что принцип уголовного процесса представляет собой основные общие положения, руководящие идеи, независимо от их законодательного закрепления [1, с.86]. Добровольская Т.Н. указывает, что принцип – это общая норма, получающая конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах [9, с.9].

Штоль Д.С. выделяет следующие признаки принципа: во-первых, принцип имеет значение для всего уголовного судопроизводства; во-вторых, действие принципа проявляется во всех стадиях уголовного процесса; в-третьих, принцип входит в систему принципов отрасли права; в-четвертых, принцип обладает самостоятельностью, то есть не пересекается содержательно с иными принципами [27, с.58]. Хатуаева В.В. отмечает, что достаточно часто в исследованиях, посвященных проблеме принципов уголовного процесса, понятия «начало» и «принцип», рассматриваются как общее и частное [24, с.115].

Диспозитивность способна существенно влиять на динамику уголовного процесса, следовательно, можно утверждать, что этот признак принципа присущ диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Что касается нормативного закрепления стоит отметить, что УПК РФ прямо не закрепляет не только принцип диспозитивности, но и принцип публичности. Однако это не дает основания полагать, что принцип публичности отсутствует в уголовном процессе. Содержательно принцип диспозитивности не соприкасается с иными принципами уголовного судопроизводства. Следует согласиться с мнением А.Г. Плешанова в том, что принцип права определяет общий характер и функциональный настрой права. На наш взгляд именно этот признак

может служить достаточным основанием для признания определенного свойства отрасли права ее принципом.

Интересной позиции придерживается С.С. Пономаренко, говоря о том, что диспозитивность имеет место лишь на этапе появления состязательности в уголовном процессе. Он отмечает, что в полной мере это свойство уголовного судопроизводства начинает действовать лишь на судебных стадиях. Далее указанный автор приходит к выводу, что диспозитивность не является в чистом виде принципом российского уголовного судопроизводства, а общепроцессуальный характер носит принцип сочетания публичности и диспозитивности [16, с.39].

Подводя итог, необходимо отметить, что частное начало в уголовном процессе, воплощается в принципе диспозитивности уголовного судопроизводства. А принцип диспозитивности, действуя в виде уголовно-процессуальных норм определенных этапах уголовного процесса, обретает форму компромисса в конкретных процессуальных институтах. Принцип диспозитивности действует в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях достаточно ограниченно, однако сфера действия этого принципа на последующих стадиях существенно расширяется. Диспозитивность выступает в качестве механизма, отвечающего за реализацию частного интереса в уголовно-процессуальных отношениях.

В подтверждение своей позиции приведем мнение В.П. Божьева, который отмечает: «Безусловно, что диспозитивность действует в рамках уголовного судопроизводства локально, избирательно, причем только в тех случаях, когда это оговорено специальной правовой нормой и только в пределах допустимых законом» [4, с.22]. Важно отметить, что «не реализацию участником уголовного судопроизводства диспозитивного права при производстве по конкретному уголовному делу, а само существование такого права следует считать формой проявления диспозитивности...объем и содержание диспозитивности в уголовном процессе не зависит от того, было ли реализовано то или иное диспозитивное право.» [8, с.81-82].

Еще одним аргументом, позволяющим поставить диспозитивность в число принципов уголовного судопроизводства является степень высокая влияния на возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений [27, с.67]. Диспозитивность по делам частного обвинения имеет такое же значение, что и публичность по делам частно-публичного и публичного обвинения, это дает основание для признания диспозитивности принципом уголовно-процессуального права [8, с.108].

Заканчивая рассмотрение вопроса о сфере действия частного начала в уголовном процессе, в частности, действия принципа диспозитивности необходимо подвести некоторые итоги.

Во-первых, частное начало, наряду с публичным началом, является движущей силой уголовного процесса. Диспозитивность как одно из проявлений частного начала существует в уголовном процессе и оказывает существенное влияние на его динамику (возникновение, изменение, прекращение правоотношений).

Во-вторых, диспозитивность является принципом уголовного процесса, отвечает за реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве. Совокупность проявления диспозитивных элементов носит взаимосвязанных и системный характер. Принцип диспозитивности входит в систему принципов уголовного процесса, несмотря на то, что не закреплён нормативно. Этот принцип содержательно самостоятелен, системно действует на всех стадиях уголовного процесса, органично взаимодействует с другими принципами уголовного процесса.

В-третьих, сфера действия диспозитивности с развитием УПК РФ постепенно расширяется. Это прослеживается не только в сфере так называемых «компромиссных» производств, но и в иных правах участников уголовного судопроизводства. Смешанный тип уголовного процесса предполагает различную степень влияния диспозитивности на стадии уголовного процесса.

В-четвертых, диспозитивность может служить для реализации и защиты только личного (или представляемого) интереса участника уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного, представляется верным определить принцип диспозитивности как возможность участников уголовного судопроизводства, имеющих в деле личный или представляемый интерес использовать материальные и процессуальные права с целью защиты своих интересов. Соответствующие государственные органы обязаны содействовать участникам уголовного судопроизводства для реализации их законных личных или представляемых интересов в случаях прямо указанных в законе.

Список литературы

1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 1997.
2. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М.: 1999. – С.183.
3. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009.
4. Божьев В.П. Применение норм уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел частного обвинения. / Советская юстиция. 1992. № 15-16.
5. Бояринцев В.Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987;
6. Давлетов А.А. Системообразующие элементы уголовного судопроизводства / Российский юридический журнал. 2012. N 5.
7. Давлетов А.А. Барабаш А.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве / Российский юридический журнал. 2011. N 4.
8. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Дисс.канд.юрид.наук. Волгоград, 2004.
9. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики М., 1971.
10. Красавчиков О.А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании. / Советское государство и право. 1970. № 1.
11. Муравьев К.В. Расширение диспозитивных начал по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики // Российский следователь. 2013. N 8.
12. Названова Л.А. О соотношении принципов социалистической законности и публичности в советском уголовном судопроизводстве / Правоведение. 1990. N 2.

13. Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / Российская юстиция. 1999. N 3.
14. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М., 2002.
15. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956;
16. Пономаренко С.С. Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве. Дисс.канд.юрид.наук. Оренбург. 2002.
17. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. "Современный экономический словарь" (ИНФРА-М, 2006). СПС «КонсультантПлюс».
18. Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. N 5.
19. Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. М., 1999.
20. Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном процессе: дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 2001.
21. Строгович. М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1 М., 1968.
22. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса. М., 1983.
23. Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003.
24. Хатуаева В.В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве : дисс. д.ю.н. М., 2006.
25. Химичева Г.П. Принципы уголовного процесса. М., 1992 и др.
26. Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права. М., 1963.
27. Штоль Д.С. Диспозитивность и её отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации дисс. к.ю.н. Челябинск. 2009.
28. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНФЛИКТУ ИНТЕРЕСОВ

Бунегин А.К.

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
Россия, г. Новосибирск

В статье рассматривается понятие конфликта интересов государственной службы и коммерческой деятельности. Несмотря на внимание, уделенное проблеме конфликта интересов в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» данный закон содержит немало предпосылок способствующих ему.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, предпринимательская деятельность, государственный служащий.

Статья 7 Конвенции ООН против коррупции в качестве меры по предупреждению коррупции рекомендует государствам-участникам создавать, поддерживать и укреплять такие системы, которые способствуют прозрачности и предупреждают возникновение коллизии интересов [2, с. 46].

Некоторые российские ученые уверены, что для предотвращения коррупции в системе государственных органов власти законодательство должно руководствоваться двумя основополагающими правилами:

1) государственные органы и органы местного самоуправления не должны получать доход или извлекать для себя иную выгоду из осуществления властных полномочий;

2) они также не должны осуществлять наряду с властными полномочиями какую-либо иную деятельность, направленную на извлечение для себя дохода или получение иной выгоды [3, с. 55].

Если первого можно достичь противодействуя коррупции в целом, то второго необходимо добиваться противодействуя незаконному участию должностных лиц в предпринимательской деятельности. Совершению этого преступления всегда предшествует конфликт интересов государственной службы и коммерческой деятельности, часто провоцируемый существующими правовыми актами, либо их отсутствием.

В национальном праве конфликт интересов в упомянутом смысле нашел отражение в Федеральном законе от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Несмотря на внимание, уделенное проблеме конфликта интересов в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» данный закон содержит немало предпосылок способствующих ему, которые также не были урегулированы Федеральным законом «О противодействии коррупции».

Так, в статье 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержится запрет гражданскому служащему участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом и осуществлять предпринимательскую деятельность. Подчеркивая, что служащему запрещено участвовать лишь на платной основе закон разрешает подобное участие бесплатно. Доказать участие служащего работающего за плату достаточно сложно, да и вряд ли организация и сам служащий будут оформлять свои отношения официально, основываясь на трудовом законодательстве.

Думается, что кандидаты, претендующие на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы при приеме на работу должны быть письменно предупреждены о запрете осуществлять предпринимательскую деятельность и об ответственности за эти деяния. В случае «обнаружения фактов незаконного участия в предпринимательской деятельности подобное предупреждение, подписанное лицом, будет служить доказательством прямого умысла виновного на совершение преступления, предусмотренного статьей 289 УК РФ» [1, с. 24].

Статьи 13 и 14 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусматривают возможность административной ответственности физических и юридических лиц за коррупционные правонарушения, в свою очередь Кодекс об административных правонарушениях давно нуждается в выделении составов правонарушений «против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления» или «кор-

рупционные правонарушения», предусматривающих ответственность юридических и физических лиц, совершающих или причастных к совершению коррупционных правонарушений, таких как нарушение законодательного запрета осуществлять предпринимательскую деятельность. Санкции за подобные деяния должны соответствовать опасности коррупции, например, высокие штрафы, конфискация имущества или ликвидации (для юридических лиц).

Список литературы

1. Верченко, Н.И. Незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности [Текст] / Н.И. Верченко. – М., Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
2. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский. – М., 2004. – 639 с.
3. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного участия в предпринимательской деятельности [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Верченко. – Омск, 2011. – 239 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Зверьянская Л.П.

стажер адвоката Эхирит-Булагатского филиала
Иркутской Областной Коллегии Адвокатов,
Россия, г. Иркутск

Ежегодно наши граждане теряют миллионы рублей из-за мошенничеств в сфере дистанционного банковского обслуживания, поэтому исследование данной проблематики является актуальной задачей теории и практики. В статье исследуются криминалистические особенности кибермошенничеств в сфере дистанционного банковского обслуживания, как одного из самого распространенных видов киберпреступлений.

Ключевые слова: интернет, киберпространство, мошенничество, компьютерные преступления, киберпреступления, финансы, криминалистическая характеристика

При исследовании криминалистических особенностей кибермошенничеств в сфере дистанционного банковского обслуживания можно выделить ряд проблемных вопросов:

- высокая латентность;
- специфическое орудие преступлений;
- специфические способы совершения преступлений;
- личность преступника;
- специфическая следовая картина;
- сложность расследования и раскрытия компьютерных преступлений;
- отсутствие обобщенной судебной и следственной практики по делам данной категории.

Высокая латентность данного вида преступлений, обуславливается следующими обстоятельствами:

Владелец счета не знает о пропаже денежных средств;

Владелец счета не всегда заявляет о пропаже денежных средств, ввиду того, что не сразу заметил пропажу денежных средств и прошло большое количество времени;

Банки столкнувшись с кибермошенничеством не обращаются в органы, боясь за репутацию и потерю клиентов.

Орудиями хищения денежных средств в сфере дистанционного банковского обслуживания являются компьютеры, компьютерные программы, специально созданные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (вирусы, троянские программы), банковские бот-сети и т.п.

На сегодняшний день специалистами компании Group-IB выявлены семь типичных способов хищения денежных средств в системах дистанционного-банковского обслуживания. Все способы связаны с использованием вирусов (троянских программ), устанавливаемых несанкционированным путем на персональном компьютере или на телефоне жертвы. Рассмотрим самые распространенные:

Способ – запуск троянской программы на компьютере потерпевшего. Используется для хищений денежных средств и информации;

Способ – запуск троянской программы на компьютере потерпевшего и использование фишингового сайта. Основная задача вируса является перенаправление пользовательских запросов при доступе к сайтам банка на сайт преступников.

Способ – запуск троянской программы на компьютере потерпевшего и мобильном телефоне. Вирус используется для получения SMS-кодов для подтверждения доступа в систему банковских операций и транзакций.

Систематизация способов совершения компьютерных преступлений позволяет сохранять устойчивость классификаций при появлении новых и модификации существующих способов совершения преступлений, так как любая система преступных действий укладывается в нее [1, с.371].

Характеризуя личность преступника, следует отметить, что для совершения данного преступления необходимо создание группы. В связи с этим лицо, замыслившее совершение хищения, организует создание такой преступной группы и налаживает взаимодействие между отдельными ее участниками. Центральными участниками такой преступной группы являются хакеры.

Данный вид преступления оставляет специфическую следовую картину: на месте происшествия можно обнаружить как «традиционные» следы, так и компьютерные следы (виртуальные, компьютерно-технические следы), остающиеся в памяти электронных устройств. Под виртуальными следами понимают следы совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном про-

странстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей [7, с.47]. Изъятие и изучение виртуальных следов невозможно без специалиста, обладающего знаниями в сфере информационных технологий.

Очень часто практике возникают случаи, когда следователи, не обладая необходимыми знаниями уничтожали важную для дела информацию. В связи с существует необходимость привлечения специалиста или эксперта в сфере компьютерных технологий.

По делам о кибермошенничествах в сфере дистанционного банковского отсутствует обобщенная судебная и следственная практика по делам данной категории. Для решения данной проблемы представляется возможность перенять опыт стран, которые уже давно столкнулись с данным видом преступлений.

Список литературы

1. Баулин В.В., Волков Д., Баранов В.В., Рыжков А.А. Методы совершения хищений денежных средств через системы дистанционного банковского обслуживания // Сборник трудов XXIII Всероссийской конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». М., 2014. С. 363-371.

2. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике/ А.Б. Смушкин// Законность- 2012- N 8-С.43-45

ВИДЫ И ФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Иванников А.И.

студент V курса юридического факультета Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Целью настоящей работы является сопоставление и анализ литературы по вопросу гражданско-правовой ответственности, соотнесение видов и формы гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, виды гражданско-правовой ответственности, формы гражданско-правовой ответственности.

Сколько существует социальных норм, столько и видов социальной ответственности. За нарушение правовых норм устанавливается юридическая ответственность. Поскольку есть разные виды правовых норм, постольку есть и разные виды юридической ответственности. В международном публичном праве существуют два вида международно-правовой ответственности – политическая и материальная [1; с.619]. В юридической науке вызывает дискуссии попытка определить отраслевые виды юридической ответственности.

Так, В.П. Грибанов отмечал, что определить уголовно-правовую ответственность намного легче, чем гражданско-правовую. Это связано с большей сферой регулирования общественных отношений гражданским правом, чем уголовным. По его мнению, гражданско-правовая ответственность – это не

единственная, а одна из многих «средств защиты гражданских прав и воздействия на нарушителей обязанностей» [2; с.299].

В характеристике видов гражданско-правовой ответственности в литературе по гражданскому праву нет единства мнений. Наступающая ответственность как следствие нарушения определённых гражданско-правовых норм, одними авторами называется формами ответственности, другими видами ответственности. Являются ли эти термины синонимами, или же за ними стоит действительное отличие в характеристике последствий нарушения гражданско-правовых норм? Прежде, чем ответить на этот вопрос, надо заметить, что Е.А. Суханов вообще избегает употребления терминов вид и форма, а предпочитает писать о мерах ответственности (санкциях). Различают ли эти термины по своему действительному содержанию? Если да, то каким образом? Так, одни авторы считают, что можно выделить договорную и внедоговорную ответственность по основаниям, а при распределении ответственности нескольких лиц выделяют долевую, солидарную и субсидиарную [3; с.420]. Совершенно иные виды гражданско – правовой ответственности выделяет А.А. Лукьянцев. То, что М.М. Рассолов и другие считают формами, А.А. Лукьянцев называет видами гражданско-правовой ответственности: возмещение убытков, взыскание неустойки (пени, штрафа), взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами (ч. 1 ст. 395 ГК РФ) и другие. В более поздней работе А.А. Лукьянцев даёт определение видам гражданско-правовой ответственности отождествляя их с понятием тип. Определение буквально следующее: «Видами (типами) гражданско-правовой ответственности являются ее разновидности в зависимости от договорного или внедоговорного характера, от круга ответственных лиц и от размера ГПО» [4; с.384].

Классификация видов гражданско-правовой ответственности проведена по двум основаниям:

1) По договорной или внедоговорной природе выделено 3 вида (договорная, внедоговорная и ответственность за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ);

2) По кругу ответственных лиц выделено 8 видов (обычная, долевая, субсидиарная, солидарная, регрессивная (п.1 ст. 365 ГК РФ), субрагационная (ст. 965 ГК РФ), прямая, ответственность третьих лиц) [4; с.384].

Итак, виды гражданско-правовой ответственности отражают специфику, возлагаемых на правонарушителя лишений. В литературе они иногда отождествляются с типами (А.А. Лукьянцев), а иногда именуется формами (учебник под редакцией М.М. Рассолова и др.).

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский считают, что социальная ответственность едина, но имеет две формы реализации – добровольную и принудительную. При добровольной субъект следует предписаниям социальных норм в своём правомерном поведении, а принудительная выражается «в обязанности нарушителя социальных норм подвергнуться определённым мерам общественного и (или) государственного принуждения, понести неблагоприятные последствия и реализации этих последствий» [5; с.22].

В гражданском праве слово «форма» употребляется очень часто и широко. В различных аспектах употребляется это слово когда речь идёт о гражданско-правовой ответственности. Рассуждает об ответственности за неисполнение организационного договора «в форме санкций (мер ответственности)» Е.Б. Подгузова [6; с.24]. По вопросу форм гражданско-правовой ответственности в литературе уже на протяжении многих лет нет единой позиции. Например, В.П. Грибанов вообще не использует термина формы гражданско-правовой ответственности, а пишет только о её видах и размере [7; с.82]. Не выделяет форм гражданско-правовой ответственности и Е.А. Суханов. Учитывая то, что они оба являются представителями школы гражданского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, то можно говорить о их приверженности к определенной правовой доктрине. Как уже было отмечено, в литературе дается определение формы гражданско-правовой ответственности, которое тождественно по содержанию с видами гражданско-правовой ответственности в монографии А.А. Лукьянцева. Формой гражданско-правовой ответственности авторы вышеупомянутого учебника называют способ «...выражения тех дополнительных обременений, которые возлагаются на правонарушителя» [3; с.418]. Формами ответственности называются возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ), уплаты неустойки (ст. 330 ГК РФ), потери задатка и другие. Основной формой гражданско-правовой ответственности авторы данного учебника считают убытки, а «другие формы ответственности применяются лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором для конкретного правонарушения, поэтому их называют специальными мера» [3; с.418-419]. Выходит, что есть просто формы гражданско-правовой ответственности, а среди них еще одна рубрика, – специальные меры.

В науке выделяют следующие формы ответственности: договорную, внедоговорную и по кругу ответственных лиц.

Договорная гражданско-правовая ответственность, как это следует из ее названия, возникает из договора. Можно выделить и еще одну разновидность договорной гражданско-правовой ответственности – ответственность за неисполнение организационного договора. Это преддоговорная ответственность, которая возникает за необоснованный отказ от заключения договора. Санкциями за данное правонарушение являются: понуждение к заключению основного договора, взыскание убытков и уплата договорной неустойки. В соответствии с п. 5 ст. 429 ГК РФ и п.4 ст. 445 ГК РФ необоснованно уклоняющаяся от заключения основного договора сторона, по иску в суд другой стороны, должна возместить причинённые этим убытки. Е.Б. Подгузова считает, что «в качестве самостоятельной формы ответственности за неисполнение организационного договора возможно применить взыскание убытков, а также уплату неустойки» [6; с.26].

Внедоговорная ответственность. Внедоговорная ответственность всегда состоит лишь в возмещении причиненного вреда, тогда как договорная ответственность включает в себя как ответственность в форме возмещения убытков, так и ответственность в форме взыскания с правонарушителя не-

устойки (пени, штрафа). В связи с этим при разрешении вопросов, связанных с договорной ответственностью, особое значение приобретает вопрос о соотношении этих форм ответственности, т.е. соотношение неустойки (пени, штрафа) с убытками. В.П. Грибанов отмечал, что «внедоговорная ответственность возникает непосредственно из закона. Причинение вреда, согласно закону прямо предусматривает обязанность причинителя возместить вред в полном объеме. Ответственность носит здесь императивный характер, и соглашения сторон на этот счет не требуется» [7; с.347]. *Гражданско-правовая ответственность по кругу ответственных лиц.* «Самым простым и самым распространенным случаем выступает такая форма ГПО, которую можно назвать *прямой* или *непосредственной* и которая характеризуется отсутствием множественности лиц на стороне должника, т.е. в обязательстве наличествует один должник, на котором и лежат все обязанности по данному обязательству и, соответственно, на которого падает вся ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) данного обязательства» [4; с.248]. А.А. Лукьянцев отмечает, что «при *долевой* ответственности каждый из содолжников обязан нести ответственность в той доле, которая согласно закону или договору падает на него. Доли эти могут быть равными или неравными, но они всегда определены» [4; с.249].

В тех случаях, когда из договора или дополнительного соглашения между должниками не явствует, что доли не равны, они обязаны нести ответственность в равных долях» [7; с.350].

При *солидарной* ответственности (ч. 2 ст. 322 ГК РФ) содолжники несут ответственность вместе, солидарно. Кредитор здесь вправе привлечь к ответственности любого из ответчиков как в полном объеме, так и в любой ее части (п. 1 ст. 323 ГК РФ).

Если за неисполнение либо ненадлежащее (например, неполное и (или) несвоевременное) исполнение обязательства должником *частично* отвечает (отчасти виноват в нем) кредитор, то налицо *смешанная* ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства должника и кредитора, которая практически выливается в *понижение уровня (в том числе размера)* ответственности должника. Если же кредитор *сам и только он один* виноват в полном или частичном неисполнении обязательства (например, заказчик не представил подрядчику стройматериалы для сооружения дома, хотя по договору обязан был это сделать), то ГПО у должника вообще *не возникает*.

Итак, формы гражданско-правовой ответственности, отражая конкретное лишение претерпеваемое правонарушителем, используется в литературе гражданского права достаточно произвольно. Формами гражданско-правовой ответственности правильно считать добровольную и принудительную. Виды и формы гражданско-правовой ответственности в российском праве еще не имеют общепризнанной классификации. У одних авторов видами назван такой перечень, который у других назван формами гражданско-правовой ответственности и наоборот. В целях единства мнений следует вообще отказаться от термина формы наказания. Виды гражданско-правовой ответственности

ности отражают специфику, возлагаемых на правонарушителя лишений. Они в литературе иногда отождествляются с типами (А.А. Лукьянцев), а иногда именуется формами (учебник под редакцией М.М. Рассолова и др.). Термин «формы гражданско-правовой ответственности», отражая конкретное лишение претерпеваемое правонарушителем, используется в литературе по гражданскому праву достаточно произвольно. Традиционно формами гражданско-правовой ответственности называют договорную, внедоговорную и по кругу ответственных лиц.

Список литературы

1. Бекашев К.А. Виды и формы международно-правовой ответственности // Международное публичное право. Учебник. Отв. ред. К.А. Бекашев. – 2-е изд., переаб и доп. – М., 2003.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Издание 2-е., стереотипное. – М. : Статут. 2001.
3. Гражданское право. Учебник. Четвёртое издание, переработанное и дополненное. Под ред. М.М. Рассолова, О.Ю. Ильиной, А.Н. Кузбагарова. – М. 2014.
4. Лукьянцев А.А. Ответственность субъектов предпринимательского права // Предпринимательское (хозяйственное) право. Учебник под ред С.А. Зинченко и Г.И. Колесника. – М. : Академ–Центр. 2010.
5. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – СПб., 2007.
6. Подгузова Е.Б. Ответственность за неисполнение организационного договора. // Гражданское право. 2014. № 2.
7. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. – М.: Знание. 1973.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ АВТОРАМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игнатушина М.В.

научный сотрудник кафедры юридических и социально-политических наук
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
Россия, г. Новосибирск

В статье обозначена проблема недостаточного законодательного урегулирования вопроса материальной мотивации авторов результатов интеллектуальной деятельности. Унификация правового пространства в вопросе установления вознаграждений авторам за изобретения будет способствовать стимулированию научно-технического творчества и изобретательства.

Ключевые слова: вознаграждение, изобретение, мотивация автора.

В настоящее время «весьма важными являются активизация института изобретательства и рационализаторства, поскольку интеллектуальный продукт – один из важнейших элементов национального богатства любого государства» [1, 23].

Одной из наиболее важных проблем индустрии авторских прав является проблема мотивации авторов изобретений к созданию конкурентоспособных преимуществ. Указанная проблема выражается, в том числе, в вопросе определения размера вознаграждения авторов изобретений.

В частности, законодательство о вознаграждении имеет значительные пробелы и выражено в основном в нормах закона «Об изобретениях СССР». Существующая судебная практика демонстрирует двойкий подход в определении размера вознаграждения (с ссылками на законы СССР, либо без таковых).

Обоснованием этому, с одной стороны, служит тот факт, что при введении в 1992 году Патентного закона Верховный Совет обязал «определить порядок применения указанных положений с учетом законодательных актов Российской Федерации [2, 9].

С другой стороны, Постановлением от 14 августа 1993 г. N 822 Правительство РФ – Совет министров разъяснило «Автор изобретения, промышленного образца, патент на которые выдан работодателю или его правопреемнику, имеет право на вознаграждение в размере и на условиях, определяемых соглашением с патентообладателем. При недостижении соглашения применяются положения пунктов 1, 3 и 5 статьи 32 Закона СССР "Об изобретениях в СССР" [3, 7].

Однако, некоторая судебная практика показывает, что к фразе «при недостижении соглашения относительно вознаграждения» суды прибегают не только в случае отсутствия письменного договора, но и при обращении работника с требованиями о взыскании больших сумм вознаграждения, нежели обозначены в договоре и являющихся ниже минимальных исходя из смысла закона СССР. При таких обращениях Суды признают договор ничтожным как значительно ущемляющим интересы работника по сравнению с действующим законодательством и взыскивают согласно минимальных ставок СССР (Определение Кемеровского областного суда от 23.10.2012 N 33-10453,).

Проблематика определения размера на изобретения проявляется, кроме того, в различном толковании правоприменителем Закона СССР об изобретениях

В частности, согласно пункту первому ст. 32 Закона СССР от 31.05.1991 N 2213-1 «Вознаграждение за использование изобретения выплачивается автору в размере не менее 15 процентов прибыли, ежегодно получаемой патентообладателем от его использования...» [5, 9].

При этом Правоприменитель по-разному подходит к пониманию самого понятия прибыли исходя из сути конкретного результата интеллектуальной деятельности и его полезности. Так, в Постановлении ФАС Уральского округа от 09.08.2011 N Ф09-9768/10 по делу N А71-11180/2009 прибыль определена через снижения нормы производственных затрат, в Кассационном определении Кировского областного суда от 26.05.2011 по делу N 33-1761 суд почитал правильным вариант исчисления прибыли по снижению периодичности затрат на капитальные вложения в основные средства

Таким образом, анализируя действующее законодательство имеет значительные пробелы в рассматриваемом вопросе.

Унификация правового пространства в вопросе установления вознаграждений авторам за изобретения будет способствовать стимулированию научно-технического творчества и изобретательства как факторов, определяющих конкурентоспособность и эффективность российского бизнеса.

Список литературы

1. Ершова Н.И. Правовая охрана и коммерциализация инноваций как служебных объектов интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. N 9.
2. Постановление ВС РФ от 23.09.1992 N 3518-1 "О введении в действие Патентного закона Российской Федерации"// "Российская газета", N 225, 14.10.1992.
3. Постановление Правительства РФ от 14.08.1993 N 822 "О порядке применения на территории Российской Федерации некоторых положений законодательства бывшего СССР об изобретениях и промышленных образцах"// "Собрание актов Президента и Правительства РФ", 23.08.1993, N 34.
4. Постановление Правительства РФ от 12.07.1993 N 648 "О порядке использования изобретений и промышленных образцов, охраняемых действующими на территории Российской Федерации авторскими свидетельствами на изобретение и свидетельствами на промышленный образец, и выплаты их авторам вознаграждения"// "Собрание актов Президента и Правительства РФ", 19.07.1993, N 29.
5. Закон СССР от 31.05.1991 N 2213-1 "Об изобретениях в СССР"// "Ведомости СНД СССР и ВС СССР", 19.06.1991, N 25, ст. 703.

СЛЕДЫ РУК В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Карданов Р.Р.

заместитель начальника кафедры действия ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, канд. юрид. наук, Россия, г. Нальчик

Несмотря на многочисленные усилия правоохранительных органов, на протяжении нескольких лет кражи составляют львиную долю совершенных в стране преступлений. При этом, следы рук, оставленные на месте происшествия, порой, являются одним из самых важных средств успешного раскрытия и расследования преступления. В статье детально раскрыта роль следов рук в системе криминалистики, способы и особенности их обнаружения. Также обозначены некоторые перспективные направления развития методов и средств поиска следов рук.

Ключевые слова: трасология, следы рук, криминалистика, преступление, судебная экспертиза, доказательство, эксперт, место происшествия.

Одним из основных первоначальных следственных действий, наиболее часто применяемых при расследовании и раскрытии преступления, является осмотр места происшествия [2, с. 239]. Его основными задачами является установление, фиксация и детальное исследование обстановки места проис-

шествия, обнаружение, фиксация и последующее изъятие следов преступников, а также иных фактических данных, в совокупности с другими доказательствами позволяющих восстановить картину происшествия, механизм совершения и другие обстоятельства события. В зависимости от качества проведенного осмотра места происшествия можно с высокой степенью точности воспроизвести картину происшедшего события [4, с. 84].

Независимо от вида преступления, при его совершении остаются разного рода следы. В криминалистике существует несколько значений слова «след». Так, в его широком значении охватываются различные изменения окружающей обстановки или внешнего вида предметов, образующиеся в результате действий преступника. К следам в узком, специальном значении относятся материально-фиксированные отображения признаков внешнего строения одних объектов на других [1, с. 206]. Таковыми могут быть следы рук, ног, обуви, транспортных средств, зубов и так далее. Обнаруженные в процессе осмотра места происшествия материальные следы, порой, являются одним из самых важных средств успешного раскрытия и расследования преступления, установления лица, его совершившего, а также выяснения всех обстоятельств в процессе судебного заседания [3, с. 23].

По статистике, львиная доля зарегистрированных преступлений на территории России, совершается скрытно. Так, по данным МВД России в январе-декабре 2014 года из всех зарегистрированных преступлений около половины (более 45%) – хищения чужого имущества. По способу совершения они подразделяются на совершенные путем: кражи – 891,9 тысяч, грабежа – 76,2 тысяч, разбоя – 14,2 тысяч. Здесь же необходимо отметить, что из большая часть из них были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [7].

По причине скрытого характера их совершения на первоначальном этапе производства предварительного расследования лица, их совершившие, остаются не установленными, существенные обстоятельства подлежащие доказыванию по уголовному делу – невыясненными. По этой причине особо важное значение занимает детальная всесторонняя работа со следами рук на месте происшествия, которые занимают первое место в группе следов – изымаемых в ходе осмотра. Это объясняется тем, что в процессе подготовки к осуществлению преступного замысла, а также непосредственно во время совершения преступления, преступники чаще всего трогают руками различные преграды (двери, окна), их части (замки, ручки) и непосредственно предметы обстановки. В трасологии изучением строения кожных узоров пальцев и ладоней рук с целью их использования для идентификации человека, розыска, регистрации преступников, решения других задач занимается специальная отрасль криминалистики, называемая дактилоскопией [6, с. 100].

Говоря о способах обнаружения следов рук, следует отметить, что поиск необходимо осуществлять с учетом всех особенностей обстановки, характера и последовательности действий преступника. Существует следующая классификация пальцевых следов: следы касания, следы захвата, следы нажима. Следы касания в большинстве случаев слабо выражены, так как

оставляются случайно или при ощупывании предмета. Нередко в таких следах не отображается центральная часть папиллярного узора, так как прикосновение осуществляется верхней частью ногтевых фаланг. Следы захвата отражают хватательные действия рук, обуславливающие раздельное прилегание большого пальца с одной стороны и остальных пальцев с противоположной стороны. Варианты расположения различных пальцев при захвате зависят от конфигурации, веса и других признаков предмета, а также его назначения. Следы нажима образуются давящим (нажимным) воздействием ладонной поверхностью руки человека и являются следствием целенаправленного действия. Данные следы наиболее часто возникают при перемещении громоздких предметов, при выдавливании стекла, на филенках дверей при ее отжиме и т.д. Бесцветные слабовидимые пальцевые отпечатки обнаруживаются при рассмотрении предмета и его поверхностей под различным углом зрения и при различных условиях освещения, а прозрачные предметы рассматриваются на просвет.

Далее, раскрывая вопрос обнаружения следов рук, необходимо обозначить, что в практической деятельности с положительной стороны зарекомендовали себя порошки. Это обусловлено их дешевизной, простотой применения, достаточной эффективностью и практичностью. Однако, существует ряд требований, соблюдение которых позволит повысить эффективность выявления следов рук. Так, например, в процессе выявления следов порошками нельзя подвергать обработке предметы, поверхность которых увлажнена, покрыта жиром, свежей краской и другими аналогичными веществами. Кроме этого, не следует применять магнитные порошки на металлических поверхностях. Еще одним из условий использования порошков является условие контрастности цвета. На белой поверхности следует работать порошком черного цвета, и наоборот: на черной поверхности – белый порошок.

Одним из перспективных направлений развития порошков, используемых для выявления следов рук, на сегодняшний день является применение нанопорошков – получаемых путем механического измельчения стандартных дактилоскопических порошков «Опал» и «Антрацит» с использованием микромельницы.

В процессе экспериментального использования нанопорошков, было установлено, что они выявляли следы несколько эффективнее (особенно «старые» следы) [5, с. 256-259].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что использование передовых методов и новых образцов техники в процессе поиска, фиксации, изъятия и дальнейшего исследования следов рук, является залогом успешного раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: учеб. для вузов. / Р.С. Белкин; под ред. проф. Р.С. Белкина. – М.: Норма-Инфа, 2001.
2. Бураева, Л.А. Тактические особенности производства осмотра места происшествия по делам о хищениях с использованием кредитных и расчетных карт / Л.А. Бураева // В сборнике: Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современ-

ности. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. М-во внутренних дел России, Краснодарский ун-т, 2014. С. 239-242.

3. Казгериева, Э.В. Оценочные суждения в судебном правоприменении / Э.В. Казгериева // Российский судья. 2012. № 7. С. 22-27.

4. Карданов, Р.Р. Проблемные вопросы осмотра места происшествия на территории Кабардино-Балкарской республики / Р.Р. Карданов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 84-86.

5. Матов, О.Р. Использование нанопорошков для выявления следов рук / О.Р. Матов, В.В. Кисин, А.М. Захаревич // В сборнике: Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием. М-во внутренних дел России. 2012. С. 256-259.

6. Отаров, А.А. Судебно-криминалистическая экспертология. Курс лекций. // А. А. Отаров, Р. Р. Карданов; М-во внутренних дел России, Краснодарский ун-т, Нальчикский фил. Нальчик, 2009. С. 100.

7. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mvd.ru/reports/item/2994866/

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Корнилова У.В.

старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» ФГБОУ ВПО
Государственный университет – Учебно-научно-производственный комплекс,
Россия, г. Орел

В статье исследовано развитие института ограничения оборотоспособности земельных участков в дореволюционный и советский период российского государства.

Ключевые слова: земля, земельный участок, оборот земельных участков, ограничение оборотоспособности, изъятие земельного участка из оборота.

С древнейших времен правовое регулирование оборота земельных участков осуществлялось на основе тесного взаимодействия норм публичного и частного права. Приобретение прав на земельные участки по римскому праву осуществлялось посредством властных предписаний государства и гражданских сделок. Римскому праву была известна юридическая конструкция ограничения оборотоспособности земельных участков посредством выделения участков изъятых из оборота.

В российском государстве продолжительное время существовал институт родовых имений, который являлся публичной формой перераспределения земель между представителями служилого класса, и фактически был инструментом, позволявшим государству контролировать указанный класс и направлять его действия в своих интересах.

Земля, входившая в состав родовых имений, могла продаваться и покупаться, но полноценной собственностью она не являлась, так как по усмотрению государства подлежала изъятию и перераспределению [14, с. 209 – 224]. Таким образом, в период средневековья в России над оборотом земли главенствует государство, что характеризует сам оборот земли как основанный на сильных публичных началах.

Возможность продажи земли или переход прав на землю от одного лица к другому в русской дореволюционной литературе связывалась с понятием «оборотоспособность», при этом некоторые авторы подчеркивали, что определенные земли являются не способными к обороту по их природе [6, с. 608]. Правовая конструкция ограничения оборота земли проявилась в дореволюционном российском праве посредством выделения участков, изъятых из оборота, к которым относились межи и межники, дороги, воды и водяные пути сообщений, участки с расположенными на них крепостями, портами, гаванями, церковными строениями, монастырями, публичными памятниками и общественными кладбищами [10, с. 422]. Исследуя вопрос изъятия из гражданского оборота кладбищенских земель А.М. Гуляев отмечал, что по религиозным основаниям опустевшие кладбища, находящиеся среди населенных мест, должны быть огорожены или обведены рвом владельцами той земли, на которой они были устроены, никакого строения на этих местах нельзя возводить, а также запрещено обращать эти места под пашню, отсюда автор заключает, что земля под кладбищем была изъята совершенно из обращения [5, с. 247]. Таким образом, правовой режим земельного участка как изъятого из оборота не утрачивался в случае прекращения функционирования на участке объекта, наличие которого стало поводом для изъятия.

Ограничения оборотоспособности земельных участков устанавливались по русскому дореволюционному законодательству в отношении иностранных граждан, которым запрещалось приобретать определенные участки в собственность [11].

В России до революции 1917 года земельный оборот оставался частным, допуская относительную свободу гражданско-правовых сделок с земельными участками, но в случаях необходимости обеспечения общегосударственных интересов осуществлялось публичное регулирование. Основой земельного оборота стала купля-продажа. При этом законодательные ограничения свободы рыночных земельных отношений имели место и получили развитие во времена Столыпинской аграрной реформы, которая в полном виде не осуществилась. Так, устанавливался публичный запрет на покупку земельных участков некрестьянами, не допускалась возможность залога надельной земли, кроме как в Крестьянском банке, устанавливались пределы скупки земель «в одни руки» [12, с. 22].

Изъятие земельных участков путем выкупа допускалось по русскому дореволюционному законодательству в общественных интересах [7, с. 150], именуемых в литературе «общественной пользой намеченного предприятия» [4]. Изъятие участка могло повлечь ограничение его оборотоспособности в случае, когда на участке впоследствии размещалась дорога или иной объект,

возведение которого влекло присвоение земельному участку режима участка изъятого из оборота.

Принципы публичности и достоверности оборота земельных участков в русском дореволюционном законодательстве были не в полной мере разработаны. Вместо единой системы фиксации прав на земельные участки оформление таких прав осуществлялось посредством многоступенчатой процедуры крепостного порядка, отрицательными сторонами которой были: обширный документооборот, бюрократизм и дороговизна. Недостатки указанной процедуры был призван устранить проект Вотчинного устава 1892 года, который не был принят в связи с событиями октября 1917 года.

Революционные преобразования 1917 г. оказали существенное влияние на оборот земельных участков в России. Декрет ВЦИК от 26 октября 1917 г. «О земле» [17] провозглашал национализацию всей земли и ее равное распределение между трудящимися. Наемный труд, сдача земли в залог или в аренду запрещались.

Положения Декрета о земле получили дальнейшее развитие в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. [18], ст. 2 которого определяла, что все земли являлись собственностью рабоче-крестьянского государства, независимо от того, в чьем пользовании они находились, а статья 6 Конституции СССР 1936 года [8] называла землю, ее недра, воды, леса государственной собственностью, то есть всенародным достоянием.

В свою очередь, Земельным кодексом РСФСР 1922 г. были подробно регламентированы публичные формы оборота. Так, ст. 22 ЗК РСФСР 1922 г. предусматривала изъятие земли при землеустройстве, а также для мелиорации, дорожного строительства или иных государственных, либо общественных надобностей [19].

Статьей 46 ЗК РСФСР 1922 г. Народный Комиссариат Земледелия наделялся правом для нужд переселения изымать в местностях, открытых для переселения, излишки земель у земельных обществ, которые не пользовались землями или пользовались не по назначению; в свою очередь, земельное общество обладало правом изъятия излишек усадебных земель сверх установленной ст. 127 Кодекса нормы, используемых в качестве полевых земель, у их пользователей и передачи нуждающимся существующим или вновь образующимся крестьянским дворам, с учетом уравнивания в угодьях, производимого за счет излишков (ст. 127 ЗК РСФСР 1922 г.) [16]. Данная конструкция фактически предусмотрела возможность изъятия земель в целях их последующего перераспределения.

Право пользования землей регламентировалось ст. 21 ГК РСФСР 1922 г.; ст. 95 ГК 1964 г. [1]. Договоры аренды земельных участков были ограничены изначально рядом актов, а Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 июля 1937 г. [15] – запрещены. Со временем (после Великой Отечественной войны) ограниченная возможность временного пользования земельными участками была предусмотрена, но не в результате соглашения сторон, а в силу распорядительного акта государственного органа [9].

Право пользование землей упомянуто и Конституцией СССР 1977 года

[2], устанавливающей возможность предоставления для использования гражданам, предприятиям и учреждениям природных объектов, в том числе земельных участков, являющихся неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории, и находящихся в ведении Советов народных депутатов (ст. 10).

Общая концепция земельных прав в тот период была четко регламентирована: если гражданин или организация нуждались в получении участка, то для его выделения принималось соответствующее административное решение. При этом в тот исторический период, по словам А.В. Венедиктова, государство объединяло всю полноту государственной власти со всеми полномочиями собственника на землю [3, с. 337 – 349]. Можно добавить, что в период господства исключительной государственной собственности на землю не существовало легального гражданского оборота любых земельных участков (в том числе, сельскохозяйственного назначения), но был их публичный (административный) оборот. Он выражался в предоставлении земельных участков колхозам и совхозам, как основным субъектам права землепользования, а также в изъятии участков для государственных нужд. Колхозы и совхозы имели право передавать земельные участки во вторичное землепользование членам колхозных дворов и работникам совхозов. Данный механизм передачи (перехода) прав от одного субъекта к другому также выражал собою разновидность нерыночного земельного оборота. В определенных пределах в земельных отношениях присутствовали и частно-правовые элементы. Так, изъятие земельного участка как форма административного оборота земли основывалось на нормах публичного права, а возмещение убытков землепользователей и потерь сельскохозяйственного производства осуществлялись по гражданскому законодательству [13, с. 11]. В советский период правовое регулирование земельных отношений характеризовалось высокой степенью публичного контроля и снижением гражданско-правовой активности субъектов оборота в связи с ограничением свободы договорных отношений, что обуславливалось спецификой политической системы страны.

На всем протяжении исторического развития общества нормы об ограничении оборотоспособности земельных участков выступали составной частью правовых систем соответствующих государств в связи с необходимостью решения публичных задач, например, в сфере обороны и безопасности, транспортного сообщения, что в свою очередь влекло их обособление и исключение из гражданского оборота.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964., № 24. Ст. 406; 1966, № 32. Ст. 771.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977., № 41. Ст. 617.
3. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: АН СССР, 1984.
4. Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань: Типография Императорского Университета, 1891.
5. Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1913.

6. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Ч. 1. М., 1902.
7. Кассо Л.А. Русское поземельное право. М., 1906.
8. Конституция 1936 г. была утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. Текст Конституции опубликован в Юридическом Издательстве НКЮ СССР. Москва, 1937.
9. Сделки с земельными участками: Учебное пособие / А. Л. Корнеев. М.: Городец, 2006.
10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. I: Вотчинные права. М: Статут, 2002.
11. См: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917 // СПС Гарант.
12. Румянцев Ф.П. О некоторых правовых особенностях начала аграрной истории современной России // История государства и права. – 2007. – № 21.
13. Румянцев Ф.П. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2011.
14. Соборное уложение 1649 года // Отечественное законодательство XI – XX вв. Ч. 1. М., 1999. 15. Собрание Законодательства СССР. 1937. № 37. Ст. 150.
16. Статья 50 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 г. уже указывает на необходимость изъятия неправильно используемых пользователями земельных участков, которой по содержания аналогичен абз. 1 ст. 139 ЗК РСФСР 1970 г., а в ст. 108 ЗК РСФСР 1970 г. содержится положение, согласно которому из хозяйственного использования изымаются земли заповедников.
17. СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.
18. СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
19. Указание на возможность изъятия земель для государственных, общественных и несельскохозяйственных нужд содержалось также в ст. ст. 15, 16, 19 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 г., ст. 31, гл. 6 ЗК РСФСР 1970 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ САМОСУДУ

Котельникова О.А.

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России, канд. юрид. наук,
Россия, г. Владивосток

В статье рассматривается один из видов насильственных деяний – самосуд. Изучение специфики средств противодействия данному феномену, позволит более взвешенно и обоснованно применять меры уголовно-правового принуждения. Следовательно, при разработке определенных уголовно-правовых мер воздействия, особенно в сторону ужесточения, необходимо учитывать все специфические причины этого явления.

Ключевые слова: самосуд, уголовно-правовые средства, противодействие.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации отдельной статьи за самосуд не предусмотрено, а факты самосуда квалифицируются по тем нормам, которые нарушены.

На сегодняшний момент имеется мнение о необходимости внесения данного деяния в уголовный закон, в качестве обстоятельства отягчающего

наказание [4]. Однако, по нашему мнению, данный феномен требует иного, более глубокого и всестороннего исследования, и в первую очередь, с позиции криминологии. Необходимо изучить его причины и условия, особенности личности вершителя правосудия, при этом полученные результаты могут лечь в основу разработки как криминологических, так и уголовно-правовых средств противодействия данному деянию.

В результате проведенного мониторинга было установлено, что к причинам самосуда следует отнести, во-первых, неверие людей в законность и справедливость судебных решений, т.е. неспособность государства защитить их от противоправных посягательств. Как утверждает В.В. Овчинский: «Законодатели очень гордятся своим гуманизмом. Однако опросы всех российских социологических центров показывают, что граждане ждут от власти ужесточения наказания по отношению к преступникам, но законодатели принимают абсолютно противоположные решения. Потом возникает полное безверие в способность власти защитить народ. И, как следствие, самосуды» [3].

Во-вторых, детерминирующим фактором самосуда выступает дерзость и открытость совершения преступления (грабежа, разбоя, кражи, изнасилования) [2]. Испытывая чувство уязвленности после совершенного нападения, возникает гнев и агрессия, которые направляются на лицо (обидчика), совершившее противоправное деяние. При этом возникает сиюминутное желание немедленно наказать обидчика собственными силами.

В-третьих, фактором формирования самосуда является «синдром толпы», когда свидетели преступления пытаются оказать поддержку жертве и нередко выступают инициаторами самосуда.

Принимая во внимание проблемы противодействия фактам самосуда, заметим, что его профилактика имеет определенные особенности, так как при этом затрагиваются личностные качества, духовные ценности и моральные убеждения индивида, совершающего самостоятельные акты возмездия. Кроме того, прежде чем разрабатывать определенные меры уголовно-правового воздействия необходимо изучать и учитывать все специфические причины этого явления, а именно те обстоятельства, которые способствовали совершению актов самосуда. В связи с чем, как нам представляется, следует с осторожностью применять меры уголовно-правового характера. Например, в рамках профилактики, одним из авторов, предлагается внести в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации еще одно обстоятельство, отягчающее наказание, а именно п. е 2) – совершение преступления из мести за оконченное или неоконченное общественно опасное деяние (самосуд) [4]. В данном случае, мы не согласимся с предложенной мерой предупреждения, так как считаем, что, во-первых, введение подобной нормы за самосуд, может вызвать общественный резонанс, повлечь эскалацию социальной напряженности и повышение степени социально-психологической депривации, а во-вторых, метод уголовного принуждения рассматривается как карательный, а не упредительный и должен применяться как второстепенный. Как говорил Чезаре Беккариа: «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них...» [1].

Таким образом, профилактическая система в первую очередь, должна включать те меры, которые будут способствовать упреждению причин самосуда, действовать на источники возникновения, а не на сами действия, а уголовно-правовые меры воздействия, особенно в сторону ужесточения, требуют взвешенного и обоснованного решения.

Список литературы

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА – М, 2004. С. 95.
2. Котельникова О.А. Уличная преступность: понятие, признаки и классификация [Текст] / О.А. Котельникова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 32-39.
3. Овчинский, В. Суд и самосуд [Электронный ресурс] / В. Овчинский. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru>.
4. Смирнов А.М. Самосуд в России как социально правовой феномен: криминологический анализ и меры профилактики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. №1. С 39-43.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ», канд. юрид. наук, доцент,
Россия, г. Белгород

Криволапов Д.М.

Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам результаты ОРД рассматриваются как с точки зрения действующего законодательства, так и с точки зрения некоторых теоретических концепций существующих в науке уголовного судопроизводства. Содержание законодательства и теоретических концепций свидетельствует об отсутствии в теории единого подхода к результатам оперативно-розыскной деятельности. Разнородность мнений и противоречивое законодательство влечет за собой затруднения в использовании результатов ОРД. Однако потребность в расширении возможностей использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам носит объективный характер. Это обусловлено тем, что в нынешних условиях обеспечить надлежащее расследование и раскрытие уголовных дел по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях одними уголовно-процессуальными средствами и методами оказывается просто невозможным.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательства, ОРД, доказывание, оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии со ст. 85 УПК РФ сущность доказывания в уголовном судопроизводстве состоит в «...собираении, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ» [11]. В совокупности обстоятельства, содержащиеся в указанной статье, составляют предмет доказывания по каждому уголовному делу. Процесс доказывания имманентен для всех стадий уголовного судопроизводства, и он сопряжен с оперированием такой категорией как доказательства. Их исчерпывающий перечень содержится в ст. 74 УПК РФ. Исходя из данного перечня, можно заключить, что такого доказательства как результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), Уголовно-процессуальный закон не знает. Но в тоже время ст. 89 УПК РФ делегирует право использовать результаты ОРД в доказывании при императивном условии, что они соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам, а именно относимости, допустимости, достоверности, и достаточности. Подобную отсылку содержит ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которая закрепила, что результаты ОРД могут «...использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом» [12]. Указанные положения получили свое развитие законодателем и на уровне подзаконных нормативно-правовых актах. Так согласно п. 20 межведомственной Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд», которая утверждена приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования по уголовным делам должны позволять:

1) Формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств;

2) содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства;

3) содержать данные позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе» [8].

Из приведенных положений мы можем сделать следующие выводы: Во-первых, к результатам ОРД предъявляются требования, равно как и к доказательствам в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, Инструкция предусматривает, что результаты ОРД должны содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в

условиях уголовного судопроизводства доказательств, сформированные на их основе.

Указанная позиция законодателя об использовании результатов ОРД в доказывании в науке уголовного судопроизводства получила самую разнообразную оценку. Так, по мнению В.И. Толмосова результаты ОРД в принципе, невозможно использовать в доказывании, поскольку они никогда не будут отвечать требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам, по причине того, что способы их получения не отвечают нормам процессуального закона [9, с. 104]. А.В. Агутин и С.А. Осипов, полагают, что оперативно-розыскная деятельность должна рассматриваться, как один из способов доказывания по уголовным делам [1, с. 47-55]. По мнению другой группы ученых, при соблюдении определенных условий, (таких как: обеспечение безопасности источников, достоверности, относимости, проверяемости результатов оперативно-розыскных мероприятий), возможно применение результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу [4, с. 17-19]. Л.Т. Ульянова считает, что «сведения, получаемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий, должны быть проверены и оформлены в порядке, установленном УПК РФ» [10, с. 223]. Дополняя предыдущую точку зрения Г.Н. Ветрова, заключает, что проверка оперативных данных «возможна только в ходе процессуальной деятельности, т.е. в уголовно-процессуальных формах». Отметим, что указанное умозаключение о том, что проверка оперативных данных возможна только в процессуальной форме, нами видится излишне категоричным. Однако в заключении она делает верный вывод о том, что «это и будет собирание доказательств в процессуальной форме» [3, с. 27]. С.А. Шейфер приходит к выводу, что введение в уголовное судопроизводство непроцессуальной информации (в том числе и результатов ОРД) в качестве доказательства возможно лишь при условии неуклонного соблюдения основных постулатов доказательственного права и теории доказательств [13, с. 113]. Аналогичной точки зрения о фактическом знаке равенства между доказательствами в уголовном судопроизводстве и результатами ОРД придерживаются и суды. Так в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», согласно которому результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы в качестве доказательств лишь в том случае, когда они проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [7]. Схожую позицию занял Конституционный Суд РФ. Так, в Определении от 4 февраля 1999 г. «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечается, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их

надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ст. 49 (ч. 1) и ст. 50 (ч. 2) Конституции Российской Федерации [6].

Диаметрально противоположную позицию в данном вопросе занимает Е.А. Доля. В своей монографии она приходит к выводу, что фактические данные, полученные оперативно-розыскным путем не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе по причинам, прежде всего, онтологического и гносеологического характера. В доказывании используются не те данные, которые были добыты в результате оперативно-розыскной деятельности, а иные фактические данные, полученные в рамках уголовно-процессуальной деятельности при собирании (точнее формировании) доказательства. Именно они и образуют содержание доказательств в уголовном процессе [5, с. 228].

Отметим, что значительное распространение, как в теории, так и на практике получило представление о возможности преобразования оперативных данных в доказательства. По мнению В.И. Баскова, сведения оперативного характера (полученные в результате оперативно-розыскной деятельности) могут быть преобразованы в доказательства по уголовным делам путем проведения предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных действий [2, с. 11, 128-130]. Обозначив такую позицию, В.И. Басков, как нам представляется, не учел того, что при производстве следственных действий происходит формирование новых данных (которые и составляют содержание доказательств), а не преобразование оперативных данных в доказательства. При производстве следственных действий следователь в со-путствии процесса познания неминуемо воспринимает и фиксирует информацию, которая ранее не была отражена в оперативной информации и получает нечто качественно новое, а не преобразованный результат оперативной информации. Идея трансформирования результатов ОРД нами видится еще более уязвимой по той причине, что они формируются в процессе оперативно-розыскной деятельности, ее специфичными субъектами, и из источников, не предусмотренных УПК РФ. Указанные положения приводят к выводу о том, что результаты ОРД не соответствуют и не могут соответствовать требованиям, предъявляемым к ним УПК РФ, а сама идея законодателя, заложенная в ст. 89 УПК РФ и вовсе представляется нереализуемой, так как доказательства полученные таким образом не отвечают требованию допустимости доказательств.

Таким образом, в заключении мы можем сделать следующий вывод: приведенный разнбой мнений в теории уголовного судопроизводства прямо свидетельствует о том, что в теории, законодательстве и соответственно на практике до настоящего времени не выработано единого, подхода к разрешению проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Данное обстоятельство как следствие не способствует законодателю в формулировании непротиворечивых правовых норм, которые позволили бы правильному и эффективному решению на практике всего комплекса вопросов, связанных с использованием ре-

результатов ОРД в процессе доказывания, не говоря уже о формировании на их основе доказательств в уголовном судопроизводстве. Противоречивое законодательство ведет к аналогичной противоречивой и неэффективной практике использования результатов ОРД, что в конечном итоге ведет к ошибкам, нарушениям прав и свобод человека и гражданина, ослаблению защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Список литературы

1. Агутин, А.В., Осипов, С.А. Место оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам [Текст] / А.В. Агутин, С.А. Осипов // Следователь. – 2003. – № 2. – С. 47-55.
2. Басков, В.И. Оперативно-розыскная деятельность: Учеб.-метод. пособие [Текст] / В.И. Басков. – М.: БЕК, 1997. – 11, 128-130 с.
3. Ветрова, Г.Н. Уголовно-процессуальная форма и ее роль в решении задач уголовного судопроизводства: Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ) [Текст] / Г.Н. Ветрова. – М., 2007. – 27 с.
4. Громов, Н.А., Лисовенко, В.В., Гуцин, А.Н. Оценка доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе [Текст] / Н.А. Громов, В.В. Лисовенко, А.Н. Гуцин // Следователь. – 2003. – № 3. – С.17-19.
5. Доля, Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Е.А. Доля. – М., 2009. – 228 с.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 448 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каланчева Вадима Анатольевича в нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] / Режим доступа: [www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_58067/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58067/) (дата обращения: 23.01.2015).
7. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». – июнь 2013. – № 6.
8. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // «Российская газета». – № 282 – 13.12.2013.
9. Толмосов, В.И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных российского уголовного процесса [Текст] : Дис. юрид. наук / В.И. Толмосов. – Самара, 2002. – 104 с.
10. Ульянова, Л.Т. Собираение доказательств // Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов [Текст] / Под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: ИКД «Зерцало М». 2004. – 223 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174 ФЗ (в ред. 31.12.2014) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
12. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 21.12.2013) // «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
13. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам [Текст] / С.А. Шейфер. – М., 2008. – 113 с.

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ И КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Примак К.Ю.

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
Россия, г. Новосибирск

В статье рассматриваются положения Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» посвященные передачи ценных бумаг владельцем-государственным служащим в доверительное управление во избежании ситуации конфликта интересов.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, ценные бумаги, государственный служащий, доверительное управление.

Согласно п. 2 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в случае если гражданский служащий владеет приносящими доход ценными бумагами, акциями (долями участия в уставных капиталах организаций) и это может привести к конфликту интересов на государственной службе, он обязан передать принадлежащие ему указанные ценные бумаги, акции (доли) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» указывает на урегулирование ситуации доверительного управления Гражданским кодексом, глава 53 которого посвящена договору доверительного управления имуществом.

Учредитель управления передает доверительному управляющему на определенный срок имущество в доверительное управление и последний обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица. Доверительный управляющий представляет учредителю управления и выгодоприобретателю отчет о своей деятельности. При этом учредителю управления закон не запрещает контролировать деятельность доверительного управляющего [1, с. 365].

И вряд ли можно с полной уверенностью сказать, что доверительный управляющий будет действовать против воли государственного служащего – учредителя управления.

Сложно предположить такую ситуацию, что доверительный управляющий и учредитель управления взаимодействуют только на основании договора. Но ведь ничто не запрещает учредителю управления – гражданскому служащему давать различные указания, поручения по поводу управления ценными бумагами. Таким образом, он фактически и будет определять судьбу ценных бумаг как их собственник или оказывать влияние на организацию как акционер. Учитывая, что все действия с ценными бумагами доверительный управляющий осуществляет от своего имени причастность самого гражданского служащего доказать невозможно [3, с. 17].

А, беря во внимание факт, что доверительным управляющим может быть родственник гражданского служащего вся указанная норма приобретает формальный характер.

Для урегулирования данной ситуации с целью избежания конфликта интересов кандидатуру независимого управляющего должна утверждать комиссия по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов коллегиально [2, с. 84].

При этом независимым управляющим не может быть назначено лицо, состоящее в родственных, материальных и иных личных отношениях с кандидатом или служащим. Поэтому требуется соответствующее дополнение части 2 статьи 17 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

К указанному следует добавить и то обстоятельство, что, вступив в силу Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» разрешил с предварительного уведомления представителя нанимателя выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет за собой конфликт интересов (ч. 2 ст. 14). Принцип уведомления не предполагает по своей сути получение какого-либо согласия со стороны представителя нанимателя, кроме того, в законе не указано, в какой форме это уведомление должно быть реализовано. Закрепление подобной нормы создает дополнительные возможности для коррупционного использования должностного статуса, поскольку закон не предусматривает мер реальной проверки и контроля за возникновением, развитием ситуации конфликта интересов совмещения службы и иной деятельности [4, с. 99-100].

Список литературы

1. Верченко, Н.И. К вопросу определения признаков коррупционного преступления [Текст] / Н.И. Верченко // Вестник НГУЭУ. – 2014. – № 2. – С. 364-370.
2. Верченко, Н.И. Незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности [Текст] // Закон и право. – 2011. – № 2. – С. 84-87.
3. Верченко, Н.И. Незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности [Текст] / Н.И. Верченко. – М., Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
4. Лунеев, В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы [Текст] // Государство и право. -2000. – № 4. – С. 99-111.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Санайлов Т.А.

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров по кафедре уголовного права Академии права и управления ФСИН, России, г. Рязань

В статье уголовно-правовое регулирование и воздействие рассматриваются с точки зрения пропорций и взаимосвязи этих явлений. Правильное, обоснованное научными исследованиями понимание данных уголовно-правовых феноменов обеспечивает научный

подход к изучению оснований, границ и характера действия мер, ограничивающих права и свободы личности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовое регулирование, уголовно-правовое воздействие, действие права.

В современный период проблемам действия права в обществе и, в частности, действию уголовного права уделяется все большее внимание в юридической науке. Уголовное право – основное, определяющее средство в борьбе с преступностью, которая в настоящее время осознается не только как определенное социальное явление, объект исследования, но и в как опасность, угроза бытию и развитию общества. Вместе с тем, в обществе сформировалось осознание низкой эффективности действия уголовно-правовых норм, существование правового нигилизма, что обуславливает поиск новых путей в борьбе с преступностью. В этих условиях становится актуальным изучение проблем уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия в обществе. Именно с этими правовыми явлениями связывается перенос нормативности на общественные отношения, и, в конечном итоге, правомерное поведение членов общества.

Проблема соотношений уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия в отечественной науке остаётся одной из наименее разработанных и дискуссионных, несмотря на все чаще встречающиеся публикации, посвященные этим темам. Исследователи по-разному подходят к данной проблеме. В основе исследований лежат концепции, сложившиеся в общей теории на основе трудов выдающегося ученого С.С. Алексеева и его последователей. Они определяют правовое регулирование как «...осуществляемое при помощи системы правовых средств ...результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [1, с. 209]. Правовое регулирование общественных отношений рассматривается как одна из форм воздействия права на общественные отношения при помощи специфически-правовых (юридических) средств. Несмотря на делящиеся дискуссии по поводу самих юридических средств, их количественных и качественных характеристик, большинство исследователей признают главенствующую роль норм права и правоотношений. Подобные концепции разделяют многие ученые-теоретики. В результате в отечественной юридической науке сложилось мнение, что правовое регулирование – целенаправленное правовое воздействие на поведение людей и общественные отношения при помощи юридических средств.

Уголовно-правовая наука, разносторонне исследуя феномен уголовного права, применяет общий категориальный и понятийный аппарат теории права. На основании такого применения в настоящее время складываются три концепции соотношения уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования.

Первая концепция состоит в том, что уголовно-правовое воздействие шире, чем уголовно-правовое регулирование. Она основана на ретроспективно-перспективных, негативно-позитивных моделях уголовной ответственности.

Так, например, В.К. Дуюнов, обосновывая концепцию уголовно-правового воздействия, представляет уголовно-правовое регулирование как часть уголовно-правового воздействия. Уголовно-правовое воздействие есть целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на так называемых «неустойчивых» граждан в целях утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции Российской Федерации и других законов. Уголовно-правовое воздействие находит свое проявление в правовых нормах, правоотношениях и правоприменительных актах и может иметь место до и вне правоотношений и ответственности, например, удерживающее воздействие уголовно-правовой нормы или воздействие на лицо, совершившее преступление, но освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [3, с. 36–60]. Подобную точку зрения в части соотношения исследуемых категорий разделяет Г.О. Петрова и многие другие.

Сторонники второй концепции считают, что уголовно-правовое регулирование – более широкое понятие, чем уголовно-правовое воздействие. Эта концепция основана на том, что источником уголовного права и соответственно, уголовно-правового регулирования являются общественные отношения, уголовное право лишь «легализует» уже имеющиеся в обществе отношения, придает им уголовно-правовую форму.

А. К. Романов, исследуя метод уголовно-правового регулирования в контексте общеправового метода регулирования приходит к выводу, что уголовно-правовое регулирование «... никоим образом не может быть сведено лишь к воздействию уголовно-правовых норм на те или иные общественные отношения. Правовое регулирование в сфере борьбы с преступностью начинается именно с общественных отношений, которые предшествуют образованию и официальному признанию норм уголовного права». Мнение ученого в разной степени разделяет Н. М. Кропачев, а также другие учёные-правоведы. [8, с.42-43].

Третья концепция заключается в том, что уголовно-правовое воздействие и уголовно-правовое регулирование – разные стороны функционирования уголовного права в обществе.

Ю. И. Ляпунов полагает, что явления, не полностью совпадающие друг с другом, не могут быть включены одно в другое как часть целого и поэтому уголовно-правовое воздействие протекает далеко за пределами процесса регулирования [10, с. 19]. Схожую позицию занимают Г.П. Новоселов, А.А. Швыркин, А.И. Чучаев, Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, Ю.С. Жариков. Исследуя феномен уголовно-правового регулирования, учеными отмечается отличительный признак воздействия от регулирования: воздействие может осуществляться и без принудительной силы государства, в отношении субъектов, которые могут не подлежать уголовной ответственности (например, несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности). Поэтому уголовно-правовое воздействие вос-

принимается как самостоятельная сфера действия уголовного законодательства, непосредственно связанная лишь с реализацией его предупредительной и воспитательной функций.

Помимо трех наиболее распространенных концепций на соотношение уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия имеются и другие. Так, Б.Т. Разгильдиев полагает, что уголовное право не регулирует, а охраняет уже существующие общественные отношения, урегулированные другими отраслями права. Он отрицает регулирующую роль уголовного права, так как такая задача не сформулирована в уголовном законе. Вместе с тем Б.Т. Разгильдиев не может обойтись без категории «уголовно-правовое регулирование». Он считает, что уголовно-правовая функция уголовного права – свойство уголовного права, ее объектом выступает сознание и воля физических лиц; по своему характеру функция уголовного права является регулятивно-обязывающей. А сама уголовно-правовая функция является регулятивно-обязывающим воздействием уголовно-правовой нормы, оказываемым на физических лиц с целью достижения задач, стоящих перед уголовным правом [7, с. 4-5].

Представляет интерес концепция Р.О. Долотова, который, применяя коммуникативный подход к пониманию уголовного права, считает, что уголовно-правовое регулирование есть тогда, когда лицо оценивает свое поведение как правомерное, исходя из соотнесения его с уголовным законом, когда в мотивационной структуре поведения доминирующим фактором оказывается информационно-ценностное воздействие текста уголовного кодекса. Если преступление не совершается по каким-либо другим мотивам (моральным, религиозным и т.д.), то уголовно-правового регулирования нет, а есть иная форма коммуникации, не правовая. Когнитивная (интеллектуальная) правовая норма – результат интерпретации и легитимации (признания, подтверждения на основе принятых в данном обществе ценностях) субъектом находящегося в уголовно-правовом тексте правила поведения как социально-ценностного и носящего представительско-обязывающий характер. Когнитивные правовые нормы порождают когнитивные (виртуальные, интеллектуальные) связи – общие правоотношения. С возникновением юридических фактов когнитивная правовая норма трансформируется в актуальную, а общие правоотношения – в конкретные (актуальные). Уголовно-правовое регулирование рассматривается в двух аспектах: нормативно-деятельностном (поведенческом аспекте) и ценностно-психонормативном (социопсихическом) аспекте. Поведенческий аспект проявляется конкретным лицом в регулятивных (не связанные с совершением преступления) и охранительных (связанные с совершением преступления) правоотношениях. Социопсихический аспект проявляется также в регулятивных и охранительных правоотношениях: когнитивных и актуальных. Когнитивные регулятивные возникают после интерпретации (уяснения) субъектом текста уголовного закона и становятся актуальными регулятивными при осознанном правомерном поведении – не совершении преступления. Когнитивные охранительные возникают в момент осознанного нарушения уголовного закона, а становятся актуальными охра-

нительными правоотношениями со вступлением в законную силу приговора суда. Фактически Р.О. Долотов придаёт уголовно-правовым нормам некий виртуальный характер и отождествляет уголовно-правовое воздействие с «виртуальными» уголовно-правовыми нормами и когнитивными правоотношениями, а регулирование, по Р.О. Долотову, предопределяет воздействие [2, с. 76-90].

Таким образом, в отечественной уголовно-правовой науке нет единого мнения по поводу, что понимать под уголовно-правовым воздействием и уголовно-правовым регулированием и как они соотносятся между собой.

Для того, чтобы уяснить соотношение понятий «уголовно-правовое регулирование» и «уголовно-правовое воздействие» представляется необходимым уяснить прежде всего семантическое значение терминов «уголовно-правовое», «регулирование», «воздействие».

Как известно, одно из свойств материи – движение. Движение происходит в различных формах, в том числе и социальной форме. Соответственно, возможно выделить различные формы социального регулирования жизни общества и человека в нем. Регулирование с помощью социального регулятора – права – является правовым регулированием, одной из форм социального регулирования. Поэтому можно говорить о том, что уголовно-правовое регулирование – часть общеправового регулирования, и соответственно уголовно-правовое воздействие – часть общеправового воздействия. В связи с этим представляет интерес социологическое понимание слова «регулирование». Социологи понимают «регулирование» в следующих значениях: регулирование (от лат. *Regulo* – устраиваю, привожу в порядок) – англ. *regulation*; нем. *Regulierung*. 1. Приведение в порядок, упорядочение (механизма, деятельности и т. д.); руководство движением, направлением, действиями, отношениями и т. п.; 2. Совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или др. сферу жизни; 3. Форма целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей [9]).

Социологи под воздействием понимают процесс, результатом которого является изменение в структуре и состоянии, хотя бы одной из систем, участвующих во взаимодействии. При этом в качестве партнеров подобного взаимодействия могут быть как отдельные личности, так и группы разного размера и типа. Воздействие – целенаправленный перенос движений и информации от одного участника взаимодействия к другому. Воздействие, в отличие от влияния, всегда носит целенаправленный и осознанный характер. Следовательно, воздействие – частый случай влияния. Обобщенным эффектом психологического воздействия относительно человека является изменение его субъективных характеристик (потребностей, установок, отношений, состояний, моделей поведения и т.п.) [4]. Сами дефиниции: «уголовно-правовое воздействие», «уголовно-правовое регулирование» с очевидностью предполагают, что рассматриваемые феномены осуществляются с помощью

и посредством уголовного права. Сопоставляя и сравнивая значения слов «воздействие» и «регулирование», представляется правильной точка зрения о регулировании как формы воздействия. Применительно к действию уголовного права, полагаем, следует согласиться с исследователями, которые разделяют точку зрения Н. А. Лопашенко о том, что любое правовое регулирование является и правовым воздействием, но не любое правовое воздействие есть правовое регулирование [5, с.34].

Думается, что результаты теоретической дискуссии относительно соотношения «уголовно-правового воздействия» и «уголовно-правового регулирования» могут иметь далеко идущие последствия. Так, например, если согласиться с тем, что в предмет уголовного-правового регулирования может входить сознание, воля человека, то этот вывод может привести к тому, что в каком-либо далеком (или недалеком) будущем человек будет нести уголовную ответственность за мысли и чувства. Соответственно, такой подход повлечет изобретение насильственных средств и способов управления сознанием человека. Ни о какой свободе воли в этом случае речь идти не может. Уголовно-правовое регулирование может существовать лишь применительно к общественным отношениям, упорядочивает их, приводит в порядок. В этом случае уголовное-правовое воздействие приобретает форму уголовного-правового регулирования, воздействуя на общественные отношения. При этом уголовное-правовое воздействие выступает не только в идеологической, информационной, ценностно-ориентационной форме в отношении субъектов правоотношений, но и также действует в единстве и многообразии на социальную жизнь, сознание и поведение людей. Если уголовное-правовое регулирование жестко связано с действующими в конкретный момент нормами уголовного права, то уголовное-правовое воздействие может осуществляться помимо конкретной нормативной регламентации и «имеет свои сроки, формы и методы действия, не совпадающие со всеми компонентами правового регулирования» [6, с. 563]. Так, отмененные нормы уголовного права или даже институты не могут быть основой для уголовного-правового регулирования, но остаются в памяти, например, ученого, законодателя, воздействуя на его сознание, зачастую формируя волю.

Таким образом, принимая во внимание социологическое понимание категории «воздействие», становится очевидным, что уголовное-правовое регулирование является формой уголовного-правового воздействия.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Теория права [Текст] / С.С. Алексеев. – М., 1995. – 320 с.
2. Долотов, Р.О. Механизм уголовного-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности [Текст]: дис. ... канд.юрид. наук / Р.О. Долотов. – Саратов, 2009. – 229 с.
3. Дуюнов, В.К. Механизм уголовного-правового воздействия: Теоретические основы и практика реализации [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук / В.К. Дуюнов. – Тольятти, 2001. – 512 с.

4. Кондратьев, М.Ю. Азбука социального психолога-практика. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с. [Электронный ресурс] / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. – Режим доступа:<http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/vozdeistvie>
5. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004. – 339 с.
6. Радько, Т.Н. Теория государства и права [Текст] / Т.Н. Радько. – М., 2005. – 811 с.
7. Разгильдиев, Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация [Текст] / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов, 1993. – 232 с.
8. Романов, А.К. Уголовно-правовое регулирование общественных отношений [Текст] / А.К. Романов. – М., 1992. – 79 с.
9. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vslozare.ru/slovo/sotziologicheskij-slovar/regulirovanie/41441>
10. Уголовное право. Общая часть [Текст]: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист, 1997. – 592 с.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Старченко Е.В.

аспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается введение разграничений между институтами необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление закреплённых в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 сентября 2012 года “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”. Действующее ранее около 28 лет Постановление Пленума № 14 “О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественноопасных посягательств” соединяло данные институты, что осложняло как правоприменительную практику, так и их толкование.

Ключевые слова: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, общественно опасное посягательство, преступление.

Институт необходимой обороны стоит рассматривать как один из основных способов противодействия преступности, именно он формирует у граждан активную позицию, способствующую пресечению и предупреждению совершения преступлений. Что касается права на причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании, то оно выступает в качестве реализации социально полезного поведения [1, с. 2], и раскрывается наряду с Постановлением Пленума и в других нормативно-правовых актах: в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ “О полиции”, Федеральном законе “О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Фе-

дерации”, Федеральном законе “О государственной охране”, Таможенном кодексе Российской Федерации и др.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление” в отличие от предыдущего Постановления № 14 “О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств” разграничивает институты необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление.

Уже в преамбуле к Постановлению Пленум разъясняет с какой целью необходимо использовать данные институты уголовного права – обеспечение баланса интересов, связанных, с одной стороны, с реализацией задач уголовного законодательства, с другой стороны – с возможностью правомерного причинения вреда социальным ценностям. В отличие от предыдущего постановления, в новом отчетливо можно пронаблюдать идею компромисса, и недопустимости злоупотребления правом на защиту прав и свобод личности, охраняемых законом интересов общества и государства, интересов правосудия от общественно опасных посягательств [2, с. 5].

Закрепленный в Постановлении пункт 18 обращает внимание судов на признаки, отграничивающие вышеуказанные институты, закрепленные в ст. 37 и 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации соответственно.

Задержание лица, совершившего преступление, может производиться и при отсутствии непосредственной опасности совершения задерживаемым лицом общественно опасного посягательства. При этом задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений.

Если насилие в отношении правонарушителя применяется в других целях, например с целью расправы, мести, то и ответственность лицо будет нести как за преступление против личности. Задерживающий должен осознавать, что задержание реально только с помощью избранного им метода, и этот метод принесет наименьший вред.

Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживающего его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне, т.е. по ст. 37 Уголовного Кодекса Российской Федерации [4, п. 18, с. 4].

Новое постановление также устраняет недостатки ст. 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации, устанавливая, что право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении. Однако, положения ст. 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации могут быть применены в отно-

шении указанных лиц в случае причинения ими вреда при задержании лица, совершившего преступление [4, п. 19, с.4].

Как необходимая оборона, так и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление формируют правосознание граждан, дают им возможность противодействовать, участвовать в задержании преступников, что бесспорно сводится к взаимодействию их с правоохранительными органами с целью установления порядка. Также данные правовые институты подпитывают не закрепленный в Уголовном Кодексе Российской Федерации принцип неотвратимости ответственности, каждое лицо, совершившее преступление, сможет понести уголовную ответственность только после его задержания и доставления в органы власти [1, с. 5].

Таким образом, Пленум Верховного Суда внес необходимые разъяснения по правоприменительным вопросам. Однако институты необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление по-прежнему сталкиваются с проблемами на практике, учитывая опыт вынесения обвинительных приговоров в Российской Федерации, что затрудняет оправдательную процедуру и требует дальнейшего их изучения и исследования с помощью, например, подобного рода научного рассмотрения.

Список литературы

1. Гарбатович Д. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2013.
2. Егорова Н.А., Гордейчик С.А. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление.
3. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2014.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”.
5. Постановление Пленума № 14 “О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественноопасных посягательств”.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2014.

ПРОЦЕДУРА ОТКРЫТИЯ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сэруа В.С.

доцент кафедры теории и истории и истории государства и права
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматривается юридическая процедура открытия научного общества в до-революционной России (на примере юридических обществ). Автором анализируется законодательство об общественных организациях до 1906 года и практика его применения.

Ключевые слова: научное общество, статус общественной организации, «союзное законодательство», охранительная политика.

Общеизвестно, первые научные общества в России стали открываться середине XVIII века, когда за наукой было признано активное созидательное начало, необходимое для обеспечения общественного прогресса.

Научные общества как разновидность общественных организаций при своем открытии, прекращении деятельности и в ходе текущей работы также должны были следовать общим нормам так называемого «союзного» законодательства, которое получило определенное оформление только в начале XX века благодаря принятию 4 марта 1906 года «Временных правил об обществах и союзах». До его издания научная общественность и государственные органы, в ведении которых находились общественные организации, вынуждены были руководствоваться положениями из разных частей Полного Собрания Законов, отдельными нормативными актами и в большинстве случаев опираться на практику. Предшествующий изданию «Временных правил об обществах и союзах» период, по мнению Я.В.Свеклиной, следует рассматривать как время формирования предпосылок создания нормативной правовой базы организации и функционирования общественных организаций, так как именно тогда были заложены основные принципы и методы правового регулирования общественных организаций [1, С.170].

Основой законодательства, действовавшего до 1906 года в отношении общественных организаций, являлись положения Устава о предупреждении и пресечении преступлений (ст.ст.116-118), в свою очередь воспроизводившие нормы Устава благочиния или полицейского от 8 апреля 1782 года [2, С.324]. Из немногочисленных норм Устава, посвященных самодеятельным объединениям, вырисовывался нечеткий образ общественных организаций. Государство предоставило частному лицу право «зачинать или заводить общество» в форме общества, товарищества, братства или иных подобных образований и, кроме того, возложило на Управу благочиния обязанность охранять такое общество, «вред, ущерб и убыток отвращая от них при удобном случае» (ст.64), пытаясь создать гарантии нормальной деятельности самодеятельных организаций. Для образования общества (общественной организации) необходимо было согласие специального государственного органа – Управы благочиния: правильно созданным обществом будет считаться общество «законом утвержденное». Однозначно трактуемым является установленный для создания обществ разрешительный или концессионный порядок, согласно которому общества может быть учреждено только с предварительного разрешения правительства. Понятие «законности» утверждения организации, совершенно справедливо названной в качестве условия признания общественной организации легальной, представляется весьма размытым, что допускает опасную вариативность применения означенных положений. Естественно, что при столь скудном специальном законодательстве, значительную роль в регулировании положения общественных организаций начинают играть сложившиеся на практике традиции и нормы общих юридических актов: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, шестая глава которого посвящена противозаконным сообществам; Свод губернаторских

учреждений, зафиксировавший право губернатора закрыть своей властью собрания разных обществ в определенных случаях и т.д.

Буквальная реализация формулы «законом утверждённое общество» на деле означала длительное утверждение устава императором и обусловила необходимость оптимизации процедуры создания обществ. Это выразилось в том, что во второй половине XIX века функции утверждения уставных документов обществ были переданы от императора к министрам, в ведении которых лежали предметы деятельности обществ. Пореформенное время внесло в процесс создания обществ искомые упрощение и, как следствие, ускорение. Вместе с тем, по-прежнему запутанным и неясным, ввиду отсутствия законодательного закрепления, представлялся для желающих открыть общество сам путь официального рождения организации: содержание и последовательность действий учредителей; чёткий и полный круг государственных органов, в чьем ведении находился вопрос утверждения общества; перечень обязательных документов и требования к ним; правила будущей деятельности.

Научные общества относились к особому разряду общественных организаций, что сделало возможным двойной путь их образования. Так, научное общество могло организоваться посредством объединения заинтересованных лиц самостоятельно, так сказать в «свободном пространстве», без принадлежности к уже существующей государственной структуре. Вторым вариантом – открытие научного общества при высшем учебном заведении, где сосредотачивались основные научные силы страны. Эта возможность официально была предусмотрена Университетским Уставом 1803–1804 г.г., и к началу XX века каждый из российских университетов имел сеть научных обществ, специализация последних, как правило, соответствовала определенным факультетам.

Теоретическая модель процесса юридического оформления научных обществ юридического направления воплотилась в исторических реалиях образования обществ. Дальнейшему рассмотрению подлежит открытие научного юридического общества вне учебного заведения. Так, история учреждения в Туле общества «Юридические беседы» показывает процесс образования юридических обществ в период до 1906 года вне учебного заведения. «Рождение» «Юридических бесед» длилось почти два с половиной года. Поданные документы тульский губернатор представил на рассмотрение в Министерство внутренних дел, сопроводив их собственным положительным отзывом [3, л.2]. Учредительные документы находились в Департаменте общих дел МВД около десяти дней, после чего были отправлены в Министерство юстиции для изучения юристами-профессионалами. Через две недели проект Устава и другие бумаги вернулись с сопроводительным письмом Министра юстиции Н.В.Муравьева, в котором сообщалось о невозможности одобрить данный устав по причине неопределенности программы деятельности общества [3, л.14]. Именно этот довод стал лейтмотивом отказа министерством внутренних дел в утверждении общества «Юридические беседы». В отпуске №585 товарищ министра внутренних дел, сенатор Дурново, ссылаясь на расплывчатость целей общества «не признает возможным утвердить представ-

ленный Устав в его настоящей редакции и предлагает учредителям выработать более последовательный Устав» [3, л.16]. Спустя восемь месяцев, в ноябре 1902 года, тульский губернатор предоставляет в Министерство внутренних дел новый измененный вариант Устава общества «Юридические беседы». Устав повторил свой прежний путь из МВД в Минюст, откуда вернулся с положительным заключением [3, л.19]. Получив одобрение из центрального отраслевого органа, министерство внутренних дел обратилось в Департамент полиции с просьбой дать заключение по делу об утверждении Устава. В этом органе учредительные документы изучались два месяца, и в середине февраля был получен в принципе положительный ответ, но с указанием на необходимость внесения дополнения в Устав о праве губернатора закрывать общее собрание общества в силу ст.321 т.II Общ. Губ. Учреждения изд.1892 года [3, л.21]. После внесения в проект требуемого положения, Устав тульского общества «Юридические беседы» был утвержден Министром внутренних дел 8 июля 1903 года [3, л.32]. Процедура утверждения Устава тульского юридического общества указывает на сложный многоуровневый характер процесса придания юридического статуса общественной организации. На поверхности, открыто в этой процедуре были задействованы губернатор и Министр внутренних дел, в ведении которого предполагалось состоять обществу. В реальности же, о чём красноречиво свидетельствует переписка между государственными органами, к решению вопроса об открытии учёного общества юридического профиля были подключены Министерство юстиции и Департамент полиции. Причем их участие не было формальным. Вето, наложенное министерством юстиции, послужило основанием для возвращения документов учредителям на переработку. Внесённое департаментом полиции дополнение в проект устава определяется не как предложение, а как обязательное требование, от исполнения которого зависит судьба устава, а значит и общества. Окончательный ответ МВД, уже от своего имени, представило только после одобрения обозначенными инстанциями учредительных документов.

Говоря об открытии юридических обществ, нельзя упускать из виду действие субъективных факторов, способных оказать значительное влияние на длительность и конечный исход дела. Показательным в данном отношении является пример из истории Кавказского юридического общества, официальная процедура утверждения устава которого заняла всего три недели. Отсутствие волокиты и быстрота процесса объясняется проявленной личной заинтересованностью и сочувствием к идее создания общества со стороны барона А.П.Николаи – Начальника Главного Управления Наместника Кавказского. При первой же встрече с одним из организаторов общества В.А.Андреевым барон А.П.Николаи одобрил и выказал готовность содействовать этому начинанию. Представленное впоследствии В.А.Андреевым подробное письмо с проектом было в кратчайшие сроки рассмотрено и уже 27 апреля 1873 года устав кавказского юридического общества утверждён [4, С.8]. Исследование порядка юридического оформления научных обществ до 1906 года свидетельствует о том, что официальная картина юридического

оформления общества не отличается особой сложностью композиции (ходатайство, проект устава подавались губернатору, а от него или через попечителя учебного округа в центральный отраслевой орган). На практике к решению вопроса об участии общественности в научной жизни страны была привлечена вся государственная машина в лице губернатора, местных органов общей и политической полиции, министра.

Таким образом, отечественное законодательство до 1906 года в отношении общественных организаций в части порядка их открытия обладало следующими характеристиками: во-первых, нормы об общественных организациях разбросаны по разным документам и включались в состав законодательных актов, регламентирующих деятельность административных органов и уголовную сферу; во-вторых, в количественном отношении нормы запретительного характера преобладают над позитивными правилами и, в-третьих, содержательное наполнение юридических норм об обществах свидетельствует о чисто охранительном подходе государства к самодеятельным организациям научного направления.

Список литературы

1. Свеклина Я.В. Формирование предпосылок юридического закрепления общественных организаций в дореволюционной России // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – С.170 – 173.
2. Законодательство X – XX в.в. в 9 т./ Под общей редакцией О.И. Чистякова. т.4 Законодательство периода расцвета абсолютизма. / Отв. ред. Е.И. Индова. М., 1986. С.324 – 400.
3. РГИА. Ф.1284, оп. 188, 1902 г., д.411.
4. Френкель А.С. Краткий обзор деятельности Кавказского юридического общества за 1873–1898 г.г./Протоколы заседаний Кавказского общества за 1898 г. Приложение к Протоколу №56. С.4-10.

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ПРАВА СТОРОНАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Усанова М.А.

магистр,

Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов

Применимое право – важнейший институт международного частного права. В данной статье приведены особенности выбора права сторонами в международном коммерческом арбитраже, выделенные на основе исследования.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, применимое право, стороны.

Значение применимого права играет важную роль в международном коммерческом арбитраже. Под применимым правом понимаются нормы права, содержащиеся в нормативных актах национального законодательства, международно-правовых актах, международных обычаях, которые стороны

выбирают по взаимному согласию для разрешения спора по существу. Применимое право является существенным условием арбитражного соглашения, так как предопределяет дальнейшие обязательственные правоотношения сторон. В своих работах М.Г. Розенберг отмечал, что вопрос о применимом праве к конкретным отношениям признается узловым.

При вынесении решения арбитраж руководствуется, прежде всего, волей сторон, выраженной в контракте, торговыми и деловыми обычаями, а также практикой, сложившейся в международном коммерческом обороте. Важно отметить, что коллизионный метод установления применимого права в данном случае отодвигается на второй план. Абз. 2 п. 1 ст. 1186 ГК РФ предусматривает, что особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже. Согласно п. 1 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» арбитраж разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора [1]. При отсутствии какого-либо указания сторон арбитраж применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми.

Подобные положения закреплены во многих международных договорах, национальных законах иностранных государств и арбитражных регламентах. Например, п. 1 ст. VII Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г. предусматривает, что стороны могут по своему усмотрению устанавливать с общего согласия право, подлежащее применению арбитрами при решении спора по существу [2]; в соответствии с п. 1 ст. 28 Типового Закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже арбитражный суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора [3]; п. 1 ст. 17 Регламента Арбитражного суда при Международной торговой палате устанавливает, что стороны спора вправе согласовать нормы права, которые будут применяться арбитражем при разрешении дела по существу. Следует учесть, что в большинстве актов оговаривается, что любое указание на право или систему права какого-либо государства понимается как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам.

Также стоит обратить внимания на то, что в некоторых документах говорится о «праве, выбранном сторонами», в других – о «нормах права, выбранных сторонами». Многие исследователи сходятся во мнении, что столь незначительное, на первый взгляд, расхождение в формулировке имеет крайне важное значение. При согласовании «норм права» выбор сторон может быть сделан не только в пользу норм национального права конкретного государства, но и норм международных договоров, единообразных законов, а также норм *lex mercatoria* и общих принципов права [4, с. 18-19].

В соответствии с п. 2 ст. 1210 ГК РФ соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно

определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела.

Положения сторон о применении права определенного государства должны быть, во-первых, ясными и недвусмысленными; во-вторых, они не должны вызывать проблем при установлении автономии воли по умолчанию [5, с. 322].

Арбитраж устанавливает наличие соглашения о применимом праве без каких-либо проблем, если оно прямо выражено сторонами. Такое соглашение обычно входит в состав договора.

Существуют несколько способов оформления соглашения о применимом праве. Во-первых, соглашение об определении применимого права включается в текст основного договора, который должен регулироваться правом, определенным в соглашении. Во-вторых, соглашение может отсылать посредством коллизионной нормы, которая содержит решение о применимом праве, к праву определенного государства. В-третьих, воля сторон договора в выборе применимого права может проявляться в определенных действиях. Если воля сторон не представлена, т.е. не определена, то соглашение о выборе права будет отсутствовать и применимое право будут определять коллизионные нормы.

Очень часто стороны упускают возможность конкретно определить в договоре применимое право, и в этом случае, исходя из совокупности обстоятельств договорного правоотношения, необходимо сделать вывод о том, право какого государства стороны имели в виду.

Как показывает практика, бывают случаи, когда стороны изначально не определяли в качестве применимого права конкретного государства, а лишь указывали критерии его определения в случае возникновения спора. Например, в деле между российской организацией и румынским предприятием при рассмотрении вопроса о применимом праве международный коммерческий арбитражный суд установил, что стороны в основном контракте достигли следующего соглашения по вопросу о применимом праве: «Применимое право – в зависимости от места рассмотрения споров». Поскольку местом рассмотрения спора в данном случае являлась Российская Федерация, состав арбитража заключил, что спор подлежит урегулированию в соответствии с материальным правом Российской Федерации.

В другом споре, рассмотренном международным коммерческим арбитражным судом, было установлено, что контракт предусматривает, что «при рассмотрении споров приоритетным является материальное право страны истца в части, не противоречащей нормам международного законодательства». Так как истцом в данном споре выступало российское предприятие, применимым было признано материальное право Российской Федерации. Такой подход к определению применимого права, безусловно, возможен, но является нежелательным из-за отсутствия правовой определенности на момент исполнения обязательств – стороны не знают, какое право рассматривать в качестве применимого. Кроме того, применимое право, по сути, оказывается случайным и непредсказуемым – все зависит от того, кто первым подаст иск.

В то же время может оказаться, что право страны истца будет весьма невыгодным для него в плане предъявления и удовлетворения требований, а это может привести к неблагоприятным последствиям, например, затягиванием инициации разбирательства спора или даже отказа от него.

Из всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что принцип автономии воли сторон является первостепенным критерием при определении применимого права международным коммерческим арбитражем. Для успешного разрешения спора стороны должны конкретно определить в договоре применимое право.

Список литературы

1. О международном коммерческом арбитраже: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338_1 // Рос. газ. 1993. 14 авг.
2. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21. 04. 1961 г.) // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 1993. № 10.
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г.) // Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
4. Бардина М. П. Особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем // Международное публичное и частное право. 2003. № 5. С. 18–19.
5. Бендевский Т. Международное частное право: Учебн. / Пер. с макед. С.Ю. Клейн; отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2005. С. 322.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ханина А.Н.

аспирант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Саратов

На основе анализа действующего законодательства, научных статей автор констатирует отсутствие правового регулирования порядка привлечения к административной ответственности указанных лиц. Актуальность проблемы подтверждена рядом законодательных инициатив в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, направленных на установление порядка привлечения депутатов к административной ответственности, в частности, процессуальных гарантий для них как для лиц, выполняющих определенные государственные функции. Проанализирована степень изучения проблемы в науке, реализация положений действующего законодательства в правоприменительной практике, исследованы точки зрения юристов-практиков, принимающих непосредственное участие в разработке и

принятии законодательных актов, выявлены проблемы, возникающие при регламентации процедуры привлечения депутатов к административной ответственности. Автором статьи сформулированы предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: депутат, административная ответственность.

Анализ федерального законодательства позволил констатировать отсутствие нормативного закрепления порядка привлечения депутатов законодательных (представительных) органов субъекта Российской Федерации, представительных органов местного самоуправления (далее – депутат) к административной ответственности.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Кодекс), федеральные законы отсылают к иному законодательству Российской Федерации. При этом ни один из нормативных правовых актов федерального уровня не содержит норм, предусматривающих особый порядок привлечения депутатов к административной ответственности [24].

Конституция Российской Федерации и некоторые федеральные законы в определенных случаях предусматривают особые условия привлечения к административной ответственности лиц, обладающих специальным правовым статусом (депутаты, судьи, прокуроры и иные лица) [2, 3, 4]. Специальная процедура привлечения к административной ответственности кандидатов на выборные должности, членов избирательных комиссий (комиссий референдума) установлена в законодательстве о выборах и референдумах [6].

Позиция судов по вопросу отсутствия особого порядка привлечения к административной ответственности различна.

Ряд судебных органов полагает, что если особый порядок в отношении депутатов законодательством не предусмотрен, следовательно, он и не может быть применен и, соответственно, нарушен [11, 15, 21].

В то же время суд указывает, что разрешение вопроса о привлечении депутата к административной ответственности должно осуществляться с учетом положений части 2 статьи 1.4 Кодекса и соответствующего Федерального закона [20].

Что касается зарегистрированного кандидата в депутаты, то он не может быть привлечен к административной ответственности без согласия прокурора соответственно уровню выборов.

О наличии пробела в законодательстве и целесообразности его устранения свидетельствует также ряд законодательных инициатив субъектов права законодательной инициативы в Государственной Думе (проект федерального закона № 94255-6 «О внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; проект федерального закона № 398465-3 «О внесении дополнения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; проект федерального закона № 448492-6 «О внесении изменения в статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации»; проект федерального закона № 400430-6 «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации») [25].

И это обоснованно, поскольку зарегистрированный кандидат, баллотирующийся в представительные органы, впоследствии став депутатом, теряет предусмотренную законом гарантию, а вместе с ней и возможность беспрепятственного осуществления своих полномочий. Таким образом, потенциально снижается независимость и самостоятельность депутата.

Анализ мнений юристов, непосредственно принимающих участие в разработке и принятии законодательных актов, не позволил однозначно ответить на вопрос, в какой из законодательных актов и какие изменения должны быть внесены для устранения существующего правового пробела в отношении порядка привлечения депутатов к административной ответственности. Некоторые из них считают, что он должен быть закреплён в главе 2 Общей части Кодекса, которая формулирует особенности статуса отдельной категории возможных субъектов правонарушений. По мнению других, указанные отношения не являются предметом Кодекса и должны регулироваться специальным федеральным законом. Отмечается, что деятельность депутатов, как правило, осуществляется на территории того муниципального образования, того субъекта Российской Федерации, где было избрано соответствующее лицо, в связи с чем вызывает сомнения правомерность действия гарантий за пределами указанных территорий [25].

В юридической науке вопрос отсутствия порядка привлечения указанных лиц к административной ответственности часто рассматривается в рамках исследования вопроса депутатской неприкосновенности. Коновалова Л.Г., Жданов Н.М., Винокуров А.Ю. пришли к выводу о том, что вопрос административно-правовой неприкосновенности депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, представительных органов местного самоуправления должен регулироваться Кодексом [24, 23, 22].

Учитывая, что не все депутаты осуществляют свою деятельность на постоянной основе, то есть ряд лиц, являясь депутатами, осуществляют при этом предпринимательскую и иную деятельность, а также соглашаясь с мнением Жданова Н.М. [23], полагаем, что особый порядок привлечения к административной ответственности депутатов необходим, но только в части осуществления ими депутатской деятельности. Это даст возможность соблюсти принцип равноправия и избежать злоупотребления со стороны лиц, являющихся депутатами и при этом осуществляющих предпринимательскую и иную деятельность.

Следовательно, говорить о сохранении гарантии зарегистрированного кандидата депутату уровня субъектов Российской Федерации, муниципальных образований во всех случаях привлечения к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без

«привязки» к осуществлению депутатских полномочий не совсем правильно. Представляется, что гарантия зарегистрированному кандидату предоставлена законом в целях беспрепятственной реализации им права быть избранным, в то время как депутату гарантия необходима как лицу, выполняющему определенные государственные функции.

Прокурор в случае дачи своего согласия выступит гарантом соблюдения административным органом порядка привлечения к административной ответственности, процессуальных норм.

Очевидно, что рассмотренный вопрос требует законодательного регулирования с учетом особенностей правового статуса депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, представительных органов местного самоуправления. Представляется правильным предусмотреть в Кодексе гарантию в виде согласия прокурора соответствующего уровня при привлечении депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации, представительных органов местного самоуправления к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, за правонарушения, совершенные депутатами в связи с осуществлением ими своих полномочий.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в ред. от 31 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1; 2015. № 1 (часть 1). Ст. 85.

2. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (в ред. от 22 декабря 2014 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2014. № 52 (часть 1). Ст. 7538.

3. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (в ред. от 22 декабря 2014 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (часть 1). Ст. 7546.

4. Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74; 2014. № 30 (часть 1). Ст. 4217.

5. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2014 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2014. № 45. Ст. 6138.

6. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (в ред. от 24 ноября 2014 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2014. № 48. Ст. 6636.

7. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2014 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2015. № 1 (часть 1). Ст. 9.

8. Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2014 г.) «О контроле за соответствием лиц, замещающих государственные должности, и иных

лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6953; 2014. № 52 (часть 1). Ст. 7542.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2002 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П.Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 16. Ст. 1601.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Губернатора Эвенкийского автономного округа о проверке конституционности положений статьи 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5.

11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 13-АД13-10 // СПС «Консультант Плюс».

12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2014 года № 4-АД-14-3 // СПС «Консультант Плюс».

13. Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской Республики по рассмотрению дел об административных правонарушениях за I полугодие 2011 года // Судебный вестник Чувашии. 2012. № 2-3.

14. Постановление Кировского областного суда от 17 ноября 2011 года № 7-А-421/2011 // СПС «Консультант Плюс».

15. Постановление Московского городского суда от 6 декабря 2013 года № 4а-2559/13 // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Ивановского областного суда от 13 февраля 2014 года № 4а-19/14 // СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление Саратовского областного суда от 25 марта 2014 года по делу № 4А-170/2014 // СПС «Консультант Плюс».

18. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2012 года по делу № А07-18990/2011 // СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05 декабря 2012 года по делу № А71-10988/2012 // СПС «Консультант Плюс».

20. Решение Московского городского суда от 24 июня 2013 года по делу № 7-1425 // СПС «Консультант Плюс».

21. Решение Московского городского суда от 28 февраля 2014 года по делу № 7-1105/14 // СПС «Консультант Плюс».

22. Винокуров А.Ю. Участие прокурора в административном преследовании должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Административное и муниципальное право. 2013. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

23. Жданов Н.М. Об административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Административное право и процесс. 2013. № 9 // СПС «Консультант Плюс».

24. Коновалова Л.Г. Иммунитет депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 6 // СПС «Консультант Плюс».

25. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law>.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЕЙ 285 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хрипушин Э.Н.

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров по кафедре уголовного права Академии права и управления ФСИН России, Россия, г. Рязань

Кочедыков С.С.

начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, к-т тех. наук, Россия, г. Воронеж

В статье раскрывается понятийная база, сущность и значение непосредственного объекта злоупотребления должностными полномочиями при квалификации преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: непосредственный объект, законодательство, сотрудники уголовно-исполнительной системы ФСИН России, уголовная политика, злоупотребление должностными полномочиями, должностные лица, корыстная заинтересованность.

Значение объекта преступления в науке уголовного права и на практике достаточно велико. Учение об объекте преступления остается на сегодняшний день одним из самых консервативных институтов в науке уголовного права. В немалой степени это связано с тем, что объект преступления является одним из основных элементов состава преступления, а также одним из сложных и противоречивых институтов уголовно-правовой науки.

На сегодняшний день в теории уголовного права многие положения относительно общего определения и содержания объекта преступления продолжают оставаться дискуссионными. В доктрине уголовного права из всего разнообразия позиций относительно понимания объекта преступления наиболее устоявшейся является теория общественного отношения. Несмотря на свою распространенность и признание, данная теория имеет как своих сторонников, так и противников.

Не вдаваясь в рамках статьи в суть дискуссии относительно понимания родового и видового объектов преступлений, нам бы хотелось остановиться на непосредственном объекте такого состава преступления, как злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК). Так как именно его содержание имеет непосредственное значение при юридической оценке исследуемых деяний, совершаемых в различных сферах деятельности органов государственной власти, в том числе и уголовно-исполнительной системе (УИС).

Например, к непосредственному объекту злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) относят общественные отношения,

обеспечивающие нормальное функционирование и авторитет отдельных звеньев государственного аппарата, органов местного самоуправления. Конкретизируя непосредственный объект ст. 285 УК РФ применительно к деяниям сотрудников уголовно-исполнительной системы, следует понимать общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности (безопасности) личности, общества и государства от угроз в связи с нарушением установленных полномочий должностными лицами УИС России, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение и поддержание авторитета государства для его граждан, позволяющего эффективно реализовывать функции властвования и управления через систему учреждений и органов ФСИН России.

Данные преступления препятствуют выполнению задач сотрудниками УИС, нарушают порядок их работы, регламентированный нормами закона от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими нормативными актами. Таким образом, нормальная деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, безусловно, представляет собой общественное отношение, охраняемое уголовным законом, в связи с чем и должно рассматриваться в качестве основного непосредственного объекта анализируемого преступления. Данные деяния подрывают также и авторитет уголовно-исполнительной системы, в результате чего многие граждане не верят в возможность законного разрешения различных вопросов.

Тем не менее вряд ли можно рассчитывать на эффективную деятельность государственного органа, лишённого какого-либо авторитета в глазах населения. Поэтому авторитет Федеральной службы исполнения наказаний, безусловно, является одной из важнейших составляющих нормальной работы уголовно-исполнительной системы страны и, соответственно, входит в структуру основного непосредственного объекта анализируемого преступления.

Также в статье 285 УК РФ выделяется дополнительный объект – права и законные интересы граждан, организаций, общества и государства [1, с. 671].

В научной литературе можно встретить различные точки зрения относительно дополнительного объекта ст. 285 УК РФ, например, А. В. Наумов считает, что это «...конституционные права и свободы человека и гражданина, имущественные и иные экономические интересы граждан, организаций или государства» [2, с. 632]. При совершении такого преступления сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в качестве дополнительного объекта ст. 285 УК РФ обычно выступают имущественные интересы граждан и организаций, право граждан на доступ к правосудию, телесная неприкосновенность, здоровье и т. д. При этом считается, что наличие дополнительного объекта является обязательным, то есть он должен присутствовать в каждом таком составе, однако его конкретное содержание варьируется в зависимости от конкретной направленности того или иного деяния.

В юридической литературе ряд авторов считают, что помимо дополнительного необходимо выделить непосредственный факультативный объект. В уголовно-исполнительной системе – это общественные отношения, охраняющие

моральное и нравственное исправление осужденных. При этом отмечается, что если сам осужденный, находясь в системе исполнения наказаний, сталкивается не только с фактами должностных преступлений, связанных с превышением и злоупотреблением, но и, вовлекаясь в противоправные коррупционные связи, продолжает совершать преступления. В такой ситуации нельзя говорить о возможности исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Он не прекращает их совершать [3, с. 18].

На наш взгляд, указанные позиции вполне имеют право на существование, но в силу сложности названных социальных явлений (связей) и процессов, составляющих ядро общественных отношений, требуют основательного переосмысления с точки зрения учения об объекте преступления и механизма причинения ему вреда. Во-первых, особенности конструкции состава, предусмотренного ст. 285 УК РФ, позволяют утверждать, что никакого дополнительного непосредственного объекта при совершении указанного преступления нет и быть не может. Во-вторых, правильное функционирование службы в государственных учреждениях и органах, а также обеспечение прав и законных интересов гражданина или организации, законных интересов общества или государства рассматривать в отрыве друг от друга как содержание непосредственного объекта исследуемых составов невозможно.

Список литературы

1. Научно-практическое пособие по применению УК РФ [Текст] / под ред. В. М. Лебедева. – М., 2005. – 928 с.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право [Текст] : курс лекций : в 2 т. / А. В. Наумов. – Т. 2 : Особенная часть. – М., 2004. – 832 с.
3. Букалерева, Л. А. Коррупция в системе ФСИН / Л. А. Букалерева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 6. – С. 16–19.

ИНСТИТУТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Яковлев Н.А.

доцент кафедры аграрной экономики и права ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет», канд. с.-х. наук, доцент,
Россия, г. Орел

Раманова О.И.

студентка 4 курса экономического факультета
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет»,
Россия, г. Орел

В статье рассматривается формирование юридического понятия и содержание правового статуса института наблюдателей в российском избирательном процессе. Предлагаемые варианты способны устранить некоторые недостатки в области избирательного законодательства и сделать выборы в России более гласными и свободными.

Ключевые слова: гласность и свобода выбора, избирательное законодательство, правовой статус, наблюдатель, институт независимых наблюдателей.

Сегодня одним из наиболее острых вопросов в Российской Федерации является проблема упрочнения демократии в стране. Легитимность государственной и муниципальной власти прямо зависят от уровня активного гражданского населения, а также гласности и свободы выборов, которые в свою очередь напрямую зависят от контроля за их проведением со стороны гражданского общества и в частности наблюдателей.

Наблюдатели играют важную роль в избирательных правоотношениях. В современных условиях полномочия наблюдателей регулируются на законодательном уровне. Однако избирательное законодательство имеет ряд недостатков, ограничивающих возможность контролировать соблюдение законов в области избирательного права на таких важных этапах, как голосование и подведение результатов.

Правовой статус наблюдателей представляет собой «правовую конструкцию», объединяющую гражданство, дееспособность, права, обязанности, гарантии, запреты, ответственность. При этом общность целевого назначения и единство юридических свойств отражается в конституционной правосубъектности наблюдателя. [2, с. 258]

Сегодня правовой статус наблюдателя является частью института представительства других субъектов избирательного права. Именно поэтому, усовершенствовать правовой статус наблюдателей можно лишь по средствам создания полноценного института наблюдения на выборах, а не с помощью совершенствования института представительства.

Для успешного формирования института наблюдения (контроля) на выборах необходимо предоставить наблюдателям больше самостоятельности. В свою очередь, чтобы усилить самостоятельность наблюдателей необходимо создать институт независимых наблюдателей, который и станет огромной гарантией проведения открытых и гласных выборов.

Усиление самостоятельности национальных наблюдателей связано с необходимостью наделения их правом, в соответствии с законом, свободно не только собирать и получать информацию о ходе выборов, но и правом свободно распространять эту информацию [3, с.8]. Важно отметить, что в данном аспекте международным наблюдателям предоставляется больше полномочий, чем российским.

В рамках избирательных правоотношений субъективные права наблюдателей как элемент их юридического содержания преимущественно преломляются сквозь избирательные права граждан. Можно выделить целый ряд прав, который может быть присущ гражданам в рамках избирательных правоотношений: право обратиться в суд с заявлением о назначении выборов, право принять участие в работе избирательной комиссии, финансовом обеспечении избирательной кампании кандидатов и так далее. Таким образом, субъективные права наблюдателя не могут быть ограниченными, тем более по усмотрению тех субъектов избирательного права, интересы которых они представляют.

Согласно Федеральному закону № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Феде-

рации» субъекты Российской Федерации посредством собственных законов имеют полное право установить дополнительные гарантии избирательных прав граждан [1, с.2]. Однако, анализируя избирательное законодательство субъектов РФ, можно сделать вывод о том, что законодательные органы субъектов РФ не в полной мере пользуются возможностью наделять дополнительными полномочиями наблюдателей.

Необходимо так же более подробно разграничить статус наблюдателя и уполномоченного (доверенного) лица в законодательстве РФ с помощью развернутого определения субъекта избирательного процесса как носителя субъективных прав и обязанностей, связанных с подготовкой и проведением или наблюдением за подготовкой и проведением выборов в органы государственной власти и местного самоуправления [3, с.9]. При этом предлагаем проводить обязательное их обучение с целью повышения правовой грамотности в сфере избирательного права.

Считаем также необходимым принятие отдельного федерального закона, регулирующего деятельность иностранных (международных) наблюдателей в Российской Федерации, как самостоятельных субъектов избирательного процесса. Это позволит обеспечить более высокую прозрачность выборов с позиции норм международного права.

Таким образом, с помощью таких изменений в области избирательного законодательства выборы в Российской Федерации действительно станут на наш взгляд более свободными и признанные обществом.

Список литературы

1. Федеральному закону № 67 от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] /СПС КонсультантПлюс
2. Александрова Н.А. Конституционное (государственное) право России [Текст]: уч. пособие / Н.А. Александрова. – Саратов, 2012. – 258 с.
3. Ураев Н.Н. Конституционно-правовой статус наблюдателей в российском избирательном праве [Текст]: дис. на соиск. уч. ст. юр. наук /Н.Н.Ураев. – Казань, 2012. 18 с.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Кунец М.С.

слушатель магистратуры Сибирского института международных отношений и регионоведения, специалист в области МО,
Россия, г. Москва

В статье нестабильность системы международных отношений рассматривается как фактор влияющий на благополучное существование всего общества. Важным звеном в определении качества развития человечества является состояние стабильности в международной безопасности. Реформирование и модернизация важнейших организаций, обеспечивающих международную безопасность, под нужды современного общества, со временем, становится все более очевидным выходом в разрешении конфликтности международных отношений.

Ключевые слова: международная безопасность, международные организации, общество, либеральная демократия.

Проблема обеспечения международной безопасности является одной из основных среди существующих в области международных отношений и будет оставаться такой до тех пор, пока в мире существуют суверенные государства. На современном этапе международных отношений налицо видна неспособность или нежелание государств решить задачу построения устойчивой международной безопасности. Некоторый прогресс, наблюдаемый в этой области, был достигнут после Второй мировой войны, однако успехи были весьма относительными. Тем не менее, поскольку устойчивая международная безопасность представляет собой положительную альтернативу существующему характеру межгосударственных отношений, очевидно, что рано или поздно будут предприняты новые усилия по ее построению. Поэтому изучение данного явления международной жизни не утрачивает своей актуальности.

Тема международной безопасности становится все более значимой не только для отдельных государств или их региональных союзов, но и для всего мирового сообщества в целом. Международная безопасность – есть системообразующий фактор, влияющий на всеобщее развитие человечества. Главной причиной тому является то, что полноценное развитие общества невозможно без чувства личной безопасности каждого из его членов. Уровни безопасности варьируются в зависимости от использования термина безопасности – от безопасности личной до безопасности всеобщей. Связующим звеном в отображении различных объемов проявления безопасности является ее масштаб. В связи с этим самым масштабным видом проявления международной безопасности будет безопасность, проводимая на глобальном уровне. Такой уровень безопасности в своих проявлениях характерен для возможных угроз жизни человечеству в планетарном масштабе т.е. охватывающем все человеческое общество. Нельзя упускать из внимания менее масштабные, но

не менее важные уровни проявления безопасности – таких как региональный уровень – являющийся составной частью международной безопасности сконцентрированной на каком-либо конкретном регионе и национальный уровень – обеспечивающий гарантии неуязвимости основных, жизненно важных интересов – национального суверенитета, территориальной целостности государства-нации, защиты его населения.

Для того чтобы определить среду и состояние безопасности в мире необходимо понимать истоки происхождения самой опасности и причинно-следственную связь исторически возникающих проблем. Например, при анализе биполярной системы, была вероятность возникновения ядерной войны, что уже тогда не позиционировало существующую систему безопасности как стабильную. Или же тема «холодной войны» – к примеру, рассматриваемая как действительное противостояние различных мировоззренческих полюсов, где накопление воздействующих элементов стало причиной распада Советского Союза. В глобальном масштабе, это было неизбежным завершением противостояния между капиталистическим обществом и социалистическим в биполярной системе геополитических координат и как результат – поражение второго. С тех пор многое изменилось в связях между государствами, но система обеспечения безопасности межгосударственных отношений осталась прежней.

Победа общества капитала над обществом труда стала своего рода открытием новых горизонтов и возможностей для распространения ценностей одного общества в сторону другого. Полигоном для такого распространения стали страны Восточной Европы и все постсоветское пространство – именуемое СНГ. Средством распространения – либеральная демократия. Некоторые авторы обоснованно называют распространение таких ценностей – «либеральным джихадом» [3, с. 5], что соответствует проводимой политике со стороны Запада. Капиталистическая модель Западного мира, если рассматривать ее глобально, является определяющей в ведении стратегии однополярного доминирования. Такая модель сводит все отношения в обществе к приобретению своей собственной материальной и экономической выгоды отдельного индивида. В путях достижения такой выгоды не учитывается нынешнее состояние общества. Этим объясняется проведение заинтересованной политики, построенной на силовом вмешательстве извне либо тактики захвата достояния других государств. Отклоняя принципы международного права, политические представительства заинтересованных, именно в такой системе сторон, расширяют свое влияние средством применения силы в сторону несогласных, захватывая национальные источники доходов государств и устанавливая в них свои режимы. Среди них были – Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и др. Можно также с уверенностью утверждать, что именно капиталистические ценности стали причиной распространения многих негативных процессов. Либеральная идеология все продолжает яростно проповедовать под видом "священной свободы" освобожденность от морали низменных проявлений человеческой природы на ТВ, в кино и литературе, неустанно обрушиваясь на любые нравственные ограничения, восставая против религиоз-

ного воспитания [2, с. 39]. Неудивительно, что в таком обществе свобода понимается не как свобода от всякого насилия, а как свобода совершать любое беззаконие и насилие. Влияние такой модели развития на сознание индивида в системе международных отношений порождает общество так называемых «потребителей земли» и все это происходит в эпоху глобализации.

Глобализация – это слияние национальных экономик в единую общемировую систему [4, с. 28]. Под эпохой глобализации предполагается то время, с которого началось активное расширение и углубление социальных связей между государствами, их институтами и народами, до сегодняшних дней. Глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами государств и создание транснациональных систем [5, с. 5]. Но когда процессы глобализации активно используются США и странами НАТО в своих интересах в ущерб другим государствам, то такой термин имеет немного иное название – глобализм. Глобализм – способ доминирования США над остальным миром. В точности также как капиталистическая модель не учитывает интересы всего общества, останавливаясь лишь на индивидуальной выгоде какого-либо субъекта, так и глобализм не считается с национальными интересами государств, возвышая сугубо личную экономическую и политическую выгоду стран конкретного блока. Факторами, обеспечивающими политику глобализма стали – военная и экономическая мощь США, а также доминирование в СМИ.

Интеграционные проекты в своем существовании не ограничиваются глобализацией и ее негативным исключительно Западным вариантом глобализмом. Идеологией предполагаемого нового мирового порядка всеобщей интеграции, в котором не будет места государственным границам, ограниченности влияния финансовых рынков, национальной политике как и национальной идентичности, – является мондиализм. Мондиализм можно рассматривать как проект по установлению единого мирового правительства. В наше время институты идеологии мондиализма являются надгосударственными органами и представляют из себя закрытые сессии определенных богатейших и влиятельнейших собраний среди лиц из различных государств. Основные органы, представляющие сегодня мировое правительство – Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия. В некотором смысле, мондиализм представляет собой противоположность дифференциации, настаивает на отмене качественных характеристик, лежащих в основе культурной, национальной, и цивилизационной самоидентификации людей. Мондиализм есть не преодоление геополитики, но отрицание геополитики, а также кратополитики, и даже этно-государственной принадлежности [1, с. 1].

В последнее десятилетие актуальным вопросом является вопрос о том – что же теперь представляет собой система международной безопасности и даже является ли ее структура положительной составляющей по отношению к интересам суверенных стран. Сегодня, система действует лишь при условии возникновения международных разногласий или споров, в то время когда воздействие на стороны конфликта должно происходить в полной мере еще до возникновения проблемной ситуации, а именно на этапе ее первоначальной

чального зарождения. Поэтому среди исследователей и специалистов в области международных отношений всё чаще идет речь не об изменениях существующей, а о формировании кардинально новой системы. Системы, работающей не с последствиями, а с истоками возникновения проблемных ситуаций, требующих особого внимания; системы способной к опережающему негативные последствия адекватному ответу на все современные требования человечества; настроенной воспринимать изменения общества и в нужное время должным образом реагировать на их появление; иметь возможность останавливать распространение угроз безопасности и стабильности миру; обеспечивать мирное взаимодействие и сосуществование всех государств планеты; готовой взять на себя ответственность за продвижение идеи укрепления межгосударственных связей и всеобщей кооперации во благо каждого из членов системы. Такая система должна была бы сочетать в себе такие качества, как: независимость от внешних финансовых и идеологических обстоятельств, а также от желаний отдельных представителей в принятии решений, препятствующих императивам человечества; отсутствие коалиционных объединений в лице государств, выступающих за сугубо личные интересы; наличие эволюционной гибкости во временном континууме, для возможности своевременной модернизации системы под конкретный исторический момент; наличие реальных рычагов управления финансовой составляющей международного сообщества для противодействия случаям возникновения экономических кризисов или ликвидации их последствий; законное право контроля за работой и ее направлениями в необходимых ведомствах, обеспечивающих мирное урегулирование конфликтов; надежность и ответственность перед человечеством в выполнении своих первоочередных и основных обязательств. С такими качествами, система могла бы существовать в главной роли по корректировке среды и по сохранению баланса сил в международной безопасности, устраняя своим наличием верховенство отдельных структур и их объединений, смещая интересы их представителей в сторону естественных интересов по улучшению качества жизни всего мирового сообщества. Помимо этого необходимо, чтобы система, обеспечивающая порядок в международных отношениях и соблюдение безопасности во всём мире, не была разделенной на отдельные территориальные интересы. Это, в свою очередь, позволило бы усилить общую тенденцию к благоприятному развитию всех общественных связей как внутри государств так и снаружи, обезопасив главные структурные области незащищенных наций без навязывания сильными государствами отдельных систематических смыслов слабым. Проявлениями же таких смыслов, на примере последних событий новейшей истории, может быть как трактуемая сугубо в своих интересах демократия стран носителей, так и применение финансовых санкций альянсами таких стран в отношении не подчиняемых их позициям государств. Не исключены и другие стратегии в навязывании своих взглядов одними представителями другим. Все это приводит к неординарному процессу по локальной или же региональной дестабилизации конкретной цели и ухудшает без того бедственное положение состояния международной безопасности.

Исключение фактора по использованию одного государства другим должно являться основосодержащим принципом новой системы международной безопасности. Равенство народов и учет интересов каждого государства необходимо воспроизводить не только документально, но и на деле. Чтобы это произошло, необходимо отказаться от навязываемых в ходе истории причин для проявления нацизма или национализма отдельными нациями в отношении других. Однако такой отказ не должен означать отказ от расовых признаков народа, к которому человек принадлежит, поскольку известно, что единственный верный и наиболее спокойный путь его развития возможен только в обществе себе подобных – именно там, где нет места причинам раздражения и беспокойства за расовую идентичность. Значит, новая и стабильная система должна быть сосредоточена на естественных императивах человечества, что также является отказом от личных принципов или притязаний отдельных наций на главенство среди остальных и дальнейшую их интеграцию по расовому признаку в общие структурные объединения.

Сегодня, многие государства не готовы самостоятельно проводить необходимые операции по ограничению своей структуры от негативных последствий международной политики. С одной стороны – обязанность быть частью мировой системы толкает их на многостороннее взаимодействие с международным сообществом, с другой – такое взаимодействие определенно ограничивает возможность государств сохранить свой вектор развития. Некоторые государства, страдающие неполнотой своих полномочий ввиду влияния на них извне, не могут дать защиту национальным интересам внутри страны. Сегодня во многих странах у людей вообще нет гарантий, что они каким-то образом защищены. Тогда о чём же можно вести речь в различных общественных и наднациональных структурах, таких как ООН, НАТО и др.? Именно в их функции входят задачи поддержания мировой стабильности, а также защита национальных государств от посягательств на них различных структур. О какой безопасности они неустанно твердят человечеству? В конце концов вопрос, требующий четкого ответа, – может ли человек доверять им и быть уверенным в том, что сегодня такие организации надежно охраняют его, его семью, нацию, государство? События, происходящие в мире, подтверждают обоснованность отрицательного ответа. Периодические войны, локальные конфликты, национальные проблемы, существование заговоров, коалиции и прочие неподвластные международным организациям события являются конкретными аргументами в пользу неспособности их в разрешении конкретных задач, а значит, и несоответствии заявленным требованиям общества. Наличие существенных недостатков, таких как не реформирование институтов начиная с начала их существования, направленность действия только в категории созданной системы, отрицание факторов контролирующей политику международных организаций извне и др. лежит в основе их неспособности противодействия проблемам и угрозам человечеству.

Неспособность международных организаций, отвечающих за безопасность, противостоять возникающим угрозам, всё чаще проявляется в жизни. Происходящие в мире события, такие как периодические революционные

движения или же масштабные восстания и дальнейшие перевороты в еще не обозначенных внешним влиянием государствах, определенно говорят о наличии конкретных сбоек в системе международных отношений. А значит, и о дестабилизации баланса международной безопасности. Таким образом, усматривается наличие негативной надстройки международной системы безопасности, обеспечение которой происходит в интересах отдельных сторон. Это, в свою очередь говорит о том, что, во-первых – существует структура, заинтересованная именно в таком обеспечении, во-вторых, система обеспечения международной безопасности выстроена именно под интересы такой структуры, и третье – самое важное – никакие международные институты не способны в реальности обеспечить безопасность государств, наций, а значит и всего мирового сообщества. В такой системе, помимо отсутствия равенства между государствами, отсутствует равенство между людьми, где отдельные представители одних взглядов считают себя выше по отношению к другим, и это всячески поощряется различными общественными институтами; отсутствует личная свобода и свобода выбора – где отношения построены на поклонении одним во благо других, что образует собой рабство или эксплуатацию человека государством и человека человеком; отсутствует или приводит к искусственному отсутствию коллективности – где люди разделены между собой различными интересами, в корне противопоставленными друг другу. В такой системе за ширмой войн и дестабилизации международной безопасности усматривается не что иное, как активная стадия структурного процесса "разделения и властвования".

Мир в наши дни находится не в самом позитивном и стабильно развивающемся положении. Экономические кризисы, революции, локальные конфликты и интеграционные идеологии требуют адекватного ответа со стороны международного сообщества. Необходим совместный подход стран в нахождении путей по выходу из сложившейся системы противоречий, угрожающих не только национальным интересам некоторых из государств или идентичности народов, но и состоянию безопасности во всем мире. Выходом может быть как реформирование основных институтов международных экономических, миротворческих и конфликто-разрешающих организаций под запросы современного мироустройства (ООН, НАТО, ВТО и др.) так и создание новых форм и проектов для поддержания благоприятного мирового порядка.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Конспирология [Электронный ресурс]/ А. Дугин – режим доступа: http://allconspirology.org/books/Aleksandr-Dugin_Konspirologiya/156.
2. Нарочницкая Н.А. Русский мир. Спб.: Алатайя, 2007. 304 с.
3. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М., 2003. 560 с.
4. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление – Свободная мысль – XXI. № II., 2000. С. 28.
5. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М., 2002. 208 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ДИАЛОГА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Панова Е.С.

аспирант кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, ассистент кафедры аграрной экономики и права Орловского государственного аграрного университета, Россия, г. Орёл

В статье раскрываются особенности демократизации политической системы общества современной России. Автор указывает на необходимость поиска конструктивного диалога гражданского общества и государства. Формулируется вывод о том, что реализация прав, свобод и законных гражданских интересов является актуальной темой для осуществления такого диалога. Автор рассматривает возможности его расширения посредством использования разнообразных политических практик.

Ключевые слова: власть, государство, гражданское общество, демократия, политическая система общества, права и свободы личности, законные гражданские интересы.

Современная российская действительность предоставляет обширный материал для научных исследований различной направленности. Несмотря на широкий спектр существующих мнений, большинство учёных приходит к выводу о формировании политической системы демократического типа. Ключевой вопрос заключается в том, какая именно демократическая модель представляется наиболее приемлемой в современных условиях политической модернизации.

В некоторой степени мы разделяем точку зрения О.В. Малаховой, которая указывает на целесообразность применения сетевого подхода к выстраиванию взаимоотношений гражданского общества и государства, в рамках которого вокруг государства, как института, обладающего большим объёмом властных ресурсов, формируются устойчивые сетевые структуры гражданского общества. При этом акторы вовлечены в различные взаимодействия, что способствует реализации не только множества интересов, но и общего интереса [4, с. 68].

В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на необходимость согласования общественно значимых интересов граждан, институтов гражданского общества, структур государственной власти и органов местного самоуправления в процессе такого взаимодействия.

Трудно не согласиться с мнением В.В. Гриба, который подчёркивает наличие «дефицита социального диалога, его недостаточности для преодоления накопленного за долгие годы взаимного отчуждения и недоверия между обществом и государством» [1]. Действительно, ещё совсем недавно, в 2012 году, наблюдался «довольно низкий уровень конструктивного диалога между властью и обществом» [2, с. 7].

Однако уже 2014 год показал то, что «государство и гражданское общество в России не являются антиподами» [3, с. 5]. Таким образом, перспективы конструктивного диалога российского общества и власти становятся всё более очевидными.

Отметим, что понятие «диалог с властью» в последние годы не только органично встраивается в понятийный аппарат современной политической науки, но и приобретает вполне определённый практический смысл. Понятие «диалог с властью» закреплено в Регламенте Общественной палаты Российской Федерации и характеризуется в нём как «время для ответов должностных лиц Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на вопросы членов Общественной палаты» [5].

На наш взгляд, это понятие имеет гораздо более широкое социальное значение. Ведь результаты обсуждений разворачиваются в конкретные политические практики поддержки гражданских инициатив, подготовки рекомендаций по совершенствованию законодательства, осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти, общественный мониторинг реализации социально значимых проектов, проведения гражданских форумов и общественных слушаний с приглашением представителей власти.

Исходя из этого, нами предпринята попытка некоторой систематизации наиболее распространённых политических практик диалога российского общества с властью, в основе которой лежит тот или иной способ правозащитной деятельности:

- 1) общественное наблюдение в системе государственного управления;
- 2) общественное консультирование властных структур;
- 3) общественное одобрение (например, общественные обсуждения и публичные слушания);
- 4) общественное представительство интересов гражданского общества перед властью;
- 5) общественная экспертиза законопроектов;
- 6) общественный контроль за принятием и реализацией управленческих решений.

Резюмируя всё вышеизложенное, сформулируем вывод о необходимости расширения политических практик диалога российского общества и власти по вопросам реализации прав, свобод и законных гражданских интересов, которое, в свою очередь, должно сопровождаться соответствующей теоретико-методологической базой их исследования.

Список литературы

1. Гриб, В.В. Исторические предпосылки создания Общественной палаты России: правовой аспект [Электронный ресурс] / В.В. Гриб. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год [Текст]. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 124 с.

3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Текст]. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2014. – 184 с.
4. Малахова, О.В. Концепции взаимодействия государства и институтов гражданского общества в российском политическом процессе [Текст] / О.В. Малахова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 4. – С. 68-71.
5. Регламент Общественной палаты Российской Федерации: Принят на пленарном заседании Общественной палаты РФ 22.01.2006 г. (ред. от 26.06.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс.

ПАРТИИ РФ: ВЫРАЗИТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ИЛИ ПОСТАВЩИКИ УСЛУГ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК?

Порывкин В.Н.

доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, канд. истор. наук, доцент,
Россия, г. Ярославль

В статье рассматриваются вопросы финансирования современных политических партий РФ. Автор предполагает, что проблемы в этой области делают партии зависимыми от «спонсоров», решающих свои задачи вне интересов общества. Что требует серьёзных изменений в законодательной базе РФ.

Ключевые слова: политическая партия, финансирование политических партий, политический рынок, политические услуги.

Уверен, что абсолютное большинство граждан РФ достаточно отчетливо понимает: политические партии РФ сегодня – это организации, призванные по своей природе выполнять задачи по защите и отстаиванию интересов граждан, как перед властными органами, так и в их составе. И что для реализации этих задач им необходимо серьёзное финансовое обеспечение.

Современная российская партия вынуждена нести следующие основные расходы: на содержание аппарата управления (заработную плату, командировочные расходы); аренду (приобретение, эксплуатацию) помещений для работы, насыщение их оргтехникой, средствами связи и управления; транспортные, канцелярские, коммунальные и прочие текущие расходы; выпуск партийной документации, газет, брошюр, значков, футболок и иной атрибутики; проведение партийных мероприятий (съездов, конференций, собраний, совещаний и занятий с партийным активом); избирательные кампании; обеспечение работы региональных организаций; подкуп политических шпионов и информаторов, ведение политической аналитики и разведки.

Объективные данные об источниках, истинных объемах и направлениях своих расходов партии, естественно, не публикуют в целях политической маскировки. Вся информация по данному вопросу, представляемая в уполномоченные органы, конечно, искажена, а суммы занижены. Автор знает это из собственного опыта многолетней работы в партийных структурах.

А что требует наиболее значительных расходов? Сошлемся в этой связи на заявление руководителя ЛДПР В. Жириновского, прозвучавшее на телевидении в начале 2012 года: «для того, чтобы региональные отделения партии *только существовали*, необходимо ежемесячно выделять им 30 млн. рублей, чтобы *работали* – 60 млн. рублей, а чтобы *работали активно* – 90 млн. рублей» [1].

Признаем объективным в этом заявлении лишь признательные тенденции. То есть, чтобы партия хотя бы «существовала», уже необходимо финансирование региональных отделений. И от объемов последнего зависит активность и боевитость работы каждого низового звена партии в своем регионе.

Опять же из собственного опыта знаю, что финансирование региональных организаций именно федеральными органами партии сложилось ещё в 90-х годах XX века в ходе формирования партийной системы в РФ и объяснимо следующим важнейшим обстоятельством: только таким образом «партийный центр» всегда принуждал регионы «к послушанию». Для чего очень эффективной оказалась «золотоордынская» схема финансирования «низов»: руководители региональных отделений партии едут «на поклон» в центральные партийные органы, где получают строго «под отчет» деньги, материальные средства для ведения партийной работы. И только отчитавшись за расходование полученных средств, руководство региональной организации может претендовать на получение их новой «дозы» в объемах, определяемых персонально для каждого региона.

Вместе с тем, всегда приветствовалось «добывание» средств для ведения партийной работы и в регионе, но в разумных пределах. Таких, чтобы отделение партии не утратило финансовой зависимости от центра, а, значит, и не обрело политической самостоятельности в суждениях, оценках и выдвижении кандидатов во власть.

Закон РФ «О политических партиях» предопределяет необходимость политической партии иметь свои отделения в половине регионов РФ. Но для организации качественной партийной работы в масштабах страны наличия такого числа парторганизаций явно не хватит. По опыту – необходимо наличие не менее 70-75-х реально работающих региональных отделений партии. Что требует от партии огромнейших расходов. Особенно у вновь создаваемых партий: ведь её представителям необходимо приехать в регион, найти сторонников, обучить их практике работы, оформить в организацию. Что невозможно сделать с использованием лишь Интернета. Поэтому финансовая проблема для любой партии является одной из главнейших и определяющей для существования. Ведь без низовых структур теряется смысл в существовании самой партии.

Всё это ещё более актуализирует вопрос: откуда брать деньги политическим партиям? И на него, как правило, получаем два ответа.

Ответ первый: партии существуют на партийные взносы членов партии.

Однако, если посмотреть партийные уставы, то нельзя не выделить следующее: а) взносы, как правило, уплачиваются «по возможности»; б) за их неуплату серьёзной ответственности никто из членов партии не несет.

Такая постановка вопроса вполне оправдана: притока желающих для вступления в партийные ряды давно уже нет. В Ярославской области, например, в партиях состоит немногим более 2% взрослого населения [4]. Но и эта цифра вызывает большие сомнения, поскольку неоднократно были вскрыты факты приписок и сохранения в списках давно выбывших из партии по заявлению и «утративших связь» с партией. Потребуй у оставшихся партийцев платить взносы, и они выйдут из партии. Следовательно, этот источник финансирования партийной деятельности не просто ограничен, а нереален совсем.

Ответ второй: партии существуют на государственные деньги, получая их в зависимости от числа за них проголосовавших на выборах федерального масштаба и уровня.

Однако не составит труда определить, что: а) выделяемые суммы незначительны даже после их последних повышений [6] и не могут покрыть всех партийных расходов; б) они касаются лишь части политических партий, участвующих в выборах определенного уровня и добившихся успехов.

Исходя из этого, вопрос, где взять огромные деньги политическим партиям для своего существования и реализации «интересов граждан», остается «зависшим».

В этих условиях для решения финансовых проблем партия вынуждена создавать финансово-экономический актив. Он состоит из *добывающих* (выпрашивающих) деньги для партии и их *дающих*, спонсоров, оказывающих партии регулярную или периодическую финансовую помощь.

Наивно предполагать, что «спонсоры» делают это безвозмездно. Есть *спрос*, определяющий предложение. Значит, возник своеобразный *рынок*, на котором партия, как и гражданка, «стоящая на панели», может предложить лишь какие-то *услуги*.

Таковыми на федеральном, региональном и муниципальном уровне партия может выставить следующие: включение «проплаченных» граждан в предвыборные списки партии кандидатами во власть, прежде всего, законодательную; поддержка инициатив физических и юридических лиц, в том числе – при выдвижении в органы власти вне партийных списков; реализация «заказов» по моральному воздействию на организации и отдельных лиц путем проведения пикетов, демонстраций, митингов и прочих мероприятий, а также публикаций и выступлений в СМИ; поддержка («проталкивание») проектов законов партийными депутатами или наоборот, обратное действие.

Ассортимент партийных «услуг» достаточно широк. Без сомнения, что расценки по каждому виду услуг зависят от спроса и предложения на основании действующих законов рынка. Особое развитие политический рынок получил после принятия федерального закона «О политических партиях» в 2001 году, поскольку по нему *только партии* получили тогда право выдви-

гать своих представителей во власть. В итоге на продажу (сдачу в аренду) стали выставляться целые региональные отделения партий. Пример этому привел губернатор Рязанской области О.Ковалев в 2010 году [2]. Всё это, конечно, требует научного осмысления и дальнейшего исследования, хотя фактический материал для реализации подобных научных целей найти очень сложно.

Таким образом, даже поверхностное, ограниченное исследование позволяет сделать следующие выводы. Для своего существования и ведения работы на федеральном уровне и в регионах любой партии нужны огромные деньги. Афишируемый способ существования партий от «уплаты партийных взносов» просто нереален, а поддержка партий государством незначительна и не охватывает все партии. В то же время современная политическая партия в РФ является обладателем некоего специфического товара – услуг, которые и выставляет на политический рынок. Ассортимент и объемы реализуемых услуг позволяют партии существовать, определяя сущность и основное содержание её работы. Цена «партийных услуг» зависит от возможностей партии. Поэтому в условиях такого *партийно-политического рынка* реализация партией интересов граждан в органах власти или ограничена, или невозможна совсем.

И хотя на современном российском политическом небосклоне существует несколько десятков вроде бы по своей социальной направленности разных политических партий, их программные документы воспринимаются всего лишь публичными заявлениями, а не руководством к действию. Поэтому политические партии в России мизерны по своему составу, информацию о действительном положении дел внутри их узнать невозможно из-за политической конкуренции, а партийные руководители, в целях саморекламы и привлечения «покупателей услуг», выдают желаемое за действительное [5]. Программные документы партий декларативны, позволяют им всего лишь занимать «определенную нишу» в структуре и срезе общественно-политической мысли, а в реализации партийных намерений уверена лишь незначительная часть населения. Избранные по партийным спискам лица зачастую представляют собой наиболее слабо подготовленную часть депутатского корпуса, представителей которого отозвать из власти практически невозможно [3].

Поэтому, если не принять меры к изменению порядка финансирования партий, борьбы с негативным влиянием на них политического рынка, партии потеряют какую-либо значимость в общественной жизни совсем.

Что, по мнению автора, необходимо сделать в первую очередь?

Прежде всего, законодательно сделать партии *кадровыми*, с соответствующими признаками и предоставлением статуса *политических акционерных обществ* (ПАО), официально предоставляющих услуги определенного рода.

Далее, отменить существующий порядок выделения партиям половины мест в законодательные органы власти по итогам выборов. Эта норма абсолютно ничем не обоснована и просто надумана по своей сути. Её необходимо заменить положением о том, что партия, в зависимости от количества поданных за неё голосов, может направить в законодательный орган власти на федеральном и региональном уровне не более трех-пяти своих представителей. С возложением обязанности на последних вести соответствующую разъяснительную и организаторскую работу, как среди депутатов, так и среди избирателей в интересах партии. Тогда партии вынуждены будут искать себе специалистов в своих же личных интересах. И меньше заниматься распродажей мандатов.

В дальнейшей перспективе необходимо ввести обязательно в период очередных выборов непосредственную оценку итогов деятельности любого ранее избранного во власть лица по окончанию срока полномочий через соответствующую отметку в избирательном бюллетене. При условии обязательного исключения его из кандидатов во власть и запрещения ему выдвигаться вновь, если число оценивших его деятельность «отрицательно» превышает число оценивших его деятельность «положительно». Ведь выборы, по своей сути, это особый способ найма на работу. Тем более – во власть. И прямое отсутствие оценки итогов и качества работы всех, без исключения, избранных (нанятых) во властные структуры, представляется более чем странным явлением. Всякие же рассуждения о каких – либо иных, не прямых, а косвенных оценках, это, по мнению автора, всего лишь способ убежать проникших во власть бездельников, интеллектуально немощных и безнравственных лиц от ответственности.

Список литературы

1. Выступление В.В. Жириновского от 16 февраля 2012 года на телеканале «Россия –24». [Электронный ресурс] // <http://zhirinovskijj-vs-mironov-rossiya-24-debaty-16022012> (дата обращения 22.01.2015).
2. Выступление губернатора Рязанской области О.Ковалева от 23 января 2010 года в программе «Постскриптум» на телеканале «ТВЦ». [Электронный ресурс] // http://www.tvci.ru/broadcast_all.aspx?vid=75ac76f0-7c88-444b-bd9b-029e6de58049 (дата обращения 22.01.2015).
3. Государство и общество: проблемы взаимодействия // Материалы международной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С.171.
4. Сведения о деятельности наиболее активных политических партий в Ярославской области на 1 января 2014 г. // http://cfo.gov.ru/regions/YAR#_Точ391293600 (дата обращения 22.01.2015).
5. См. более подробно: Порывкин, В.Н. Организационно-партийная работа в современной российской политической партии: учебное пособие /В.Н. Порывкин; Рос. ассоциация полит.науки, Ярославское рег. отделение. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль, Аверс Плюс, 2013.- 78 с.
6. Федеральный закон о внесении изменений в статью 33 федерального закона "О политических партиях" от 14 октября 2014 года [WWW-документ] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169744/ (дата обращения 22.01.2015).

БЕЛГОРОДСКИЙ ИМИДЖ: «ФЕНОМЕН» ПРОТИВ ОБРАЗОВ ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Стариков Н.В.

директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры,
канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Представлен авторский обзор новейшей истории формирования имиджевых характеристик города Белгорода и Белгородской области и произошедших изменений в подходах к имиджированию территории. Период трансляции реальных достижений сменился формированием в массовом сознании образов идеального будущего, что, по мнению автора, повлекло за собой ряд социальных последствий.

Ключевые слова: имиджирование, бренд, идеологема, Белгородская область, Белгород, белгородский феномен, общество.

На рубеже веков город Белгород и Белгородская область приобрели устойчивые имиджевые характеристики, которые в обобщённом виде могли быть описаны категориями стабильности, порядка, развития. Такое восприятие региона к середине нулевых годов XXI века было сформировано как во внешнем информационном поле (в первую очередь, благодаря репутации губернатора области и появлению идеологемы «белгородский феномен»), так и внутри местного сообщества, где в силу разных обстоятельств положительный белгородский имидж сформировался сразу в нескольких важнейших сферах жизнедеятельности: духовной, политической, экономической, социальной. Объединяло имиджевые характеристики одно – вошедшие в сознание белгородского общества идеологемы, элементы бренда Белгородчины являлись скорее ёмким описанием реальности нежели искусственно созданными характеристиками имиджа. Опора на факт делала имидж региона незыблемым: положительно маркированные идеологемы были максимально защищены от дезавуирования, критики и иронии, поскольку отражали практическую действительность.

Приведём несколько примеров удачно сформированных в те годы характеристик белгородского имиджа.

В широкий оборот вошла характеристика «**Чистый город**», зачастую трансформировавшаяся в «Самый чистый город России». Её появление явилось результатом в равной степени политического решения по изменению внутреннего облика областного центра (визуально наиболее ярко это выразилось в тотальной замене асфальтового покрытия плиткой на тротуарах и даже иногда на проезжей части) и успешных усилий исполнителей на местах по благоустройству территорий. Сетевыми трансляторами концепта «Чистый город» явились статусные приезжие «лидеры мнений» – звезды эстрады, политики, бизнесмены, которые на стандартный вопрос о впечатлениях от города публично выражали приятное удивление от чистоты и порядка на ули-

цах. Кроме того, в начале нулевых свертхтекст о чистом городе неоднократно упоминался во внешних СМИ [1], что минимум на десятилетие сформировало устойчивый бренд Белгорода в России плюс дополнительно утверждало его достоверность в местном сообществе.

«Белгородские дороги – самые лучшие». Ещё одна характеристика имиджа, прочно вошедшая в сознание белгородского общества в нулевые. Массовые отклики в Интернете иногородних водителей, проезжавших область, усилили адаптацию этой характеристики белгородского имиджа. «В Белгородской области дороги отличные, а местами есть и с разделительной полосой в виде травы» – типичная заметка на водительских форумах в те годы о белгородском участке автодороги «Крым». Так же, как и в случае с «чистым городом» трансляция концепта «самые лучшие дороги» стала сетевой: белгородцы добровольно передавали его как предмет гордости за свою территорию; приезжие, в свою очередь, естественным образом стимулировали эту гордость положительными оценками.

Политической победой белгородского истеблишмента стало принятие обществом условного лозунга **«Белгородская область идет впереди всей России»**, своим появлением обязанному, в первую очередь, вступлению в действие в 2003 году областной программы улучшения качества жизни населения [2]. Идея о качестве жизни как основном параметре социально-экономического развития через два года была озвучена на уровне Президента России, а белгородский управленческий опыт официально признан передовым.

В духовной сфере широкое распространение получила идеологема **«Святое Белогорье»**, закреплённая в культуре православных белгородцев. Появление её связано с возрождением в 1990-е годы церковной жизни в регионе. В этот период стали восстанавливаться разрушенные храмы, возвращаться святые. В первую очередь, речь идёт о событии общецерковного уровня – втором обретении и возвращении в Белгород мощей небесного покровителя города – святителя Иоасафа. Формирование в сознании верующих понимания значимости реальных святых вновь сформированной Белгородской и Старооскольской епархии для духовного развития России легло в концепт «Святого Белогорья».

Идеологема «Святое Белогорье» в силу своей локальной успешности, с одной стороны, и высокой значимости православной культуры для белгородского социума, с другой, в нулевые стала использоваться в светской жизни отдельными представителями публичной власти, а также простыми верующими по отношению не к духовной, а к другим сферам жизнедеятельности. Безоглядное упоминание «Святого Белогорья» в светской речи, видимо сослужило недобрую службу имиджмейкерам следующего десятилетия, которые, приняв за образец успех идеологемы, не проанализировали её фактического значения. В начале десятых ослабление ряда имевшихся имиджевых характеристик (например, старение дорог, потеря актуальности опыта с качеством жизни) стимулировало поиск новых белгородских черт для медиапространства, при этом вольно или невольно были найдены и новые методы их формирования. Начиная с 2010-11 гг. критерий реальности, достоверности

перестал учитываться при формулировании городских и региональных идеологем. В моду вошёл новый подход – создание образов желаемого (а вернее идеального) будущего. Таким образом, была предпринята попытка идеологизации белгородского имиджа.

Помимо отказа от ориентации на реальность произошло изменение и в технологии трансляции: идеологемы отныне распространялись не сетевым принципом, а путём административного внедрения. Таким образом, стало возможным контролировать очередность, периодичность и скорость трансляции. Однако эти возможности, как представляется, были использованы в ущерб адаптации нового белгородского имиджа.

Частота изменений предлагаемых обществу идеологем, пожалуй, превысила допустимые пределы. В городской среде в период с 2011 по 2014 годы один за другим появились минимум четыре варианта позиционирования областного центра: «**Город добра и благополучия**», «**Умный город**», «**Удобный город**» и даже «**Город ноосферного развития**». Все они получили официальное закрепление либо в стратегических муниципальных документах, либо в избирательных программах, либо в резолюциях научно-практических конференций, проводимых органами местного самоуправления.

На региональном уровне развитие получили идеи солидарности и концепт «**Солидарное общество**», так же оформившиеся в нормативный документ – стратегию формирования регионального солидарного общества Белгородской области [3].

Заданность идеологем нового десятилетия, характеризуемая, с одной стороны, переходом от имиджа-факта к имиджу-идеалу, с другой, ужесточением контроля за его формированием, подчеркивалась самими идеологами новых концептов. Некоторые из них в какой-то момент публично признавались в потере интереса к своим идеям [4].

Адаптации нового имиджа активно мешало не только вертикальное внедрение, но и привычка членов общества ассоциировать себя с характеристиками имиджа (как то: «Я живу в самом чистом городе», «В моей области самые лучшие дороги», «Мы впереди всей России», «Я молюсь на земле святого Белогорья»). Аналогичные старым утверждения «Я живу в городе добра и благополучия» или «Наше общество солидарное» с точки зрения идеологов должны были быть переформулированы в массовом сознании с учетом появления перспективы («Мы стремимся к городу добра и благополучия», «Наше общество должно быть солидарным»), однако общество к такому дискомфорту оказалось по большей части неготовым.

В итоге новые идеологемы встретили естественное сопротивление и обвинения в утопизме, сопровождаемые ироничными комментариями ряда интернет-пользователей с примерами несоответствия реальности заново формируемому белгородскому имиджу.

Следует отметить, что в полной мере эффект от внедрения «образов будущего» оценить трудно, так как процесс их утверждения в социуме пока не окончен и, не исключено, ещё сможет успешно сформировать имидж территории на технологически новом уровне.

Тем не менее, ситуация сегодняшнего дня такова, что информационное пространство, ранее заполняемое имидж-фактами, зачастую оказывается свободным. Иногда оно временно наполняется свидетельствами приезжих о завистливости белгородского общества, иногда – вполне удачными констатациями конкретных успехов Белгородской области в социальной рекламе. Но эти фрагменты информационного воздействия вряд ли формируют цельный имидж региона прямо сейчас. К настоящему времени ещё актуальны ассоциации коренных белгородцев и белгородцев «со стажем» с концептом «Чистый город», в некоторой степени – с рядом других сильных идеологем нулевых [5]. Однако современное белгородское общество, во многом изменившееся и переструктурированное в силу высокого миграционного прироста, нуждается в появлении новых характеристик имиджа территории, положительно и в чем-то банально, без претензии на идеологию, маркирующих реальность.

Список литературы

1. Усс, Т. Аленький цветочек на лестничной площадке / Т. Усс // «Российская газета. Черноземье». 2003. №3374.
2. Об утверждении программы улучшения качества жизни населения Белгородской области: закон Белгородской области от 2 апреля 2003 г. N 74 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011 – 2025 годы: постановление правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. N 435-пп // «Белгородские известия». 31 декабря 2011. №232.
4. Социолог: «Надо учиться оценивать жизнь не только в рублях» // Аргументы и факты. 9 октября 2013. URL: <http://www.chr.aif.ru/belgorod/people/943402>.
5. Ткачев, А.А. Оценка жизненных условий белгородцев в первом полугодии 2014 года / А.А. Ткачев, С.В. Трапезников // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 1. С. 187-197.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Фролов В.Е.

ведущий специалист Организационно-протокольного управления Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, преподаватель кафедры международных процессов евразийского региона Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, аспирант кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается влияние геополитических факторов на развитие интеграционных процессов, происходящих в Евразийском регионе. Анализ этих факторов позволяет более детально изучить особенности процесса евразийской интеграции.

Ключевые слова: геополитика, интеграция, евразийская интеграция, постсоветское пространство.

Как отмечают специалисты, Евразия признается геополитическим центром мира, при этом, ключевая роль на евразийском континенте отводится России. [12; с. 387] Особую роль Евразийского региона в разное время подчеркивали такие исследователи, как Х. Маккиндэр, А. Мэхэн, Н. Спикмэн и другие. Так, в частности, Маккиндеру принадлежит известное выражение, в котором он выделяет регион Евразии на карте мира:

Кто правит Восточной Европой – тот управляет Хартлендом;

Кто правит Хартлендом – тот управляет Мировым островом;

Кто правит Мировым островом – тот управляет Миром [3; с. 106].

В представлениях Х. Маккиндера, «Хартленд» – это «сердце мира», находящееся в центре Евразийского континента, а «Мировой остров» – это более обширное пространство, включающее в себя территории Азии, Африки и Европы [8; с. 21].

Позже Н.Спикмэн несколько перефразировал Х. Маккиндера, что не сильно изменило смысл:

Тот, кто доминирует над Римлендом – управляет Евразией,

Тот, кто управляет Евразией, держит судьбу мира в своих руках [5; с. 43].

Особенностью геополитического положения большинства стран Евразийского региона является отсутствие выхода к мировому океану: из всех участников данная ситуация не затрагивает лишь три государства – Грузию, Россию и Украину. Данное обстоятельство не является серьезной проблемой для государств региона, однако следует учитывать тот факт, что, несмотря на развитие наземного и воздушного транспорта, морские перевозки играют важную роль в международной торговле.

Обозначенный фактор обладает значительным потенциалом и способен оказать стимулирующее воздействие на процессы евразийской интеграции: присоединение государств к Евразийскому экономическому союзу позволит перевозчикам сократить транспортные издержки в силу отмены пошлин, что приведет к снижению цен на транспортные услуги и, соответственно, стоимость перевозимого товара.

Однако важно подчеркнуть и потенциальную опасность сложившейся ситуации, т.к. в случае возникновения конфликта государство может закрыть свою территорию для транзита, что способно поставить под угрозу экономическую безопасность соседнего государства, оказавшегося в подобном положении.

Определенные политико-экономические условия сложились вокруг Армении, в настоящее время эта страна находится в осложненном геополитическом положении: не имея выходов к морю, она с Севера, Запада и Востока окружена прозападными государствами: Грузией, Турцией и Азербайджаном, при этом из перечисленных стран дипломатические отношения установлены только с Грузией. Также на Востоке Армения граничит с Ираном.

Являясь изолированной от внешнего мира сухопутными границами с двумя соседними государствами с запада (Турция), юго-запада и востока (Азербайджан, включая Нахичеванскую Автономную Республику), Армения

вынуждена искать пути для выхода в другие регионы. Из общей протяженности границ этой страны, составляющей 1448 километров, большая часть границ (83,5%) являются закрытыми. Таким образом, государство обладает крайне ограниченными возможностями для осуществления внешней торговли: 196 километров (13,5%) границы с Грузией на Севере и 42 километра (менее 3%) границы с Ираном на Юге [14].

В данной сложнейшей ситуации Армения вынуждена использовать все возможности для расширения внешних связей, и, как было отмечено нами выше в данном параграфе, подобная ситуация привела к развитию гибкости ее внешней политики. Принимая во внимание транспортную и экономическую блокаду со стороны Турции и Азербайджана, Армения проявляет гибкость во внешней политике, развивая отношения с двумя другими соседями, Грузией и Ираном. Один из главных принципов внешней безопасности, принцип комплементаризма, заключается в том, что Армения развивает эффективные взаимоотношения со всеми действующими в регионе заинтересованными силами. Сложившееся геополитическое положение делает Армению уникальной страной: являясь членом ОДКБ, она активно развивает отношения с НАТО в рамках своих интересов, двигаясь при этом в направлении Евразийского экономического союза.

Также важно отметить, что не следует исключать обусловленность участия Армении в интеграционных проектах с Россией надеждами армянского руководства на укрепление и развитие не только экономического состояния, но и безопасности страны. Подтверждением данного предположения служит расположение 102-й российской военной базы на территории Армении.

Отметим, что в условиях региональной интеграции особую важность приобретают состояние безопасности и политическая стабильность в соседних государствах, поскольку отсутствие одной из этих двух составляющих способно привести к дестабилизации целого региона. В этой связи следует подчеркнуть еще один геополитический фактор, обладающим отрицательным потенциалом в контексте влияния на процессы евразийской интеграции. Центрально-азиатская часть Евразийского региона, включающая Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, является политически нестабильной зоной. Нестабильность обусловлена рядом причин, в числе которых следует отметить следующие:

- напряженность в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном;
- сухопутная граница с Афганистаном, требующая усиленной охраны в связи с повышенной угрозой распространения терроризма, радикального исламизма и наркотических средств, по производству которых это государство является мировым лидером [2];
- конфликтный потенциал Ферганской долины, обусловленный произошедшими этническими конфликтами между узбеками и месхетинскими турками в 1989 году и узбеками и киргизами в 1990 году;
- заинтересованность ведущих государств мира, России, Китая и США, ведущих борьбу за ресурсы, маршруты транспортировки и доступ к рынкам [11; с. 7].

Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан выполняют роль своеобразного «буфера» для стран Евразийского экономического союза, отделяющим их от возможных угроз безопасности со стороны Афганистана и Ирана. С этой точки зрения возможно сделать предположение о том, что вступление Таджикистана и Киргизии в ЕАЭС приведет к необходимости значительного усиления контроля на таджикско-афганской границе для предотвращения угрозы расширения потоков контрабанды наркотических средств. Данные меры окажут благоприятное воздействие на безопасность не только в масштабах региона, но и в самом Таджикистане.

С геополитической точки зрения Туркменистан занимает интересную позицию: с запада государство выходит к богатому ресурсами Каспийскому морю, однако на юге оно имеет протяженную границу с Ираном и Афганистаном. На внешнюю энергетическую политику Туркменистана оказывают влияние как талассократический, так и теллуократический факторы: Туркменистан стремится формировать как морские, так и сухопутные геополитические линии, основу которых составляет трубопроводная система.

Азербайджан занимает выгодную позицию как для Евразийского региона в целом, так и для России в частности. Во-первых, эта страна имеет значительную протяженность береговой линии Каспийского моря, имеющего крупные запасы углеводородных энергоресурсов, по доказанному количеству нефти сопоставимых с российскими [15].

Во-вторых, российско-азербайджанская граница находится на юге Северного Кавказа, являющегося нестабильным регионом Российской Федерации [10]. Республика Дагестан, по югу которой проходит граница с Азербайджаном, подвержена проблеме распространения радикального ислама, организованной преступности и террористических группировок. Согласно статистике, в 2013 году в Дагестане было совершено 83% (120 из 144 совершенных в России) [9; с. 26] преступлений террористической направленности, что говорит о необходимости усиления контроля в республике и регионе в целом для обеспечения безопасности России. Учитывая конфессиональный состав населения Азербайджана [4; с. 28] (99,2% населения – мусульмане), следует отметить возможную угрозу распространения идей и усиления активности радикальных исламистов в данном регионе.

В-третьих, принимая во внимание интерес, проявляемый Соединенными Штатами Америки к Каспийскому региону, в частности, к Азербайджану, как государству с высоким природно-ресурсным потенциалом, а также участие Азербайджана в ГУАМ, возможно рассматривать эту страну как инструмент обеспечения национальных интересов США как в военных вопросах, так и в вопросах ресурсного обеспечения [13; с. 82-83].

В вопросах региональной безопасности также отмечается большое значение Белоруссии: эксперты оценивают эту республику как единственное препятствие для расширения НАТО на Восток, поддерживающее стабильность на западе России [7; с. 20]. С одной стороны, Белоруссия является своего рода «буфером» между Россией и Европейским союзом, имея западные границы с Литвой и Польшей. С другой стороны, в рамках Таможенного со-

юза и Единого экономического пространства, Белоруссия может выступать в качестве западного партнера России в решении вопросов политического характера, торговли и энергетики, а также вопросов, связанных с обороной и безопасностью. О выгодном геополитическом положении Белоруссии говорят и регулярные попытки США дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране [1].

Грузия, одна из наиболее процветающих советских республик, занимавших одно из лидирующих мест в СССР по уровню образования населения, в конце XX века оказалась в ситуации практически полного разрушения экономики. Это было обусловлено экономической политикой, проводимой руководством страны, а также территориальными конфликтами, связанными с нежеланием национальных автономий Абхазии и Южной Осетии признать независимость Грузии и войти в ее состав после выхода из Советского Союза. Осложнению ситуации способствовал запрет президента Грузии З.Гамсахурдиа в 1992 году на торговлю с Россией. В совокупности эти факторы привели к тому, что Грузия испытала колоссальный экономический спад, повлекший сокращение общего уровня жизни страны и населения.

Данная проблема внутри государства, во-первых, подтолкнула руководство страны к поиску путей выхода из кризиса, а, во-вторых, дала возможность западным политическим силам воспользоваться ситуацией в своих интересах: Грузия с геополитической точки зрения занимает выгодное положение, располагая на Западе страны протяженной береговой линией Черного моря и границей с прозападно ориентированным Азербайджаном на Юго-Востоке.

Высокие темпы экономического роста в Грузии в начале 2000-х годов стали результатом множества реформ, направленных на изменение функционирования исполнительной власти в стране, либерализацию экономики, изменение таможенного законодательства, сферы образования и здравоохранения. Отметим, что помимо влияния реформ, существенное воздействие на экономику страны оказала иностранная помощь [6; с. 222].

Таким образом, геополитические факторы оказывают значительное влияние на развитие интеграционных процессов в Евразийском регионе. Существующая в регионе геополитическая асимметрия, а также различие в интеграционных интересах руководителей государств Евразийского региона обуславливают многообразие и сложность процесса евразийской интеграции.

Список литературы

1. Colored Revolutions and “Regime Change”: Washington Attempts to Destabilize Belarus [Электронный ресурс] // URL: <http://www.globalresearch.ca/colored-revolutions-and-regime-change-washington-attempts-to-destabilize-belarus/25765>
2. Independent: Чего действительно удалось достичь в результате войны в Афганистане? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1309291200>
3. Mackinder H. Democratic ideals and reality : a study in the politics of reconstruction / by Sir Halford J. Mackinder ; [edited by and] with a new introduction by Stephen V. Mladineo. -- NDU Press defense classic ed., 1942. -- 227 с.

4. Mapping the global Muslim population. A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population // PewResearchCenter. – 2009. – 59 с.
5. Spykman N.J. The Geography of Peace / Nicholas John Spykman, Helen R. Nichol // Yale University. Institute of International Studies. – 1966. – 84 с.
6. Вардомский Л.Б. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия: монография / Л.Б.Вардомский и др. // Российская акад. наук, Ин-т экономики – М.: ИЭ РАН. – 2012. – 400 с.
7. Воронцов А.В. Возрастание роли Союзного Государства на постсоветском пространстве / А.В.Воронцов // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – №3. – 2013. – С.18-25.
8. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России / А.Г. Дугин // М.: Арктогея, 1997. – 599 с.
9. Журавель В.П. Борьба с терроризмом в Дагестане / В.П.Журавель // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2014. – № 12 (288). – С.25-38.
10. Заседание Совета Безопасности 9 сентября 2013 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19184>
11. Майтдинова Г.М. Шанхайская организация сотрудничества в геополитической динамике центральной Евразии в начале второго десятилетия XXI века / Г.М.Майтдинова // Вестник Челябинского государственного университета – Челябинск: Челябинский государственный университет. – 2013. – № 23 (314). – С.6-12.
12. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕврАзЭС: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.14 – Москва, 2012. – 414 с.
13. Насибова А.С. Азербайджан в фокусе геополитических интересов Вашингтона / А.С.Насибова // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 3. – С. 81-85.
14. Национальная программа действий по борьбе с опустыниванием в Армении [Электронный ресурс] // URL: www.unccd.int/ActionProgrammes/armenia-rus2002.pdf
15. О Каспийском регионе [Электронный ресурс] // URL: <http://www2.investinginrussia.ru/caspian/>

К ПРОБЛЕМЕ ГЕРОЕВ ВОВ ОТ АЗССР – ЭТНИЧЕСКИХ АРМЯН

Элибегова А.Г.

преподаватель Научно-учебного Центра информации и коммуникативных технологий ЕГЛУ им. В. Брюсова, канд. полит. наук,
Армения, г. Ереван

Ревизионизм в недавней истории народов СССР и событий Великой отечественной войны – серьезная проблема, с которой сегодня можно столкнуться в постсоветском пространстве. В данной работе рассмотрена проблема сокрытия наличия Героев ВОВ от АзССР – этнических армян в СМИ Азербайджана, а также искажение роли этнических азербайджанцев в победах Великой отечественной войны.

Ключевые слова: армяне, Азербайджан, Герои ВОВ, пропаганда.

Победа в Великой отечественной войне является общей заслугой всех народов Советского Союза и попытки идеологического ревизионизма и переписывания недавней истории, исходя из политической конъюнктуры, могут привести к весьма опасным последствиям. В ходе исследования темы ге-

роев ВОВ – этнических армян от АзССР автор столкнулся двумя основными проблемами, вынесенными в статье: попыткой умолчать роль и вклад армян-выходцев из АзССР в общую победу и попыткой приумножить в ней роль азербайджанцев путем фальсификаций.

В рамках исследования был проведен тщательный мониторинг СМИ Азербайджан на предмет наличия полного списка Героев ВОВ. Отсутствие подобного поименного списка выявило следующую проблему: в азербайджанских медиа нет четкого представления об их количестве. Согласно азербайджанскому сайту «Туран» их 123 [1], согласно сайту «1news.az» – 128 [2], информагентство «Тренд» дает обтекаемо «более 130» [3]. Председатель Республиканского общества ветеранов (РОВ) Азербайджана Балаоглан Рустамов настаивает на цифре 143 человек [4].

Единственный частично заслуживающий доверия список героев АзССР времен Великой отечественной войны можно найти в книге «Герои Советского Союза. Сыны Азербайджана» [5], изданной в 1965 году в Баку. В книге представлены биографии 103 Героев АзССР, из коих 29 – армяне¹, 30 – представители славянских народов, евреи и один немец- Рихард Зорге. Однако данный список далеко не полный, в нем, к примеру, отсутствуют шестеро славян², которые были зафиксированы в ходе сверки списка с героями на сайте проекта «Герои страны» [6]. В списке Героев Советского Союза – армян в книге «Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной Войне (1941- 1945)» К. Арутюняна и Г. Погосяна [7] также обнаружены ранее незафиксированные имена армян – уроженцев АзССР³. Если к наличествующему списку добавить героев Соцтруда от АзССР времен ВОВ – их шестеро (один из них также является армянином Елян Амо Сергеевич 10.01.1903 – 15.01.1965), то получаем цифру 121, из коих 36 – армяне. На сайте «Azerbaijans.com» представлен список Героев – этнических азербайджанцев, состоящий из 42 фамилий [8]. От условно записанных «азербайджанцами» также необходимо отделить представителей коренных народов Азербайджана: талышей, лезгин, татов и пр. К примеру, талыши Азии Асланов, Мирза Джабиев, тат Мехти Гусейн-заде, аварец Салахаддин Кязимов, лезгин Велиев Мирза, татарин Хакимов Михаил – все они включены в список «азербайджанцев» – Героев Советского Союза⁴.

Необходимо четко зафиксировать, что акцентируемые в азербайджанских СМИ словосочетания «герои-азербайджанцы» или «600 тысяч азербайджанцев – участников ВОВ» не носят этнической нагрузки, а согласно подсчетам свыше 65 % героев ВОВ от АзССР – не являются этническими азер-

¹ Указанный в книге Айрапетян Г.М. стал Героем СССРа еще во время советско-финской войны 1939-1940 гг. Необходимо отметить, что в список не попал армянин по национальности адмирал Иван Исаков (Ованес Исаакян).

² Богданов И.В. (02.05.1924 – 10.11.2002), Говорухин Л. А. (20.09.1912 – 28.08.1999), Гуртьев Л.Н. (14.07.1891 – 03.08.1943), Исипин А. И. (24.10.1911 – 23.02.1975), Литвинчук Б. М. (01.06.1917 – 01.11.1998), Тихомолов Б. Е. (28.06.1913 – 17.12.1991).

³ Казарян Андраник, Даниелянц Ерем, Айриян Армен, Гаспарян Сурен и Габриелян Рафаил.

⁴ В Азербайджане замалчивается талышское происхождение, родившегося в Ленкоране самого известного Героя АзССР Ази Асланова. В переписи населения от 1939 года «талышей», как этнической единицы в Азербайджане указано не было.

байджанцами, но являются выходцами из Азербайджанской ССР. При этом, в материалах азербайджанских СМИ, приуроченных ко Дню победы, в числе героев, как правило, не отмечаются представители христианских народов.

Среди армян – Героев Советского союза от АзССР есть выдающиеся личности, имена которых скрывать не представляется возможным: маршал И. Баграмян, маршал А. Бабаджанян, адмирал И. Исаков, летчик дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян и пр. Примечательно, что оба маршала: и Баграмян и Бабаджанян являются выходцами из села Чардахлу. В годы ВОВ 1250 человек из села ушли на фронт. 853 были награждены орденами и медалями, 452 пали смертью храбрых на поле боя. Село это дало Родине двух маршалов, четырех Героев Советского Союза, многих офицеров старшего командного состава [9]. В 1987-1988 население армянского села АзССР было насильно депортировано. Здесь необходимо отметить еще один немаловажный момент: если в случае с тюркским населением Азербайджана средний мобилизационный показатель никогда не был двузначным, то из прилегающих к Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) армяно-населенных районов Северного Арцаха на фронт ушли более 44.000 армян (процент мобилизации составил 32% от общего числа населения). Из самой НКАО в войне участвовали более 45.000 армян (33% от общей численности армянского населения области) [10].

В Азербайджане разрушены бюсты Героев Советского Союза – выпускников Бакинского высшего военного общевоинского командного училища, памятники маршалу Советского Союза Баграмяну, летчику – дважды Герою СССР Н. Степаняну, демонтированы памятник Неизвестному солдату, надгробия советских солдат, умерших в госпиталях республики и другие символы победы [11]. И теперь президент Азербайджана Ильхам Алиев 9 мая вынужден посещать памятник Ази Асланову в Баку [12].

Однако не только армяне сталкиваются с фальсификациями азербайджанской пропаганды. В 2013 году разгорелся скандал вокруг реставрации памятника павшим во время освобождения Севастополя воинам 77-ой Симферопольской дивизии, которую осуществляло правительство Азербайджана. На памятнике геройской дивизии, формирование которой проходило в Дагестане, после реставрации появились две надписи «Бессмертным сынам и дочерям Азербайджана» и надпись о том, что «Дивизия сформирована в 1920 году в Баку» [13]. В годы Отечественной войны у Советской армии были две дивизии под одинаковым номером 77. Первая из них была действительно сформирована в Баку в 1920 году. Приказом НКО № 0150 от 16 июля 1940 года из наименования дивизии было исключено слово «азербайджанская» в связи с переходом от национального принципа комплектования к многонациональному. А 3 октября 1942 года дивизия была расформирована [14]. Спустя две недели, 19 октября 1942 года, согласно приказу НКО, в Дагестане началось формирование новой 77-ой стрелковой дивизии. Это и была впоследствии получившая почетное звание «Симферопольская» дивизия, уже не

имевшая никакого отношения к «азербайджанцам»¹. В составе 77-ой Симферопольской стрелковой дивизии было шесть Героев Советского Союза, в числе которых: армянин (Арутюн Чакрян) и кумык (Абдурахман Абдуллаев), но ни одного героя- азербайджанца [15].

Та же ситуация с 416-ой стрелковой Таганрогской дивизией, в название которой попало слово «азербайджанская» после реставрации памятника. Однако 416-ая дивизия никогда не называлась «азербайджанской», хоть и формировалась на территории АзССР (согласно приказу от 22.02.1942). Примечательно, что на протяжении всей истории дивизии, ее командиром был лишь один выходец из Азербайджана – полковник Тарлан Алиярбеков – смещенный за некомпетентность ровно через 34 дня после назначения [16].

Опасения в связи с подобными действиями еще в 2009 году выразил экс-президент РФ Дмитрий Медведев: «Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями. <...> И, по сути, мы оказываемся в ситуации, когда должны отстаивать историческую истину и даже ещё раз доказывать те факты, которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными. Это трудно, иногда даже, честно сказать, противно. Но это необходимо делать» [17].

Из вышеизложенного следует, что в информационном поле Азербайджана предумышленно скрываются сведения о полном списке Героев ВОВ от АзССР, в особенности его «не азербайджанского сегмента». Подобный пропагандистский подход к фактам истории опасен для последующих поколений и их восприятия реалий 70-летней давности. По убеждению автора, методы конъюнктурной ревизии общей истории народов СССР неприемлемы как с научной точки зрения, так и с гуманитарной.

Список литературы

1. День победы над фашизмом в Азербайджане. [Электронный ресурс] / Contact.az. – Режим доступа: <http://wap.contact.az/docs/2013/Social/050900035667ru.htm>
2. Герои Великой Отечественной войны – никто не забыт! [Электронный ресурс]/ 1news.az. – Режим доступа: <http://1news.az/analytics/socium/20120509110250706.html>
3. Президент Ильхам Алиев: В Азербайджане к ветеранам проявляются большое внимание и забота. [Электронный ресурс] /Trend.az. – Режим доступа: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2272232.html>
4. Народ Азербайджана внес немалую лепту в победу над фашизмом. [Электронный ресурс] /Regnum.ru. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/824679.html#ixzz2ziQJdPOE>
5. «Герои Советского Союза. Сыны Азербайджана»./ Изд.: «Азербайджанское государственное издательство». – Баку, 1965 г. – 340 с.
6. Интернет проект «Герои Страны» [Электронный ресурс] / «Герои страны». – Режим доступа: <http://warheroes.ru>
7. «Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной Войне (1941-1945)». К.А. Арутюнян, Г.Р. Погосян. Изд.: «Гитутюн» НАН РА. Ереван, 2010. – 874 с.

¹ Глава азербайджанской общины Крыма Рагим Гумбатов демонстрирует в азербайджанской прессе медаль, посвященную 70-летию Симферопольской дивизии, надпись на которой, по его утверждению, подтверждает азербайджанское происхождение дивизии. Однако эта медаль была отчеканена в Баку в 1990 г. (освобождение Севастополя было 9 мая 1944 г.), на средства совета ветеранов Азербайджана в Баку, а не в Монетном Дворе.

8. Герои Советского Союза – Азербайджанцы. [Электронный ресурс] /Azerbaijans.com. – Режим доступа: http://azerbaijans.com/content_423_ru.html
9. Армяне в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [Электронный ресурс] / Газета «Ноев Ковчег». – Режим доступа: <http://noev-kovcheg.lgb.ru/article.asp?n=86&a=22>
10. Азербайджанский «героизм». Логика присвоения. Газета «Ноев Ковчег» № 10 (169)
11. Неизвестный солдат, ты кто по национальности? [Электронный ресурс] /Kavpolit.com. – Режим доступа: <http://kavpolit.com/kak-korrektiruyut-pamyatniki-geroyam-i-nacionaliziruyut-pobedu/>
12. Президент Азербайджана посетил памятник Ази Асланову. [Электронный ресурс] / АРА.az. – Режим доступа: <http://ru.apa.az/news/271119>
13. 70-летие освобождения Севастополя отметили у мемориала азербайджанским воинам. [Электронный ресурс] / Vesti.az – Режим доступа: <http://www.vesti.az/news/203095#ad-image-0>
14. Левон Мелик-Шахназарян: Азербайджан пытается украсть у народов Дагестана могилы героев Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] / Panorama.am – Режим доступа: www.panorama.am/ru/miscellaneous/2013/04/30/melik-shahnazaryan/
15. Российские эксперты о фальсификации истории Великой Отечественной войны со стороны Азербайджана. [Электронный ресурс] /Aspekty.net – Режим доступа: <http://aspekty.net/2013/rossiyskie-ekspertyi-o-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voynyi-so-storonyi-azerbaydzhana/#sthash.bX8j4Kfe.dpuf>
16. «Voskanapat.info» показал, как Азербайджан пытается фальсифицировать историю ВОВ, приписывая себе воинский подвиг дагестанцев. [Электронный ресурс] /Panorama.am. – Режим доступа: www.panorama.am/ru/analytics/2013/04/29/voskanapat/
17. Медведев: попытки фальсификации истории становятся все агрессивнее. [Электронный ресурс] /Ria.ru. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20090508/170340261.html#ixzz2zWglKzgN>

Научное издание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Сборник научных трудов
по материалам VII Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 31 января 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Подписано в печать 16.02.2015. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,53. Тираж 100 экз. Заказ 22.
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Петрова М.Г., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а